

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
«ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ИМ. Ю. САЕНКО»
ИС НАН УКРАИНЫ

Валерий Казаков
Валерий Пилипенко
Юрий Привалов

**ПОПУЛИЗМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА,
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Книга первая

**ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ КАРЛА МАРКСА:
ГЕНЕЗИС ПОПУЛИЗМА**

КИЕВ – 2021

УДК 316.3

Утверждено к печати Ученым советом Института социологии
НАН Украины (Протокол № 8 от 26 октября 2021 г.)

Научные рецензенты:

Г. Шипунов, доктор политических наук
Н. Соболева, доктор социологических наук

Казаков В., Пилипенко В., Привалов Ю. Популизм: теория и практика, история и современность. Книга первая: Теория революции Карла Маркса: генезис популизма / Отв. ред. Г. Чепурко. Киев–Львов: Простир-М, 2021. – 330 с.

ISBN

В работе рассматривается недостаточно изученная проблема – анализ Карлом Марксом действий и в целом поведения социально-политических сил, определяемых им как «красные», социально-классовой базой которых являются непролетарские социальные группы трудящихся. В современном политическом сленге такого рода силы, апеллирующие к народу (populus), определяются как популистские, как популисты. Маркс исследует популизм как средство манипуляции массами, установления контроля над их поведением и управления ими.

Монография адресована научным работникам, преподавателям, студентам, представителям неправительственных организаций, государственным служащим и политикам.

The article looks into Karl Marx's analysis of the actions and the behavior of socio-political forces, defined by him as "red", the social-class base of which is non-proletarian social groups of workers. In modern political slang, these kinds of forces appealing to the people (populus) are defined as populist, as populists. Marx explores populism as a means of manipulating the masses, establishing control over their behavior and managing them.

The monograph is addressed to researchers, teachers, students, representatives of non-governmental organizations, government officials and politicians.

ISBN

© Институт социологии НАН Украины,

© «Центр социальных экспертиз им. Ю. Саенко» ИС НАН Украины, 2021

Содержание

Предисловие	4
1. Степень исследования проблемы и ее узловые вопросы (некоторые методологические аспекты)	14
Анализ темы в рамках западной социологии	14
Советская наука	35
Литература этапа перестройки (постсоветский период) ...	53
Украинская социология	75
2. Социально-классовые и политические предпосылки революции 1848–1851 годов во Франции.	97
Социально-классовая структура французского общества .	101
Социально-политическая организация общества в предреволюционный период	115
Социально-политическая структура французского общества периода революции.	125
3. Развитие революции	136
Республика с социальными учреждениями.	136
Третья точка бифуркации: 13 июня 1849 года.	141
Четвертая точка бифуркации: второе воскресенье мая 1852 года	155
4. Анализ Марксом основных предпосылок популизма .	167
Народ (populus)	167
Выборы	177
Непрерывная революция и ее интерпретация.	183
5. Отношение Маркса к популизму	212
Критика Марксом «красной партии» (популизма)	212
Вторая сторона популизма	220
6. Революционные классы современного Марксу общества	231
Маркс о рабочем классе и пролетариате	231
Промежуточные социальные слои	268
«Жизненность» или «живучесть» переходных форм	287
Заключение	300
Литература	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий период в научной литературе и довольно широко в средствах массовой информации в разных формах поднимается вопрос относительно творчества Карла Маркса и его интеллектуального наследия. Это обусловлено целым рядом причин. Во-первых, по причине «чисто» **материальной**, прагматической. Как утверждает профессор Анатолий Гальчинский в своем интервью информационно-аналитическому еженедельнику «Зеркало недели» [Сколотяный, 2018], «Капитал» Маркса занимает первое место в рейтинге наиболее читаемых в прошлом столетии научных произведений. «Капитал» переведен на более чем 50 языков; совокупный тираж изданий – около 50 млн экземпляров» [Сколотяный, 2018: с. 7]. Еще ранее о подобном феномене писал Е. Беликов (2008): «Продажи первого тома этого научного трактата («Капитала» – уточнение авторов) в Германии выросли втрое по сравнению с 2005 годом. За прошедшую неделю немцы скупили 1,5 тысячи экземпляров. Подчищены все книжные запасы бывшей ГДР. Срочно готовится выпуск дополнительного тиража» [Беликов, 2008: с. 3]. Иначе: спрос порождает предложение (по закону рынка) и приносит работу, а также прибыль. Прибыль не только за счет увеличения тиражирования и продажи работ Маркса, но и посредством многочисленных публикаций в не менее многочисленных изданиях (реклама), как с интерпретацией идей Маркса, вызвавших широкий интерес потребителя, так и с объяснением этого феномена. Они приносят неплохую прибыль и вызывают «эффект мультипликатора», поскольку первоначальный стимул «умножает сам себя» [Эклунд, 1991: с. 121]. В ином варианте – порождение причиной самой себя во все увеличивающихся размерах.

Во-вторых, как считает профессор Гальчинский, Маркс заложил основы многих классических гуманитарных наук, экономики, социологии, политологии, психологии, на что, по его мнению, указывали многие знаменитые ученые: Р. Арон, И. Валлерстайн, Д. Робинсон, Й. Шумпетер, Э. Фромм. В частности, нобелевский лауреат и автор популярного учебника «Экономикс» П. Самуэль-

сон писал: «Смит, Маркс и Кейнс – ученые, которые являются основателями экономической теории, сделавшие ее жизнеспособной для современной действительности» [цит. по Гальчинский, 2013: с. 6]. Неудивительно, что работы Маркса, как первоисточники, вызывают **образовательный интерес** у такой массовой аудитории, как студенчество, увеличивая размеры возможного материального интереса. Гальчинский, в частности, утверждал в ходе отмеченного интервью газете «Зеркало недели» [Сколотяный, 2018]: «Для меня несколько неожиданными стали недавно опубликованные исследования, согласно которым Маркс является самым читаемым экономистом университетов США. Его труды занимают одно из первых мест среди книг, по которым американским студентам задают задания» [Сколотяный, 2018: с. 7]. Об этом же, по существу, утверждал еще в 1994 году директор Института экономики НАН Украины, академик И. И. Лукинов в своем интервью «Зеркало недели» [Вартанова, 1994]: «Капитал», кстати, и сегодня изучают в передовых странах Запада, однако делают из него верные выводы, связанные с кардинально изменившейся научно-технической, экономической, социальной, политической и духовной обстановкой» [Вартанова, 1994: с. 13].

В-третьих, как утверждает Гальчинский в интервью газете «Зеркало недели» [Сколотяный, 2018]: «Замечено, что интерес к Марксу особо возрастает в годы экономических потрясений. Как писала одна из немецких газет в период пика мирового финансового кризиса – осенью 2008-го, книги Маркса «буквально сметались с книжных полок». Сошлюсь в этом и на опубликованную The Guardian (6 июля 2012 г.) статью английского ученого С. Джеффриса с многозначительным названием «Почему Маркс снова на подъеме». «Возрождение интереса к Марксу, особенно среди молодых людей, – пишет автор статьи, – вызвано тем, что он дает инструмент (для политиков – уточнение авторов) анализа капитализма, и особенно капитализма кризисов, подобно тому, в котором мы оказались сегодня» [Сколотяный, 2018: с. 7]. В рамках этого научного интереса обращения к Марксу выкристаллизовывается и **интерес политический**. Как пишет доктор экономических наук, профессор Г. Старченков в рамках поиска выхода из экономического кризиса 2008–2009 годов, «британский пре-

мьер-министр Браун признал, что призрак Маркса бродит по Европе. Президент Франции Саркози заявил о намерении лечить кризис капитализма социалистическими методами. А канцлер Меркель утверждала, что самой популярной книгой в Германии стал «Капитал» Маркса, ибо немцы обратились к своему земляку в поисках выхода из экономической рецессии» [Старченков, 2009: с.]. Можно предположить, что такое поведение ведущих политиков своих стран способствовало повышению их рейтинга и укреплению их власти.

Политический интерес к Марксу наблюдается и у представителей разных «революционных» и политических сил, стремящихся как к изменению общества, так и препятствующих его трансформации. Как писал в 2007 году М. Озеров, аналитики из Центра развития, концепций и доктрин министерства обороны Великобритании подготовили доклад «Будущая стратегия обороны», в котором утверждали, что «средний класс – питательная среда для новых марксистских революционеров» [Озеров, 2007: с. 5].

В-четвертых, несомненно, наиболее актуальным и значимым в рамках данной работы является **научный интерес**. В его рамках следует различать: а) актуализацию и исследование самого Маркса, его работ в качестве прямых и непосредственных источников; б) как нечто иное, исследование идей Маркса вне его непосредственных работ и представленных в форме специфической интерпретации и понимании другими исследователями; в) как совершенно иное, исследование марксизма, как **некой совокупности** концепций, теорий Маркса, претендующей на их развитие и обладающей рядом специфических характеристик и черт (исторических, национальных, социокультурных и т. д.) и иными особенностями, но являющейся некой единой целостностью и претендующих на некую автономную самостоятельность.

В сфере такого подхода и особенно требований пункта «а», возникает необходимость строгого, широкого и прямого цитирования работ Маркса, что авторы и пытаются реализовать в данной работе. Между исследованиями типа «б» и «в» отсутствует строгое разграничение, а различие между ними определяется и устанавливаются самим ученым или научным сообществом.

Во многом оно заключается в нетождественности исследования (пункт «б» – интерпретация) отдельных идей, концепций или даже теорий Маркса и исследования всего наследия Маркса как системы и некой взаимосвязанной и взаимозависимой единой целостности.

В рамках пункта «в» существуют многочисленные, разные, качественно отличающиеся между собой версии (варианты) марксизма. Так, П. Кутуев пишет о «советском марксизме» [Кутуев, 2003: с. 58] или, в ином варианте, о «советском марксизме-ленинизме» [Кутуев, 2003: с. 111]. Кутуев также пишет и о некоторых интерпретациях идей, теорий Маркса, часть из которых может быть и специфическими формами марксизма. Так, с его точки зрения, «Нации Восточной Европы опирались на собственную традицию марксизма, а это позволяло им прочтение Маркса, явно отличное от интерпретации Москвы» [Кутуев, 2003: с. 61]. Он также считает, что профессор Гарвардского университета Роман Шпорлюк «указывает на крайне интересное сочетание идей марксизма с русским народничеством и листианством в рамках школы зависимости» [Кутуев, 2003: с. 62–63].

Гальчинский, в свою очередь, пишет о «сталинизированной парадигме марксизма», о «марксистско-ленинской (большевицкой) версии» марксизма, в рамках которых «мы претендовали на истину в последней инстанции в интерпретациях Маркса, в обоснованиях его связи с современностью» [Гальчинский, 2013: с. 6]. Он также фиксирует существование «ортодоксальной интерпретации» марксизма, «догматизированного» и «недогматизированного (творческого) марксизма», пишет о социал-демократической парадигме марксизма, «бернштейнианской (социал-демократической) версии марксизма», «либеральной парадигме марксизма» [Гальчинский, 2013: с. 6].

Перечисленные выше одни из немногих различных «марксизмов» и их модификации, а также различные интерпретации отдельных идей или теорий Маркса, возникли по многим причинам. Одна из них – мнимые или действительные «недостатки» или «ошибки» самого Маркса. Возможно «ошибки» его интерпретаторов, причины которых весьма разнообразны и многочисленны.

Вторую причину зафиксировал Бернштейн, отметив, что с третьим томом «Капитала» были «знакомы только немногие» [Бернштейн, 1991: с. 43]. Позже несколько в иной форме об этом же напишет Альбер Камю (1951): «Коммунистов, пришедших к революции благодаря изучению марксизма, можно было бы пересчитать по пальцам» [Камю, 1990: с. 190]. Далее Камю уточняет: «После смерти Маркса лишь горстка учеников осталась верной его критическому методу» [Камю, 1990: с. 264]. В свою очередь Эрих Фромм утверждал (1961): «Каждый считает себя вправе говорить о Марксе, не прочтя ни единой его строчки или хотя бы того минимума, который необходим, чтобы разобраться в сложной системе его мыслей и идей. Кстати, одна из главных работ Маркса по проблеме отчуждения и эмансипации до 1959 г. вообще была неизвестна англоязычной публике («Экономическо-философские рукописи»)» [Фромм, 1992: с. 377–378]. Иначе: многие аналитики ставят под сомнение марксистскую грамотность некоторых «марксистов».

В-третьих, профессор Гальчинский, характеризуя реальный, действительный марксизм, констатирует: «В свое время мы постоянно акцентировали на логической целостности учения Маркса. В действительности речь должна идти об открытости Маркса – ни одна из концептуальных позиций его учения не претендует на логическую завершенность. Незавершенность в отдельных частях, их противоречивость и **возможность разночтения** (выделено авторами) – это не слабая, а, наоборот, самая сильная сторона его теоретического наследия» [Гальчинский, 2013: с. 6].

Причины «возможного разночтения» и разнопонимания Маркса весьма разнообразны, но они не являются предметом исследования. Вместе с тем следует отметить: не является корректным сравнение, а тем более отождествление, реального марксизма с его различными вариантами, в рамках которых Марксу «приписывается» нечто, о чем он и не писал, не утверждал. Не корректным является и отождествление реальных конкретных социалистических политических режимов или различных теорий социализма и коммунизма с марксизмом в целом. Необходимо отличать марксизм действительный (пункт «а») от неких теорий социализма, например, от «социализма Бисмарка

в Германии» или «прусского социализма». Следует еще раз подчеркнуть, что во избежание разночтения и разнопонимания идей Маркса и марксизма в целом необходимо широкое и прямое цитирование самого Маркса, а не его интерпретаций, отождествляемых с самим Марксом.

Профессор Гальчинский указывает на ряд путей выхода из проблемы разночтения и разнопонимания Маркса, которую весьма условно и схематично можно назвать «проблемой Маркса». В рамках первого пути **необходимо «очистить»** Маркса (марксизм) от «вирусно-разрушительных образований» в виде политических аспектов. Точнее и конкретнее – «нужно спокойно, без политиканства попробовать шаг за шагом очистить идеи Маркса от большевизма и на этой основе осознанно определиться, что действительно мы должны взять из его теоретического наследства, а от чего отказаться» [Сколотяный, 2018: с. 7], – утверждает Гальчинский. На этой основе, в рамках второго пути, необходимо не просто механическое устранение, например, отмеченных «вирусно-разрушительных» политических образований, а **необходимо «новое прочтение»** Маркса. Гальчинский в упомянутом интервью «Зеркало недели» отмечает: «Новое прочтение Маркса – одна из важнейших задач нашего времени. Интегрироваться в мировоззренческую структуру Запада без учета того, что в ней был и остается в качестве влиятельного субъекта Маркс, невозможно. **Весомое слово в этом должны сказать ученые-обществоведы, Академия наук** (выделено авторами). Замолчать эту проблему невозможно» [Сколотяный, 2018: с. 7].

Более конкретно: второй путь (или этап) реализуется в третьем пути (этапе), в развитии марксизма, в его **«новом возвращении»**. Гальчинский отмечает: при всех существующих коллизиях «нельзя отрицать, что развитие мировой истории во многом корреспондируется с идеями Маркса. На этом и основывается неугасающий интерес к его методологическому наследию» [Сколотяный, 2018: с. 7]. Собственно, марксизм в целом во многом взаимосвязан с иными различными науками, более того на его основе возникают новые современные научные направления, среди которых Гальчинский указывает на теорию саморазвития и на ряд иных парадигм, концепций и теорий. Например, Галь-

чинский пишет: «Нельзя отбрасывать возможность нового возвращения Маркса, его утверждения в качестве одного из создателей теории постиндустриализма. Теории, в которой, как это задекларировано в «Манифесте», свободное развитие каждой человеческой индивидуальности является условием развития всех» [Гальчинский, 2013: с. 6]. К подобного рода «новым теориям» «возвращения марксизма» можно отнести и **теорию популизма**, а в наиболее узком плане и возникающую в настоящее время **социологию популизма**.

Следует также отметить, что отмеченная взаимосвязь марксизма со многими иными научными направлениями, как и иные качественные характеристики марксизма, являются условиями формирования на его базе **исследовательской программы популизма**.

Такая задача возникает и по причине того, что в современной политике, публицистике, СМИ и отчасти в науке активно и широко разными акторами используется термин «популизм» (populism) и производные от него термины, а некоторые политические силы, партии и движения, объявляют себя «народными» (populus). Первые данный термин во многом пытаются применять как некий негативный политический ярлык с целью дискредитации своих оппонентов или обвинения их в неких политических или иных «грехах» вплоть до их преследования в разных формах. Вторые субъекты (институты), самозвано идентифицируя себя «народными» (people's, populist), используют его как средство для мобилизации, организации, манипуляции и управления массами («народом»).

Отчасти такое понимание «популизма» проникло и в науку. Но первое понимание имеет политический характер. Такое понимание, чего некоторые акторы не осознают, не дискредитирует, а скорее «восхваляет» и «возвеличивает» их оппонентов. Оно объявляет и признает их «народниками» – «представителями» или «защитниками» народа. Существуют и иные трактовки популизма.

Подобную ситуацию Р. Мертон определяет, как «терминологическую путаницу» (1957): *«Очень часто один и тот же термин используется для обозначения различных понятий, точно так же как одно и то же понятие обозначается различны-*

ми терминами. Как ясность анализа, так и адекватность научной коммуникации становится жертвой этого легкомысленного употребления слов. Зачастую функциональный анализ страдает от непреднамеренного **изменения концептуального содержания** (выделено авторами) некоторого термина, а коммуникация с другими блокируется, когда тождественный, в сущности, характер мыслимого содержания затемняется применением для его обозначения целого ряда различных терминов» [Мертон, 1994: с. 380]. Об этом же пишет Р. Арон (1965) в своей книге «Демократия и тоталитаризм» [Арон, 1993: с. 21] и многие другие исследователи.

Для решения отмеченной проблемы в рамках исследовательской программы популизма как части составляющей установления процесса изменения знания (Лакатас) необходимо обратиться к истории возникновения термина и самого феномена популизма, а более конкретно, к идеям Карла Маркса и его исследованию революций 1848 года во Франции и Германии. Он, не используя термин «популизм», пишет о «красной» партии, «красных» социально-политических силах революции. Их социально-классовой основой являлись непролетарские трудящиеся классы, которые выступали (боролись) против «перегибов» капитализма (получения сверх- или монополистической прибыли и т. д.) или против капитализма в целом.

Маркс, являясь идеологом и одним из организаторов рабочего и коммунистического движений, всячески и постоянно указывал на их значимость, подчеркивал их «направляющую и руководящую» роль, настаивал на утверждении гегемонии промышленного пролетариата в революции в развитых индустриальных странах мира. Однако как ученый он писал и о возможности, необходимости и даже неизбежности в некоторые периоды времени иных вариантов. В частности, гегемонии в революции «красной» партии (популистов), «красных» непролетарских трудящихся классов и социальных групп, подчиняющих своей воле действия и деятельность пролетариата. «Красные» не признавали, отрицали и выступали против (боролись) гегемонии пролетариата и пролетарской революции, навязывали и утверждали свою гегемонию под внеидеологическим термином «народ». Маркс открыто

и прямо апеллировал к пролетариату и утверждал, что защищает его интересы и призывал к пролетарской революции. Популисты («красные») не признавали и отрицали эти утверждения и идеи, они апеллировали к «народу», утверждали, что защищают интересы народа, выступая за народную, а не пролетарскую революцию, призывали к народной, а не пролетарской диктатуре.

В советский период возможности и необходимости отмеченного пути (гегемонии в революции непролетарских трудящихся классов) по ряду причин не уделялось должного внимания, включая идеи по данной проблеме самого Маркса. В современный период популистские движения получают все более широкое распространение («желтые жилеты», Брекзит и т. д.), а партии популистов добиваются все большего авторитета, достигая значительных успехов на национальных выборах, особенно в странах ЕС. Понимание и объяснение этого феномена частично возможно посредством обращения к отмеченным идеям Маркса. В этом заключается актуальность исследования.

Целью работы является уяснение по работам Маркса социально-исторических предпосылок возникновения и деятельности «красной» партии (партии популистов), ранних форм проявления популизма. **Объектом** – работы Карла Маркса, посвященные революциям 1848–1851, 1870–1871 годов во Франции и Германии. **Предметом** работы являются теоретические (не идеологические) идеи Маркса относительно деятельности «красной партии» и иных политических и социально-классовых сил непролетарских трудящихся классов (крестьянства, городской мелкой буржуазии, иных групп «среднего» класса и т. д.). **Задачи:** проанализировать идеи Маркса по проблеме «красной» партии и популизма, обобщить и систематизировать их. В более широком плане данную проблему можно сформулировать как понимание Марксом субъектов революционного (исторического) действия на основе исследования им опыта революции 1848–1851 годов во Франции.

Работа выполнена в историко-социологическом плане и, стремясь быть точным, особенно по отношению к оппонентам,

авторы широко используют цитаты из работ различных исследователей творчества Маркса и самого Маркса, этим указывая и подчеркивая, что это не авторская интерпретация их взглядов, а максимально приближенное изложение их позиций. С одной стороны, широкое и обильное цитирование может восприниматься (рассматриваться) как некий недостаток работы, но в этом и ее преимущество, так как в условиях такой ситуации риски неверной интерпретации точки зрения оппонентов (и самого Маркса) значительно уменьшаются. С другой стороны, в рамках такого подхода приводимые цитаты являются неким документом, своеобразным эмпирическим материалом, используемым для обоснования авторских точек зрения.

Следует еще раз отметить, что работа выполнена в рамках истории социологии, теории (теорий) социальных изменений, а именно – теории социальной революции, а также классового анализа социальной структуры общества. Работа выполнена в рамках плановой темы отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины «Теоретические исследовательские программы в современной социологии: тренды та потенциал» (шифр: 3.2.6.197).

1. СТЕПЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ УЗЛОВЫЕ ВОПРОСЫ (НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

◆

Анализ темы в рамках западной социологии

На Западе, особенно в Европе, исследователи традиционно широко обращаются к теоретическому наследию Маркса. Как уже отмечено, в капиталистических странах опубликовано большое количество работ о творчестве Маркса, но еще больше о «марксизме» в его различных вариантах. Вместе с тем основная их масса посвящена философским или экономическим проблемам, исследуемым Марксом, в меньшей степени – его теории революции, ее движущим силам и в целом – классовой борьбе. В работах этого плана или присутствуют ссылки на стандартные, схематизированные и основные положения этих теорий Маркса, или они посвящены их весьма упрощенной критике, сопряженной с разного рода упреками и обвинениями в адрес Маркса: он это преувеличил, переоценил, этого не увидел или не учел и т. д. Конкретной проблеме, рассматриваемой в данной работе, посвящено еще меньше публикаций, в них, как правило, исследуются отдельные аспекты проблемы, вне их единства и целостности. Более конкретно можно говорить лишь об отдельных положениях разных авторов, посвященных анализу Марксом проблемы субъекта революционного действия (за исключением пролетариата).

Фиксируя уровень развития западного марксизма, в 1976 году **Перри Андерсон** отметил его тенденцию: скорее дотрагивать учение Маркса, «нежели развивать его» [Андерсон, 1991: с. 17]. Это, с его точки зрения, привело к тому, что «за более чем 20-летний послевоенный период интеллектуальный вклад западного марксизма в создание собственной оригинальной экономической и политической теории как таковой в смысле фундаментальных трудов в какой-либо из этих двух областей фактически оказались нулевым» [Андерсон, 1991: с. 60]. Данная ситуация была обусловлена рядом причин. Во-первых, произошло «сме-

шение главного фокуса марксистской теории из области экономики и политики в область философии» [Андерсон, 1991: с. 63]. Во-вторых, изменение приоритетов было вызвано рядом обстоятельств: а) сменой поколений исследователей; б) их разной национальной принадлежностью; в) местом проживания и т. д. В-третьих, структурным отделением западного марксизма от политической практики, что происходило в условиях разочарования марксистов-теоретиков в рабочем классе и отождествлением его с коммунистическими партиями. В-четвертых, на Западе по ряду причин произошло сужение возможностей для теоретической работы, проявившееся в институциональном послушании или изоляции [Андерсон, 1991: с. 59].

Объясняя эту ситуацию, Андерсон несколько по-иному пишет: «На характере западного марксизма не могли не сказаться катастрофы, которые сопровождали и окружали его» [Андерсон, 1991: с. 161]. В первую очередь это обстоятельство было связано с тем, что, как он считает, «рабочее движение претерпевало одно за другим радикальные поражения на каждом критически важном поворотном пункте истории» [Андерсон, 1991: с. 161]. Как следствие западный марксизм качественно изменился. «Марксизм превратился в теорию, в некоторых важнейших аспектах совершенно отличную от всего ей предшествовавшего» [Андерсон, 1991: с. 38], – пишет Андерсон. Он отмечает ряд характерных черт этого «нового марксизма»: «Общая узость интересов и равнодушие к развитию научной мысли за пределами своей страны препятствовали развитию сколь-нибудь целостного или ясно-го самосознания западного марксизма. Незнание теоретиками творчества друг друга держало систему отношений и различий между ними в состоянии туманной неопределенности» [Андерсон, 1991: с. 81].

Андерсон критикует не только западный марксизм, но и самого Маркса, точнее, он обозначает «три круга проблем, в которых теория Маркса представляется наиболее уязвимой с точки зрения современного видения перспективы» [Андерсон, 1991: с. 123].

В рамках первого круга проблем Андерсон считает, что Маркс лишь «предпринял попытку теоретического исследования

(пусть на весьма абстрактном философском уровне) **структуры буржуазной демократии** (выделено автором)» [Андерсон, 1991: с. 123], но затем прекратил свои исследования в этом направлении. Однако, как представляется, Андерсон, отмечая употребление Марксом «оскорбительного ярлыка» «бонапартизм», противоречит отчасти сам себе. Для Маркса термин «бонапартизм» означает не только тип политического режима, но и характеристику специфического буржуазного политика, лидера-популиста. Он появляется и формируется только в условиях буржуазной демократии. Так как является выбранным в условиях свободных выборов преобладающим числом граждан-избирателей (народом), на которых он опирается, и с которыми он «заигрывает», льстит им, раздает обещания и т. д. (подробнее об этом ниже). Сам же Андерсон и пишет: «Маркс употреблял оскорбительный ярлык «бонапартизма» в применении к современному буржуазному государству вообще, считая бонапартизм типичной его формой и руководствуясь воспоминаниями о его политической роли в контрреволюции 1848 г.» [Андерсон, 1991: с. 123].

Собственно, этим самым Андерсон подчеркивает мысль Маркса о том, что бонапартизм, как форма своей реализации лидером-популистом, есть типичное проявление буржуазной демократии, необходимый элемент ее структуры. Можно сказать, что Андерсон неосознанно или сознательно указывает на необходимость дальнейшего углубленного исследования анализа Марксом фигуры руководителя-популиста (что и будет сделано ниже).

Далее – о политической роли бонапартизма в контрреволюции 1848 года, но какой контрреволюции? Контрреволюции в дни пролетарского восстания (пролетарской революции) в Париже в июне 1848 года? Но тогда бонапартизм еще не сформировался, его еще не было. Он возник лишь после 10 декабря 1848 года, даты избрания французскими крестьянами Бонапарта президентом страны, и превращения их в одну из основных движущих сил французской буржуазной революции. Французская революция середины XIX века не завершилась в июне 1848 года с поражением пролетариата, она продолжалась, изменились ее параметры. Маркс это понимал и прямо на это указывал, подчеркивая возникающую решающую роль крестьянства и других средних

слоев (об этом подробнее ниже) во все еще продолжающейся уже буржуазной или буржуазно-демократической революции. Отчасти вопрос о характере этой революции еще решен не был в момент написания Марксом, например, «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.» (завершена в марте 1850 года).

В рамках второго круга проблем Андерсон пишет: «Поражение 1848 г. привело к возникновению у Маркса ошибочного представления о невозможности в будущем буржуазных революций из-за повсеместного страха капитала перед рабочим классом» [Андерсон, 1991: с. 124]. Вряд ли можно считать эту точку зрения Андерсона обоснованной уже из-за приведенной выше интерпретации первой проблемы. Кроме того, на необоснованность этой позиции Андерсона (и ее неверность, ошибочность) указывает сама логика Маркса и его работы после июня 1848 года.

В рамках третьего круга проблем, экономических идей «Капитала», которые Андерсон конкретизирует в политическом плане, он считает сомнительным положение Маркса «о постоянно увеличивающейся классовой поляризации между буржуазией и пролетариатом» [Андерсон, 1991: с. 125], не получившим «адекватного подтверждения». Сомнительными, по Андерсону, являются и идеи Маркса о крахе капитализма. В них проявляется его «двойственность», совместное сосуществование, как считается, его противоречивых положений. «Первое подразумевало экономический крах капитализма в результате действий собственных внутренних механизмов; второе – социальный крах, если не из-за обнищания пролетариата, то вследствие конечного абсолютного численного превосходства громадной армии промышленного рабочего класса (производительных рабочих) над крохотной кучкой буржуазии» [Андерсон, 1991: с. 125], – пишет Андерсон.

Эта позиция Андерсона также порождает множество вопросов. Как понимать и как понимает Маркс, да и сам Андерсон, категорию «производительного рабочего»? Ведь сам Андерсон указывает на необходимость учитывать различие между производительным и непроизводительным трудом. Составляют ли и могут ли «производительные рабочие» составить громадную армию промышленных рабочих? И как отличать промышленных

рабочих и рабочих производственных? Является ли буржуазия, и какая буржуазия, включая мелких собственников, крохотной кучкой? Можно отметить другие возможные вопросы, однако важнее иное. Андерсон, по существу, как отмечено, фиксирует и пишет о «двойственности» марксизма. Наиболее четко он формулирует ее в иной части текста, ссылаясь на итальянского марксиста, члена итальянской Коммунистической партии (ИКП), ученика Дела Вольпе Лучио Коллетти. В частности, он пишет: «Коллетти все глубже уходил в изучение двойственности марксизма как «науки и революции» – как теории объективных законов капитализма, так и теории субъективной способности пролетариата сбросить способ производства, частью структуры которого он сам является» [Андерсон, 1991: с. 84]. Собственно, возникает проблема субъекта революционного (исторического, конфликтного) действия.

Наиболее ярко и остро эта проблема (субъекта) проявилась в столкновении французского марксизма со структурализмом и постструктурализмом. Андерсон отмечает: это «главная проблема, вокруг которой сталкивались все соперники... Что это была за проблема? В сущности, это проблема природы взаимоотношений между структурой и **субъектом в человеческой истории и обществе** (выделено автором)... она всегда составляла одну из центральных и фундаментальных проблем исторического материализма как теории развития человеческой цивилизации» [Андерсон, 1991: с. 178–179]. Несколько иначе: вопрос в том, что признать основной движущей силой исторических перемен. Это объективное противоречие между производительными силами и производственными отношениями или классовая борьба? «Каким же образом эти два различных типа причинности или принципа объяснения должны быть увязаны в теории исторического материализма?» [Андерсон, 1991: с. 179], – задается вопросом Андерсон.

Вместе с тем на Западе в значительной степени утвердилась мысль **Альбера Камю** (1913–1960), высказанная им в 1951 году, о том, что «основные черты марксистской схемы общеизвестны» [Камю, 1990: с. 275]. Например, почти все философы, ученые и политики признавали, что Маркс утверждал о доминирующей

роли пролетариата в революционном (и историческом) действии, необходимости утверждения его гегемонии в революции как ее единственного субъекта и т. д.

В соответствии с этой логикой необходимы были в первую очередь не тщательный анализ идей Маркса или их развитие, а критика марксизма и выдвижение противостоящих ему тезисов.

Реализуя эту логику, Камю утверждает об утопичности проществ и мечтаний Маркса, которые лишь по форме «силятся быть научными», и которые с его точки зрения потерпели крах. Более конкретно (только в рамках исследуемой проблемы), во-первых, Камю критикует идею Маркса об исторической миссии пролетариата. С одной стороны, он утверждает, что «пролетариат отказался от возложенной на него тем же Марксом исторической миссии. Марксу можно простить его заблуждение» [Камю, 1990: с. 287].

С другой стороны, отметив реальность существования реальной миссии («превратить наихудшее унижение в высшее человеческое достоинство» – труд), Камю считает, что данная миссия пролетариата существует «наравне с миссиями любых других человеческих групп, которые способны извлечь плодотворную гордость из своего труда и своих страданий» [Камю, 1990: с. 287]. Кроме того, как он считает, «идея миссии пролетариата до сих пор не нашла своего воплощения в истории; в этом и заключается крах марксистских предсказаний» [Камю, 1990: с. 286]. Реально в действительности «единственная историческая миссия пролетариата состояла в том, чтобы его предали» [Камю, 1990: с. 288], – пишет Камю.

Во-вторых, Камю ставит под сомнение возможность победы пролетариата в революции. «Маркс признавал, что все революции, происшедшие до него, потерпели поражение. Но полагал, что возвещаемая им революция должна одержать окончательную победу. Вплоть до сего времени рабочее движение держалось за этот постоянно опровергаемый фактами постулат, чью ложность давно пора без лишнего шума обличить» [Камю, 1990: с. 292], – утверждает Камю. В целом он вообще считает, что реальный пролетариат «не укладывается в отведенную ему схему» Марксом.

В-третьих, Камю также сомневается в необходимости революции. Он называет ее то «марксистской», то «социалистической», «бунтарской», а то вслед за Марксом – «рабочей» [Камю, 1990: с. 264, 275, 288, 277]. Весьма критически Камю относится к возможным и реальным последствиям этой революции и вообще к решению Марксом **«революционной проблемы»**. Так, например, он пишет, что, с точки зрения Маркса, «захват власти невозможно откладывать на неопределенное время. Наступит день, когда ее нужно брать, но как раз относительно этого дня в сочинениях Маркса царит весьма сомнительная ясность, – это чувствует каждый его читатель. В этом пункте Маркс постоянно себе противоречил. Он отметил лишь, что общество «исторически вынуждено пройти через диктатуру пролетариата». Что же касается характера этой диктатуры, то здесь его определения противоречивы» [Камю, 1990: с. 279].

В целом критика Маркса Камю носит философский, а не научный характер, кроме того, подвергнув сомнению роль пролетариата как доминирующего субъекта социальных изменений капиталистического общества, он не находит иного актора, который выполнял бы роль и функции гегемона. Вместе с тем Камю утверждает, что «Маркс не уставал подчеркивать революционную роль, которую, пусть неосознанно, играет в нем (историческом процессе – уточнение автора) буржуазия. Он говорил об «историческом праве» капитализма, источнике нищеты и в то же время прогресса» [Камю, 1990: с. 277].

Более конкретно эта интерпретация Камю проявилась в анализе им «крестьянской проблемы» и сопряженной с ней проблемой мелкого собственника вообще. Он считал, что «Маркс имел достаточно материала для размышления над крестьянской проблемой. Но его страсть к системе упростила ее. И это упрощение в свое время дорого обошлось кулакам» [Камю, 1990: с. 284]. Более того, Камю читает, что история социализма «может рассматриваться как борьба рабочего движения с классом крестьянства. Эта борьба продолжает – в историческом плане – идеологическую борьбу XIX века между авторитарным социализмом и социализмом анархистского толка, чье крестьянское и ремесленное происхождение очевидно» [Камю, 1990: с. 284]. Дан-

ную ситуацию Камю фактически объясняет **живучестью мелкого собственника**, его постоянным воспроизводством. Так, по Камю, с одной стороны, «закон концентрации (капитала и производства – уточнение автора) оказался совершенно ложным по отношению к сельскому хозяйству, на которое Маркс смотрел излишне легкомысленно» [Камю, 1990: с. 284]. С другой стороны, в городе возникновение акционерных обществ порождает новую социальную группу мелких собственников. Кроме того, «усложнение производства способствовало появлению вокруг крупных фирм множества мелких мануфактур» [Камю, 1990: с. 284], – пишет Камю. В целом и «главное в том, что эти мелкие промышленники образуют **промежуточный социальный слой** (выделено авторами), усложняющий надуманную схему Маркса» [Камю, 1990: с. 284], – считает, обобщая изложенное, Камю.

Следует отметить и подчеркнуть, несмотря на то, что Камю, вероятно, претендует на авторство последних изложенных положений и их новизну, в той или иной форме ранее их высказал именно Маркс. Камю лишь повторяет, иногда почти дословно, начало главы пятьдесят второй «Классы» третьего тома «Капитала». Он в этом плане может лишь претендовать в той или иной мере на развитие или углубление идей Маркса. Вряд ли можно серьезно утверждать, как это делает Камю, что промежуточные социальные слои усложняют надуманную схему Маркса, так как он уделяет им, как и крестьянству, большое внимание и учитывает их поведение (об этом ниже).

Весьма бессмысленным и неадекватным, если не наивным, выглядит высказывание Камю о том, что «среди мятежников 1871 года практически не было марксистов» [Камю, 1990: с. 286]. Вопрос в том, что эти «не марксисты» действительно в идеологическом и политическом плане не были марксистами, но они действовали как классические марксисты. Будто бы они день и ночь штудировали (1871) как студенты работы Маркса о революции 1848 года, а потом использовали их в качестве инструкции для создания Парижской коммуны и ее деятельности.

Однако главным недостатком изложенного анализа Камю является не бессмысленная критика Маркса и лишь повторение некоторых его идей в иной лишь форме, а отсутствие вывода Марк-

са о том, что указанные промежуточные слои (средний класс, непролетарские трудящиеся классы и т. д.) могут играть и играют доминирующую роль (роль гегемона) в революции и при иных социальных изменениях капиталистического общества.

Более серьезным является анализ Камю «**новой** социальной прослойки», **новых** социальных групп современного среднего класса и нового господствующего класса. В частности, Камю отмечает интеллектуальное творчество французской писательницы Симоны Вей (1909–1943), автора книг «Удел рабочего», «Укоренение», в которых, с его точки зрения, она зафиксировала наступление «эры технократов» и начала ее исследование. «К двум традиционным формам угнетения, известным человечеству, – угнетению посредством оружия и посредством денег Симона Вей прибавила третью – угнетение должностью» [Камю, 1990: с. 285]. Иначе можно сказать: должность превращается (становится) в одно из средств производства, возникает новый господствующий класс. Вей также отмечала, уточняет Камю, что рационализация труда доводит заводских рабочих до морального истощения и молчаливого отчаяния, их условия труда вдвойне бесчеловечны, так как они лишены как денег, так и собственного достоинства.

Позже, по Камю, данные проблемы исследовал в своей работе «Революция управляющих» (1941) Джеймс Бернхем (1905–1987), бывший сотрудник Л. Троцкого, который отметил отдельные функции управления от функции владения. Возникает новый господствующий класс – класс менеджеров, в значительной степени независимый от влияния собственника. Как пишет Камю, «сами условия промышленного производства, о которых должен радеть каждый марксист, способствовали значительному росту среднего класса и даже появлению **новой социальной прослойки – техников** (выделено авторами)» [Камю, 1990: с. 285].

Главной причиной возникновения этой новой социальной группы, по мнению Камю, является развитие и усложнение науки и техники до такой степени, «что один человек более не в силах овладеть совокупностью их принципов и практических приемов» [Камю, 1990: с. 285]. Это требует дальнейшего разделения труда, «которого Маркс надеялся избежать», как считает

Камю. Одновременно возникает потребность в лицах, «кто сводит воедино труд каждого». Они в силу самой своей должности превращаются в «прослойку, чья социальная важность оказалась решающей» [Камю, 1990: с. 285].

Следует опять же отметить, что критика Маркса Камю бессмысленна, а его теоретические идеи, изложенные выше, представляют собой лишь повторение в той или иной форме иными терминами идей Карла Маркса. Бессмыслица некоторых положений критики и претензий Камю к Марксу (в данном случае лишь в рамках рассматриваемой проблемы) становится особенно очевидной в свете исследований английского марксиста Джека Уоддиса. Он на основе концепции «совокупного рабочего» Маркса, используя его цитаты, прямо пишет: Маркс считает надсмотрщиков над рабочими, инженеров (техников по Камю), торговых рабочих (продавцов), конторских служащих, приказчиков и иных представителей «белых воротничков» составными частями «совокупного рабочего». Вместе с тем следует отметить, что, с точки зрения Уоддиса, «новые отряды рабочего класса» не становятся частью «нового среднего класса» (подробнее об идеях Уоддиса ниже).

Столь большое внимание Камю обусловлено рядом причин. Во-первых, можно сказать, что он сформулировал и популяризовал ряд стандартов критики Маркса и предъявления к нему некоторых претензий-обвинений, изложил их логику и обоснование. Во-вторых, он использовал для решения этих задач довольно упрощенную схему («основные черты марксистской схемы») изложения идей Маркса, представленную простым языком. Этот алгоритм был широко использован иными исследователями и критиками Маркса.

Несколько иную и неоднозначную позицию занимает **Н. Бирнбаум**. По существу, особенно в рамках приведенной выше интерпретации Маркса Уоддисом, Бирнбаум в той или иной форме повторяет Маркса. В частности, в 1971 году он писал: «Изменилась классовая структура капиталистического общества: возникла новая промежуточная прослойка работников административной, технической сфер и сферы обслуживания, часто обладающих высоким уровнем образования. Хотя объективно эта

прослойка зависима от тех, в чьих руках в основном сконцентрирована собственность, в том числе и государственная, тем не менее эта прослойка не желала вступить в политический союз с рабочим классом» [Бирнбаум, 1994: с. 95]. Иначе: с точки зрения Бирнбаума, фиксируемая им новая прослойка не считала и не признавала себя новой частью рабочего класса, хотя, по Марксу и особенно Уоддису, являлась ею.

С точки зрения Бирнбаума, новая прослойка состоит из трех частей, одну из которых представляет **техническая интеллигенция**. Она возникает по ряду причин: растущее усложнение производственных процессов, усиливающееся влияние государства на производство и экономику в целом, создание властными институтами мощных систем управления, контроля и вообще администрирования, а также создание и организация бюрократической иерархии.

Как считает Бирнбаум, «в целом эта техническая интеллигенция связывает себя с теми, кто стоит у руководства производством и государством; лишенная возможности участвовать в управлении, она ведет себя так, будто коренным образом заинтересована в сохранении существующей структуры власти. В действительности именно в этом и состоит ее интерес, поскольку ее материальное положение, психическое состояние зависит от успешного функционирования аппарата управления обществом» [Бирнбаум, 1994: с. 101].

Иначе: техническая интеллигенция была интегрирована и интегрировалась в капиталистическую систему, адаптировалась к ней и даже заинтересована в ее сохранении. По существу, Бирнбаум относит технологическую интеллигенцию к новому среднему классу. С одной стороны, она вступает по ряду причин в конфликт с господствующим классом (буржуазией): «Нередки случаи, когда отдельные группы в среде технической интеллигенции ощущают противоречие между своими способностями, глубиной знания дела и командами, поступающими к ним сверху. Некоторые марксисты, исходя из этого, гипотетически экстраполировали наличие у технической интеллигенции значительного революционного потенциала» [Бирнбаум, 1994: с. 101]. С другой стороны, как считает Бирнбаум, техническая интеллигенция по-

степенно срастается с верхними слоями рабочего класса.

Иначе: данный промежуточный слой – техническая интеллигенция – занимает противоречивую позицию: она и защищает, и противостоит существующей системе. Позиция к ней Бирнбаума также неоднозначна и даже, можно сказать, противоречива: «Трудно предположить, что, рассматривая эту группу как современных потомков *petite bourgeoisie*, можно добиться какого-либо результата?» [Бирнбаум, 1994: с. 102]. Также можно сказать, что во многом позиции Маркса и Бирнбаума близки (по вопросу о «техниках»), но они делают разные выводы.

Необходимо отметить, по мнению Бирнбаума, «во второй половине XIX века Маркс указал на возможность того, что английский рабочий класс благодаря эксплуатации Англией ее колоний превратился в привилегированную группу» [Бирнбаум, 1994: с. 107]. Иначе: с его точки зрения, Маркс писал не только об интеграции рабочего класса в капиталистическую систему, но и о его обуржуазивании, приобретении им признаков и характеристик класса капиталистов.

Важным представляется отношение к наследию Маркса по рассматриваемой проблеме основателей «социологии конфликта». Их точка зрения актуальна и по причине признания их (многими) «последователями» Маркса или неомарксистами, представителями «западного марксизма». По форме и содержанию их взгляды во многом, но не во всем, идентичны взглядам Камю.

Один из основателей социологии конфликта **Ральф Дарендорф** считает: «Несмотря на немного сложный язык, основная идея Маркса достаточно понятна» [Дарендорф, 2006: с. 41]. Вероятно, данная точка зрения дала Дарендорфу повод или основание схематизировать идеи Маркса.

Схематизм и упрощение идей Маркса у Дарендорфа (анализ только в рамках исследуемой проблемы) проявляется, например, в его утверждении о том, что Маркс якобы утверждал: «В каждую историческую эпоху друг другу **противостоят два класса** (выделено авторами)» [Дарендорф, 2002: с. 12] – господствующий и угнетенный. Более конкретно: «Буржуазия и пролетариат представляют собой воюющие стороны в капиталистическом об-

ществе» [Дарендорф, 2002: с. 18], – пишет Дарендорф. Как будет показано ниже, Маркс утверждал и писал несколько иначе.

Дарендорф также считает, что современные марксисты не могут «переварить факт исчезновения революционного пролетариата» [Дарендорф, 2002: с. 15], а сам Маркс придерживался «ошибочного объяснения революций» [Дарендорф, 2002: с. 12]. Собственно, он, устанавливая причины современного социального конфликта, ищет новые субъекты конфликтного (революционного) действия, но для решения этой задачи в настоящее время идеи Маркса Дарендорф, по существу, считает устаревшими, неприемлемыми, если не ошибочными, и не использует их. Однако ранее (1964) Дарендорф считал, что марксистская теория изменений «фактически применима» к анализу революций нашего (XX) века [Дарендорф, 2002б: с. 389], хотя и утверждает о необходимости «критического дистанцирования» от Маркса при исследовании ряда проблем.

При этом он также считает необходимым отличать идеи Маркса от марксизма: необходимо, «не вступая в полемику с марксизмом, изложить позицию Маркса, чтобы затем выяснить ее преимущества и недостатки» [Дарендорф, 2002б: с. 381], – пишет Дарендорф. В данном случае он имеет в виду теорию социальных изменений Маркса (производственные силы – производственные отношения), которая, по Дарендорфу, конкретизируется в его теории классового конфликта. Вместе с тем, по Дарендорфу, это две, не соотносящиеся друг с другом, теории изменения, которые Марксом соединяются, синтезируются в марксистской теории истории (тезис – антитезис – синтез). Более того, по Дарендорфу, теория изменений Маркса «основывается на абстрактном синтезе двух отдельных событий: французской революции и английского промышленного переворота» [Дарендорф, 2002б: с. 389].

Этим Дарендорф подчеркивает значимость анализа Маркса французской революции, что указывает на важность и актуальность исследуемой в данной работе проблемы.

Вместе с тем Дарендорф указывает на недостатки этого анализа: «Одна из наиболее неудачных, но характерных для Маркса тенденций заключается в построении постоянных, часто линей-

ных закономерностей. Так, например, его гипотеза непрерывного возрастания интенсивности классовой борьбы вплоть до ее революционной фазы значительно ослабила его очень сильную теорию» [Дарендорф, 2002б: с. 398–399]. Иначе: «Эта теория не способна объяснить те флуктуации в интенсивности конфликта, те адаптации господствующих групп и структур, которые в ней отражены и составляют основное содержание истории» [Дарендорф, 2002б: с. 399]. Однако, как будет показано ниже, это совершенно не так.

Другой основатель социологии конфликта американский социолог **Льюис Козер**, изучавший марксизм во Франции (Сорбонна) и Германии, считающий себя «неортодоксальным марксистом» и определявшим свои познания как «марксистско-дюркгеймовские», очень осторожно относился к интерпретационно-критическому изложению идей Маркса. И все же, подчеркнув важность ряда идей Маркса, он использует их в своей работе «Функции социального конфликта» (1956). Во-первых, Козер указывает на идею Маркса (и Зиммеля) о том, что классы возникают только благодаря конфликту. В частности, приведя цитату из «Немецкой идеологии», он пишет: «Пожалуй, социологи едины в том, что различие между «нами», «нашей» группой, внутренней группой и другими, чужими, внешней группой возникает в конфликте и через конфликт» [Козер, 2000: с. 54]. Но весьма важным представляется и продолжение этой мысли Маркса: «В остальных отношениях они (отдельные индивиды и их группы – уточнение автора) сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов» [Маркс, 1955: с. 54]. Это высказывание Маркса имеет важное значение в методологическом плане, оно указывает на возможность превращения союзников или даже «своих» в конкурентов и даже врагов. Во-вторых, Козер указывает на идею Маркса (и Зиммеля) о «деперсонализации» конфликта и интерпретирует ее. Эта идея также имеет важное методологическое значение для понимания поведения лидера-популиста.

Иной представитель западного марксизма **Герберт Маркузе** (1898–1979) в своей работе «Одномерный человек» (1964) ставит под сомнение последствия политической революции, а

также роль и значимость пролетариата. В частности, он пишет: «В классической теории Маркса переход от капитализма к социализму рассматривается как политическая революция: пролетариат разрушает политический аппарат капитализма, сохраняя при этом технологический аппарат и подчиняя его целям социализации» [Маркузе, 1994: с. 30].

По Маркузе, технологический аппарат не только сохраняется, но и совершенствуется, он продолжает выполнять свою иррациональную репрессивность, проявляющуюся в сферах организации и управления трудом, самом труде, создании «новых, более действенных» форм социального контроля и социального спланирования. Репрессивность проявляется также и в тенденции к тоталитаризму, поэтому «перед лицом тоталитарных свойств этого общества невозможно больше придерживаться концепции «нейтральности» технологии. Технологию как таковую нельзя изолировать от ее использования, технологическое общество является системой господства, которое заложено уже в понятии и структуре техники» [Маркузе, 1994: с. XIX].

Тоталитарные тенденции, сети «потребительского общества» и ряд других обстоятельств приводят к интеграции рабочего класса в капиталистическое общество, на базе чего Маркузе создает концепцию «интеграции». Он, в частности, пишет: «Историческое опосредование (теории и практики – уточнение авторов) произошло в сознании и политических действиях двух крупнейших противостоящих друг другу в обществе классов: буржуазии и пролетариата. Но, хотя в капиталистическом мире они по-прежнему остаются основными классами, структура и функции обоих настолько изменились в ходе капиталистического развития, что они уже больше не являются агентами исторических преобразований. Всепобеждающий интерес в сохранении и улучшении институционального status quo **объединяет прежних антагонистов** (выделено авторами) в наиболее развитых областях современного общества» [Маркузе, 1994: с. XV]. Далее Маркузе продолжает: «Повсеместно мы находим тождество этих противоположностей в современном индустриальном обществе – это целое и является нашей проблемой» [Маркузе, 1994: с. XVIII].

Иначе: основной проблемой его работы является интеграция рабочего класса в капиталистическое общество, то есть, отвергая революционную роль пролетариата, он порождает для себя иную проблему – поиск субъекта революционного (исторического) действия. Маркузе считает, что такие субъекты есть: «Существуют силы и тенденции, которые могут положить конец этому сдерживанию (сохранению капитализма) и взорвать общество. Я не думаю, что здесь возможен однозначный ответ» [Маркузе, 1994: с. XVIII]. С его точки зрения, это – аутсайдеры, точнее, люмпены, безработные и т. д., а также радикальные части студенчества и гуманитарной интеллигенции.

Собственно, Маркузе, как и Дарендорф (идея о двух классах) и некоторые другие, упрощает и схематизирует идеи Маркса. Наиболее ярко это проявилось в понимании (и определении) им пролетария (рабочего), якобы данного Марксом: «Для Маркса пролетарием является прежде всего работник ручного труда, чья физическая энергия расходуется и истощается в трудовом процессе, даже если он имеет дело с машинами» [Маркузе, 1994: с. 33].

В целом Маркузе считает: «Таким образом, новый технологический мир труда ведет к ослаблению негативной позиции рабочего класса: последний уже не выглядит живым опровержением существующего общества. Эту тенденцию усиливает эффект технологической организации производства по ту сторону барьера: управление и дирекция. Господство преобразуется в администрирование» [Маркузе, 1994: с. 42].

Весьма «осторожно» относится к творчеству Маркса **Энтони Гидденс**. Однако, несмотря на такую позицию, ему также приписывают схематизм и неадекватная интерпретация ряда положений теории Маркса. Так, по Гидденсу, «Маркс полагал, что из собственников капитала или *капиталистов* формируется правящий класс, тогда как **народные массы входят в класс наемных работников или рабочий класс** (выделено авторами)» [Гидденс, 2005: с. 26]. Идея отождествления «народных масс» («народа») с рабочим классом, приписываемая Марксу, довольно широко распространена среди его критиков, она есть следствие схематизации и упрощения теории Маркса. Данная работа и имеет одной из своих целей опровержение этой идеи.

Гидденс придерживается и другой неоднозначной идеи, упрека Марксу, о том, что якобы «Маркс полагал, что классовый конфликт из-за экономических ресурсов со временем обострится» [Гидденс, 2005: с. 26]. С одной стороны, рассматриваемое положение Маркса (об обострении конфликта) имеет исторический характер и не обладает четкой определенностью, оно требует более глубокой и широкой интерпретации, сопряженной с конкретностью, а не просто своей констатации. С другой стороны, это положение-упрек о нарастании и обострении классовой борьбы тесно связано с иным упреком Марксу, о понимании им линейного характера истории. Это положение также требует более глубокой и неоднозначной интерпретации, кроме того, его можно относить не только по отношению к Марксу, но и многим другим социологам.

Вероятно, понимая и это, Гидденс и пишет (весьма неоднозначно): «Эволюционизм Маркса представляет собой изложение «истории развития мира» и демонстрирует наличие недостатков однолинейной ограниченности и временного искажения» [Гидденс, 2003: с. 338].

Гидденс понимает и показывает, что Маркс исходит не только из линейности (этого, по его логике, закона отрицания отрицания и не могло быть), но и цикличности, цикличности экономических кризисов, движения денег и товара и т. д., и, раскрывая содержание ряда идей Маркса, использует термины «цикл», «фаза» и т. д. Более того, Гидденс указывает на существование точки зрения, в соответствии с которой ряд идей итальянского философа Джамбаттиста Вико (1668–1744), включая его «циклическую концепцию», представляли собой «предвосхищение идей Маркса» [Гидденс, 2003: с. 289].

Можно, несколько упрощая и образно сказать, что Гидденс берет в определенном смысле Маркса «под свою защиту». В наиболее общем плане он указывает, что (касается не только Маркса) «любой написанный текст удаляется от своего автора» [Гидденс, 2003: с. 290], то есть в той или иной степени искажается, трансформируется в своем понимании, упрощается и т. д. Гидденс указывает и на то, что многие изречения Маркса являются «частью общекультурной осведомленности», а не теоремами [Гидденс, 2003: с. 25].

Он также отмечает, фиксирует, пишет о сознательной и целенаправленной рейфикации Марксом многих абстрактных понятий, им используемых. «Примером может служить знаменитое исследование Маркса, посвященное «товарному фетишизму», в котором он сравнивает товарные отношения и «туманные области религиозного мира» [Гидденс, 2003: с. 260–261]. Другим примером и возникающими на его основе домыслами критиков Маркса является одна из его интерпретаций меновой стоимости. Гидденс приводит цитату из работы Маркса «Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858)»: «В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей...» [цит. по Гидденсу, 2003: с. 261]. Гидденс также указывает: «Кроме того, в ряде случаев понятие рейфикации используется для обозначения специфических качеств социальных теорий, рассматривающих концепции так, будто они сами и являются описываемыми объектами, т. е. наделяющих эти концепции теми или иными материальными свойствами» [Гидденс, 2003: с. 261].

Собственно, в ряде приведенных высказываний Гидденса, по существу, отмечается: многие читатели не понимают, что ряд абстрактных теоретических положений Маркса им сознательно подвергается рейфикации, и это непонимание является основой для разного рода домыслов и искажений (извращений) Маркса, создания все «новых» и «новейших» «марксизмов».

В рамках изложенной позиции Гидденса весьма содержательным представляется следующее его высказывание: «Несколько поверхностное, хотя отнюдь немаловажное, возражение, выдвигаемое против представлений Маркса о конфликте и господстве, может заключаться в том, что они чрезмерно преувеличивают значимость классовой борьбы и классовых отношений в истории. Какой бы ни была «история», ее нельзя трактовать исключительно как «историю классовой борьбы», а господство не сводится к доминированию одних классов над другими – даже в «последней инстанции» [Гидденс, 2003: с. 354]. Следует подчеркнуть: Гидденсу упрек Марксу о преувеличении им значимости классовой борьбы представляется не маловажным, но поверхностным. Этот вывод Гидденса о поверхностности критики Марк-

са, а, по существу, о значительном упрощении и схематизации теории Маркса многими его критиками можно (и необходимо) распространить и на многие иные положения Маркса, как в отдельности, так и в целом.

Этим (поверхностно) отчасти «страдает» и сам Гидденс, когда он, например, характеризует марксистское понимание социальной структуры как «жесткую двухполосную модель, которую предложил Маркс» [Гидденс, 2005: с. 253], в соответствии с которой «двумя основными классами сейчас являются те, кто владеет этими новыми средствами производства – предприниматели или капиталисты, и те, кто зарабатывает себе на жизнь, продавая им свой труд, – рабочий класс, или, если использовать несколько устаревший термин, который иногда предпочитал Маркс, «пролетариат» [Гидденс, 2005: с. 252].

Неоднозначно отношение Гидденса и к теории революции Маркса. С одной стороны, он отмечает, что «вопреки ожиданиям Маркса, революции, происшедшие в развитых промышленных странах Запада, потерпели неудачу» [Гидденс, 1992: с. 59]. Поэтому или «Марксов диагноз был ошибочным», или «Маркс просто дал неверную временную шкалу и революции, которые он предвосхищал, еще произойдут» [Гидденс, 1992: с. 59], – пишет Гидденс. С другой стороны (вероятно, соглашаясь, по крайней мере, не подвергая ее резкой критике), он отчасти воспроизводит, по существу, классическую формулу (схему) социальной революции Карла Маркса из Предисловия к первому выпуску «К критике политической экономии», в той или иной мере интерпретируя ее.

Важно подчеркнуть, что в рамках данной интерпретации Гидденс выдвигает ряд важных методологических положений. Во-первых, он отмечает: «Вопреки ожиданиям и предсказаниям Маркса, рабочее движение не решает «загадку истории». Вместе с тем в некотором смысле оно является прототипом современных социальных движений» [Гидденс, 2003: с. 291]. Последние, как правило, и в основном не имеют четко выраженного классового характера и часто определяются как народные или популистские. То есть, по Гидденсу, Маркс указывает и намечает пути, средства и методы их исследования по некоторой аналогии их

с движениями пролетариата. Сам Гидденс определяет эти новые движения следующим образом: «Новые общественные движения (new social movements). Ряд общественных движений, возникших в западных странах с 1960-х гг. в ответ на меняющиеся угрозы, с которыми приходится сталкиваться человеческим обществам. Такие новые общественные движения, как феминизм, «зеленые», антиядерное движение, протесты против генетически модифицированных продуктов питания и «антиглобалистские» демонстрации отличаются от ранних общественных движений тем, что являются кампаниями вокруг какой-то одной проблемы, ориентированы на нематериальные цели и получают поддержку у представителей различных классов» [Гидденс, 2005: с. 611].

Во-вторых, Гидденс конкретизирует свою идею посредством утверждения: «Рабочие движения и политические партии, **представляющие массы трудящегося населения** (выделено авторами), в конце концов бросают вызов правлению класса капиталистов и сокрушают существующую систему» [Гидденс, 1992: с. 58].

Данное высказывание Гидденса 1989 года качественно отличается, если не противоположно, его высказыванию, приведенному выше, 2001 года. В последнем Гидденс утверждает, что народные массы **входят** в рабочий класс, а в ином высказывании 1989 года Гидденс пишет о рабочем движении и партиях, **представляющих** массы трудящихся. Иначе, но схематичнее и упрощенно: по позиции 2001 года народные массы являют собой часть пролетариата, а в соответствии с точкой зрения 1989 года, наоборот, рабочий класс – часть трудящегося населения и в этих условиях возможно сокрушение существующей (капиталистической) системы. В этом плане Гидденс, по существу, соглашается с Марксом, так как, с его точки зрения Маркс «стремился объяснить перемены, произошедшие в обществе во время промышленной революции» [Гидденс, 2005: с. 25] и связанных с ней, как отмечено выше, политическими революциями.

В-третьих, продолжая свою мысль 1989 года, Гидденс пишет: «В тех случаях, когда позиции господствующего класса особенно прочны, Маркс считает насилие необходимым для осуществления требуемого перехода. В других обстоятельствах этот процесс может протекать мирно, путем парламентской дея-

тельности (а значит и выборов – уточнение автора) – революция (в том смысле, как она была определена выше) может не быть необходимой» [Гидденс, 1992: с. 58].

Обобщить вышеизложенное можно в некой краткой «формуле», предложенной У. Бекон, рассматривающим проблему политического субъекта. «Теоретики классовых обществ XIX века выбрали с полным на то основанием в качестве субъекта пролетариат. Как раньше, так и теперь этот выбор создает для них большие трудности. Социальная и политическая очевидность этого выбора именно *потому*, что он был точным, характеризуется движением в обратную сторону. Политические и профсоюзные завоевания рабочего движения велики, причем настолько, что они похоронили под собой роль пролетариата, некогда указывавшую путь в будущее. Эта роль скорее направлена на сохранение достигнутого, которому будущее угрожает, чем на развитие политической фантазии, которая бы искала и находила ответы на тревожные ситуации, возникающие в обществе риска» [Бек, 2000: с. 58–59].

Суммируя изложенное, но, упрощая и схематизируя его, можно перечислить некоторые (не все) основные претензии-упреки, предъявляемые Марксу в западной социологии в рамках рассматриваемой проблемы.

Одним и наиболее общим из них является в разных вариантах и в многочисленных формах упрек в преувеличении Марксом роли и значимости пролетариата. В этом плане Маркс, с точки зрения социологов Запада, «устарел» и «не актуален», а пролетариат «пропал» или «утратил» свой революционный потенциал, интегрировался в капиталистическое общество. Это наиболее общее положение конкретизируется в ряде иных:

– в отрицании возможности социальных революций и массовых революционных движений, направленных на качественное изменение существующего общества в первую очередь революций пролетарских и социалистических. Как вариант возникла и точка зрения о невозможности и революций буржуазных из-за страха буржуазии перед пролетариатом;

– Маркса также упрекали в абсолютизации классовой борьбы, борьбы, которая развивается линейно и в направлении ее

постоянного обострения и нарастания, то есть вне каких-либо циклов и точек бифуркации. Якобы, по Марксу, она происходит в существующем обществе только между двумя классами, один из которых – пролетариат – Маркс отождествлял с народом;

– Маркс якобы не предусматривал или игнорировал в своем анализе существование в современном обществе каких-либо «промежуточных слоев» или классов и, в частности, довольно легкомысленно относился к крестьянству и сельскому хозяйству в целом.

Еще несколько обобщая, можно сказать, что социологи на Западе связывали творчество Маркса с проблемами социальной структуры, социального конфликта, теорией революции и ролью пролетариата, отрицая в настоящем его значимость, они ставили вопрос о политическом субъекте современности.

Советская наука

Советской научной литературе, посвященной творчеству Маркса, также присущи многие отмеченные черты работ о Марксе, изданных на Западе. Она весьма многочисленна, ее авторами являются многие философы, социологи, историки экономисты и т. д. Как и на Западе в СССР в ее рамках было относительно мало работ по исследуемой проблеме, как правило, в них высказывались отдельные идеи и положения не всегда взаимосвязанные между собой. Одна из причин – проникновение в нее «вирусно-разрушительных образований» в виде политических аспектов (по Гальчинскому). Фиксируя данную ситуацию, П. Андерсон писал: «Вся серьезная теоретическая деятельность была прекращена в Советском Союзе после коллективизации», а далее он отмечает, что при Сталине «марксизм в России практически был сведен к формальному упоминанию» [Андерсон, 1991: с. 31], то есть, можно сказать, трансформировался (как и на Западе) в некие схематические и стандартные совокупности отдельных догматизированных идей.

Следует еще раз отметить, что в советской гуманитарной науке, несмотря на разные и многочисленные оговорки, по существу, открыто признавалось и на практике господствовало

единство науки и политики (идеологии). В частности, например, требование об использовании в научных работах цитат из произведений классиков «марксизма-ленинизма» и правящих руководителей партии (КПСС) и государства (СССР). При этом довольно странной выглядела ситуация с публикацией в стране работ Маркса. Например, во втором издании Сочинений Маркса и Энгельса том 4 (включал в себя «Манифест коммунистической партии») в 1955 году был издан тиражом в 200 тысяч экземпляров, а том 23 (первый том «Капитала»), несмотря на его широкую востребованность, в 1960 году был издан тиражом в 135 тысяч экземпляров. Отдельно «Манифест» в виде брошюры неоднократно издавался почти миллионными тиражами: в 1975 – тиражом в 700 тысяч, а в 1980 – в один миллион.

Вместе с тем это положение о схематизации и формализации марксизма в СССР само не должно превратиться в схему или догму, так как довольно значительное число советских ученых не всегда придерживались идеологически господствующих схем.

Так, например, в рамках исследуемой автором проблемы **Теодор Ойзерман** в 1986 году писал: «В статье «К еврейскому вопросу», как мы уже отмечали, еще нет речи об исторической миссии пролетариата, в силу чего человеческая эмансипация (социалистический переворот) характеризуется лишь как последовательное осуществление демократических задач. Этот **недостаток** (выделено авторами) был преодолен во второй статье Маркса, опубликованной в «Ежегоднике» [Ойзерман, 1986: с. 185]. Далее Ойзерман отмечает, что лишь в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» «Маркс выделяет уже пролетариат как особый класс, отличающийся от **других трудящихся классов** (выделено авторами), рассматривает социальное освобождение пролетариата как решающее условие человеческой эмансипации, связывает критику буржуазного общества с обоснованием объективной необходимости социалистической революции» [Ойзерман, 1986: с. 185].

Стандартно считается, что именно с этих двух работ Маркса начинается история аутентичного марксизма. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» (1989) в статье «Маркс» (Г. Багатурия) утверждается, что он «В февр. 1844 совместно

с Руге выпустил «Deutsch Französische Jahrbucher». Статьи и письма, опубликованные в этом журнале, свидетельствуют об окончании. переходе М. от идеализма к материализму и от революц. демократизма к коммунизму. В ст. «К еврейскому вопросу» он проводит различие между бурж. («политич. эмансипация») и пролет. («человеч. эмансипация») революциями, а в ст. «К критике гегелевской философии права. Введение» формулирует идею о всемирно-историч. роли пролетариата – исходное положение его будущей теории науч. коммунизма» [Философский..., 1989: с. 339].

Но в первой из них («К еврейскому вопросу»), что и фиксирует Ойзерман как «недостаток» Маркса, сам Ойзерман считает, что, по Марксу, социалистическую революцию и социалистические изменения в обществе (человеческую эмансипацию) как последовательное осуществление демократических задач (не задач рабочего класса) мог бы осуществить не только пролетариат. Это могли быть и некие другие демократические силы, непролетарские трудящиеся классы. В наиболее общем плане это был отход от стандартных схем, доминирующих в СССР, по существу, Ойзерман писал о качественно новом (не пролетарском) субъекте революционных социалистических преобразований и утверждал, что это позиция Маркса.

Следует, правда отметить, что существуют и другие точки зрения, например, Я. Рокитянский считает, что «основы марксизма были разработаны лишь во второй половине 40-х годов в рукописях «Немецкой идеологии», а затем в «Нищете философии», «Манифесте Коммунистической партии» и в других произведениях. Поэтому ранний марксизм – это скорее взгляды Маркса и Энгельса **в период после 1845 г.** (выделено авторами)» [Рокитянский, 1990: с. 223]. То есть, собственно, следует, что изложенную выше мысль Ойзермана вряд ли следует считать классически марксистской, как и саму идею Маркса. Кроме того, с точки зрения Рокитянского, отмеченные две работы Маркса, как и ряд других не являются марксистскими, например, «Экономическо-философские рукописи 1844», общепризнанно считающиеся первой попыткой «обобщить с позиций материализма, диалектики и коммунизма результаты экономич. исследований, к к-рым Маркс

приступил в Париже. По свидетельству Энгельса, в конце 1843, и вместе с тем первую попытку развернутого науч. обоснования коммунистич. мировоззрения» [Философский..., 1989: с. 758].

Не стандартностью отличались и работы **Эвальда Ильенкова**. В марте 1965 года он получил приглашение из Университета Нотр-Дам (США) сделать доклад на тему «Марксистские возражения против современных западноевропейских и американских интерпретаций Маркса», но Ильенков на симпозиум не поехал, а его материалы были опубликованы в 1967 году на английском языке («Marx and Western World», 1967), а на русском же значительно позже.

В работе Ильенков высказывает ряд интересных идей, в частности, он утверждает: правильно предлагать «рассматривать идеи Маркса как таковые, в их первоначально-оригинальной форме, строго абстрагируясь при этом от всех позднейших интерпретаций и практически-политических приложений этих идей» [Ильенков, 1991: с. 156]. При этом он считает, что «неудачные практические опыты реализации идей еще вовсе не довод против самих этих идей» [Ильенков, 1991: с. 160], но необходимо отличать первоначальные идеи Маркса и их различные интерпретации в форме неких «марксизмов», так как существуют «подлинные идеи» Маркса, а есть их «искажение».

В частности, да и в целом в определенной форме (критики «марксизма»), такая трактовка являлась отходом от советских стандартов, если не вообще противопоставлялась им, и критикой реальности, существующей в Советском Союзе. В таком понимании идеи Маркса отделялись от идей руководителей КПСС или как минимум могли восприниматься так.

Ильенков указывает, что идеи, именуемые марксизмом, их рождение (как и сам марксизм) есть один из способов разрешения собственных проблем современного мира и выход из его противоречий, марксизм есть «созревший результат» развития традиций «западной культуры» или «западноевропейской цивилизации». Иначе, в такой трактовке как минимум ставится под сомнение социально-классовый или пролетарский характер марксизма или же на нем не делается специальный аспект, не подчеркивается его этот данный характер, что также являлось

отходом от советских стандартов. В такой трактовке марксизм в большей степени понимается как общечеловеческий, чем пролетарский или не как исключительно пролетарский. Объясняя в целом свою критическую позицию, Ильенков пишет: «Коммунистическая критика «Запада» имеет в виду не только «Запад», но и те еще не преодоленные им феномены мира «частной собственности» внутри своей собственной структуры, которые находятся в процессе исчезновения, но еще, к сожалению, не исчезли и потому мешают изнутри процессу созревания коммунизма» [Ильенков, 1991: с. 170].

Ильенков излагает также весьма нестандартный для того времени в СССР взгляд на Маркса и дает ему нестандартную оценку. В частности, он пишет: «Маркс и Энгельс начинали свою биографию именно в качестве наиболее радикальных теоретиков буржуазной демократии, в качестве наиболее решительных защитников принципа «частной собственности», которая сливалась тогда и в их глазах с принципом полной и безоговорочной свободы личной инициативы» [Ильенков, 1991: с. 159]. В этом качестве они выступали против идеи «обобществления собственности» в частности и против коммунизма вообще и в целом.

Оценивая Маркса того периода (рубежа 40-х годов XIX века), Ильенков пишет: «Для позиции Маркса чрезвычайно характерно здесь следующее **признание** (выделено авторами): «**Мы** (выделено авторами) твердо убеждены, что по-настоящему *опасны* не *практические опыты*, а *теоретическое обоснование* коммунистических идей; ведь на практические опыты, если они будут *массовыми*, могут ответить *пушками* как только они станут опасными; *идеи* же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [Ильенков, 1991: с. 159–160], — цитирует Ильенков статью Маркса «Коммунизм и аугсбургская «ALLGEMEINE ZEITUNG» [Маркс, 1955: с. 118].

Иначе: находясь на позициях революционного демократизма и утверждая об опасности коммунизма, Маркс был противником коммунизма, но был ли он антикоммунистом? По Марксу,

коммунизм опасен, но какой коммунизм и опасен для кого? Для существующего общества, буржуазии, буржуазной демократии, революционной демократии, самого Маркса как ее представителя? Ответить пушками на практические опыты коммунизма, когда они станут массовыми и опасными – это предупреждение Маркса, фиксация им практической возможности, его предостережение или требование? Вероятно, именно к этому периоду времени идеолого-политических метаморфоз Маркса относится зафиксированная Е. Симончук, но высказанная С. Макеевым позиция самого Маркса. В частности, как пишет Симончук, С. Макеев 16 апреля 2016 года на Всеукраинской научной конференции «Социальные классы в Украине: направления теоретических и эмпирических исследований», проведенной в Институте социологии НАН Украины, отметил, «что Маркс как-то написал: «Я принадлежу к классу буржуа со всеми его заблуждениями, солидарностями, ценностями и идеалами» [Симончук, 2016б: с. 216].

Ильенков, в свою очередь (1965), отмечал, что, по Марксу (того периода), с идеями, в том числе и коммунизма, нельзя расправиться ни пушками, ни бранными словами, необходим их анализ, **анализ причин их возникновения** и распространения, то есть необходимо «найти теоретическое разрешение той реальной коллизии, того реального конфликта, внутри которого они возникают. Покажите, каким образом можно удовлетворить ту напряженную социальную потребность, которая высказывает себя в виде этих идей. Тогда – и не раньше – исчезнут антипатичные вам идеи...» [Ильенков, 1991: с. 160]. А далее Ильенков продолжает: «Именно поэтому Маркс в 1842 году и обращается не к формальному анализу современных ему коммунистических идей (они и в самом деле были довольно наивны) и не к критике практических опытов их реализации (эти опыты и в самом деле были довольно беспомощны), а к теоретическому анализу той реальной коллизии внутри социального организма, которая эти идеи порождала, к выяснению той реальной потребности, которая выражала себя в форме идеи утопического социализма и коммунизма» [Ильенков, 1991: с. 160], **то есть частной собственности**. Более конкретно: «Вопрос встал перед Марксом в следующей форме: возможно ли

– а если возможно, то как именно – разрешить коллизии развития частной собственности на почве самой же частной собственности? Мирным путем» [Ильенков, 1991: с. 160].

По мнению Ильенкова, Марксу «был чужд взгляд, согласно которому широкое распространение тех или иных идей можно объяснить деятельностью злоумышленников-агитаторов» [Ильенков, 1991: с. 160]. С точки зрения Маркса, получают распространение идеи, которые соответствуют и согласуются с реальными потребностями широких категорий населения, они симптом реальных коллизий. И, как пишет Ильенков, «поэтому именно «коммунизм» и рассматривается молодым Марксом как идейное течение, рожденное движением самой «частной собственности». Поэтому до конца доведенная критика коммунизма и оборачивается критикой частной собственности как «земной основы» коммунистических идей...» [Ильенков, 1991: с. 161]). Или несколько иначе: «Поэтому-то Маркс и принимает коммунистические идеи как необходимый феномен движения самой частной собственности, несмотря на то, что эти идеи остаются для него **неприемлемыми** (выделено авторами) со стороны «положительной программы», в них выраженной» [Ильенков, 1991: с. 161].

Находясь на такой позиции, Маркс подвергает жесткой критике реально существующий, например, в форме немецкого рабочего коммунизма, «грубый коммунизм». В наиболее широком плане, оценивая данную позицию Маркса, Ильенков пишет: «Тот реальный – «грубый», как он его называет, – коммунизм, который выступает как непосредственный продукт движения «частной собственности», Маркс рассматривает здесь как движение, плохо понимающее свои собственные цели и задачи, как движение, лишенное еще подлинного теоретического самосознания. Рождаясь из движения частной собственности в качестве **ее прямой антитезы** (выделено авторами), этот стихийный, массовый коммунизм и не может быть ничем иным, как той же самой частной собственностью, только с обратным знаком, со знаком **отрицания** (выделено авторами). Он просто доводит до конца, до последовательного выражения все имманентные тенденции развития частной собственности» [Ильенков, 1991: с. 161].

На базе марксистской диалектики (диалектической логики), используя закон отрицания-отрицания и, в данном варианте, изложенных положений и логики Ильенкова, можно сказать: «грубый коммунизм» отрицает частную собственность (тезис), но отрицает ее стихийно и формально, не по существу, это так называемое «голое отрицание». Революционный коммунизм Маркса отрицает «грубый коммунизм» как негативную форму частной собственности и саму частную собственность в целом (антитезис). Но в соответствии с используемой логикой должен же быть и синтез тезиса и антитезиса, следующий уровень спирали.

Ильенков рассматривает содержание и сущность обеих отрицаний. Первое из них – «простое, формально-юридическое «отрицание частной собственности» и учреждение общественной собственности на уже созданное обществом богатство есть действительно **необходимый первый шаг** (выделено авторами), первый этап на пути социального прогресса. На этот шаг, на эту **политически-юридическую акцию** (выделено авторами), неумолимо толкают и вынуждают людей коллизии мира «частной собственности» [Ильенков, 1991: с. 162]. Второе – это «движение, возникающее совершенно стихийно и независимо от каких-бы то ни было теорий и не освещенное светом теории, и есть это прагматически нацеленное на ближайшую, ситуативно диктуемую ему задачу, умонастроение. Оно вызвано совершенно стихийной силой давления «отчуждения», нагнетаемого движением частной собственности» [Ильенков, 1991: с. 162]. В целом, «этот «грубый коммунизм», верно осознающий свою ближайшую цель – **отрицание частной собственности** (выделено авторами), сочетается с иллюзией, будто бы эта **чисто негативная акция** (выделено авторами) и есть «позитивное разрешение» всех проблем современной цивилизации» [Ильенков, 1991: с. 162]. Собственно, «согласно же Марксу, формально-юридическое «обобществление собственности», **учреждаемое политической революцией** (выделено авторами), есть всего-навсего первый (хотя и необходимо первый) шаг, есть лишь первый этап действительного «обобществления». Он создает лишь формальные – юридические и политические – условия *sine qua non* ре-

ального «присвоения человеком отчуждения от него богатства» [Ильенков, 1991: с. 162–163].

На втором этапе встает новая задача, которая на первом этапе еще не осознавалась. «Эта задача – **действительное освоение каждым индивидом** (выделено авторами) всего накопленного в рамках «частной собственности» (т. е. «отчужденного от него») богатства (возникновение новой формы частной собственности? – вопрос и уточнение авторов» [Ильенков, 1991: с. 163]. При этом Ильенков уточняет, что богатство, о котором идет речь – «это не совокупность «вещей» (материальных ценностей), находящихся в формальном владении, а **богатство тех деятельных способностей** (новая форма частной собственности? – выделено, вопрос и уточнение авторов), которые в этих вещах «овеществлены», «опредмечены», а в условиях частной собственности – «отчуждены» [Ильенков, 1991: с. 163]. Более того, «превратить «частную собственность» в собственность «всего общества» – это значит превратить ее в **реальную собственность каждого индивида** (выделено авторами), каждого члена этого общества, ибо в противном случае «общество» рассматривается еще как нечто абстрактное, как нечто отличное от реальной совокупности всех составляющих его индивидов» [Ильенков, 1991: с. 163]. Именно в этом, что весьма важно, «и заключается подлинное отличие теоретического коммунизма Маркса (и вовсе не только «молодого», а и «старого») от того «грубого и непродуманного» коммунизма, который полагает, что коммунизм исчерпывается превращением частной собственности в собственность «общества как такового», т. е. безличного организма, противостоящего каждому из составляющих его индивидов и олицетворенного в «государстве» [Ильенков, 1991: с. 163].

На основании изложенного можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, Ильенков резко критикует на базе идей Маркса (и вслед за ним) государственный социализм (государственный капитализм) как конкретно-историческую и специфическую, реальную форму «грубого коммунизма». С его точки зрения, Маркс никогда, ни в одной фразе своей теоретической биографии не рассматривал «акт превращения частнокапиталистической собственности в «государственную» собственность в

качестве высшей и конечной цели коммунистического движения, а только как первый (хотя и необходимо первый) шаг на пути к созданию общества без государства, без денег, без насильственно-правовых форм регламентации человеческой жизнедеятельности» [Ильенков, 1991: с. 164].

Во-вторых, можно предположить (высказать гипотезу) как происходит синтез, по мнению Ильенкова, рассмотренных выше тезиса и антитезиса, то есть «снятие» частной собственности (и форм коммунизма, как теории и движения) – возникают новые конкретно-исторические формы собственности (частной собственности?). На некоторые конкретные из них указывалось выше в форме вопроса (богатство деятельных способностей и т. д.). Однако в целом и в наиболее широком плане, по Ильенкову, и, с его точки зрения, по Марксу, это результат (последствия) решения некой задачи, а это – «задача превращения уже учрежденной общественной собственности в **действительную собственность «человека»** (выделено авторами), т. е., выражаясь языком уже не «раннего», а «зрелого» Маркса, в **личную собственность каждого индивида** (выделено авторами)» [Ильенков, 1991: с. 166]. Далее Ильенков уточняет: «Ибо лишь этим путем формальное превращение частной собственности в общественную (общенародную) собственность может и должно перерасти в реальную, в действительную собственность «всего общества», т. е. каждого из индивидов, составляющих данное общество» [Ильенков, 1991: с. 166].

В данных рассуждениях Ильенков, как он считает, вслед за Марксом, отвлекается от классовой характеристики действующего субъекта и вообще от субъекта преобразований, наличие которого лишь подразумевается, но он понятен и очевиден.

В более конкретном варианте Ильенков пишет о «присвоении» идей, о задаче превращения идей «в личное достояние, в личную «собственность» каждого участника реального коммунистического движения» [Ильенков, 1991: с. 165]. Иначе: субъектом понимается коммунистическое движение, коммунистическая партия, а в более широком смысле – рабочий класс, пролетариат.

В-третьих, в статье «Маркс и западный мир» в рамках анализа возможных изменений существующего общества Ильенков

отмечает ряд некоторых идей «раннего» Маркса о вероятности и необходимости социальной революции (часть из них изложена выше). Они формируют некую теоретическую основу для создания им в последующем концепции непрерывной революции. Эту же проблему Ильенков разрабатывает и в иных своих работах, например, в статье «О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа (о книге А. Шаффа «Марксизм и человеческий индивид»)», существовавшей долгое время лишь в форме рукописи. В ней он утверждает, что «для Маркса (как «раннего», так и «позднего») – а потому и для всякого марксиста – процесс преодоления «отчуждения» и совпадает, сливается, отождествляется с процессом преодоления «частной собственности», достигшей имманентного ей предела развития» [Ильенков, 1991: с. 191]. Следует, вероятно, добавить, что эти процессы сливаются также и с социальной революцией.

При этом Ильенков уточняет: «По Марксу, «упразднение частной собственности» вовсе не тождественно упразднению «института» частной собственности, оно вовсе не достигается одним ударом, одним актом переворота в правовой и политической сфере на следующий день после политической революции» [Ильенков, 1991: с. 192].

Далее Ильенков конкретизирует: «Упразднение частной собственности (или, что то же самое, действительное обобществление собственности) Марксом всегда понималось как процесс органического, революционного преобразования всей «совокупности общественных отношений» (то есть социальной революции в целом – уточнение авторов). А вовсе не только и не столько как однократный политический акт, лишаящий часть индивидов (= класс капиталистов) узаконенного за ними права бесконтрольного распоряжения производительными силами нации. С этого процесс обобществления собственности только *начинается*» [Ильенков, 1991: с. 192].

В некотором заключении данных, изложенных выше, своих идей Ильенков утверждает и указывает: «Политическая революция создает лишь правовые и политические предпосылки, необходимые условия «упразднения частной собственности» во всех ее видах и разновидностях (т. е. всех видов «отчуждения»).

Чтобы довести дело до конца, кроме политической революции, требуется еще и культурная революция, революция в сфере разделения труда, преодолевающая социальную «стратификацию» между «материальным» и «духовным» трудом, между городом и деревней и т. д. и т. п., т. е. все по необходимости унаследованные от мира «частной собственности» формы взаимных отношений между людьми, между классами и слоями индивидов» [Ильенков, 1991: с. 192].

Собственно, Ильенков в наиболее широком и некотором развернутом плане раскрывает сущность и содержание социальной революции.

Весьма нестандартными и довольно оригинальными являются работы о творчестве Маркса кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института теории и истории социализма ЦК КПСС **Якова Рокитянского**, а также его оценка «Манифеста Коммунистической партии». Можно сказать, что, вероятно, методологической основой его исследований послужило, сам он на это прямо и однозначно не указывает, изложенное на страницах журнала «Новая и новейшая история» следующее положение: «Сейчас многое из того, что считалось раньше наукой, предстает во многом утопичным. С другой стороны, то, что представлялось нашим обществоведам ненаучным, неожиданно оказывается на магистральном направлении развития науки и общества» [Рокитянский, 1990: с. 221].

Его работам присущ ряд особенностей. Во-первых, их большая теоретическая и эмпирическая база. Рокитянский широко и активно использует различные и многочисленные произведения самого Маркса, его переписку с представителями рабочего движения (К. Шаппером, Г. Эвербеком, И. Моллем и другими), а также архивные материалы (ЦПА ИМЛ, МEGA), сборники документов того периода («Союз коммунистов 1836–1849. Сборник документов». Москва, 1977; «Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. 1836–1849». Berlin, Bd. 1, 1970) и материалы газет того времени («Der Volks-Tribun», «The Northern Star», «Vorwärts!», «Deutsche Londoner Zeitung» и другие). Весьма оригинальным и значимым представляется использование Рокитянским работы «Коммунистический манифест» Маркса и

Энгельса, издания 1930 года с введением и примечаниями Д. Рязанова. Он также использует и работы современных ему советских «марксологов»: Г. Багатурия, Е. Канделя, М. Михайлова и многих других.

Во-вторых, позиция Рокитянского, как по отношению к Марксу, так и особо в его оценках «Манифеста», неоднозначна, она непоследовательна и часто противоречива, весьма изменчива. Вероятно, он ждал более «благоприятных условий» для широко публичного изложения своих мыслей. Например, в работе 1982 года он утверждает: «Написанный в декабре 1847 – январе 1848 г. «Манифест Коммунистической партии» **является чисто марксистским документом**» (выделено авторами) [Рокитянский, 1982: с. 201]. Позже, как будет показано ниже, Рокитянский, по существу, откажется от этой категоричной оценки «Манифеста». Эта новая его точка зрения будет обосновываться им посредством анализа ряда проблем.

Первая проблема, ее можно весьма условно назвать **проблемой авторства «Манифеста»**. Более конкретно ее можно назвать также и «проблемой плагиата». Как утверждает Рокитянский, непонимание некоторых особенностей «Манифеста» приводило ряд его исследователей к мысли о плагиате многих изложенных в нем положений. В частности, в начале XX века вышел ряд работ, в которых обсуждалась и исследовалась эта проблема: В. Черкезов «У кого Маркс и Энгельс списали Коммунистический манифест» («Хлеб и воля», 1905, № 14); Ш. Андлер «Историческое введение и комментарий к Коммунистическому манифесту Маркса и Энгельса» (М., 1906); К. Каутский «Коммунистический манифест – плагиат» (СПб., 1906). Сам же Рокитянский указывает, что «Манифест» **«это не чисто авторское произведение** (выделено авторами), а программный документ II конгресса Союза коммунистов, **вышедший в свет анонимно** (выделено авторами) и соединивший два потока идей – раннемарксистский и раннепролетарский» [Рокитянский, 1991: с. 40]. Иначе можно сказать, что «Манифест» писали два субъекта: философ и пролетариат. Еще иначе: Рокитянский в разных формах, но не прямо наталкивает, постепенно подводит читателя к мысли о том, что «Манифест» имеет коллективного автора: «Маркс пи-

сал это произведение от имени рабочих, объединенных в Союз коммунистов» [Рокитянский, 1991: с. 41]. Несколько ранее он утверждал, что «Манифест» «рассматривался как документ самого конгресса» (II конгресса Союза коммунистов – уточнение авторов) [Рокитянский, 1982: с. 200], то есть это материал не Маркса и Энгельса.

Более конкретно, анализируя первый вариант «Манифеста» («Проект Коммунистического символа веры»), Рокитянский утверждает, что содержание многих его положений не является марксистским. Более того, он считает, что «сопоставление этих положений с выступлениями К. Шаппера и его товарищей на собраниях Просветительного общества (можно сказать, некоего филиала Союза коммунистов в Лондоне – уточнение автора) в мае – июне 1847 г. показывает, что **авторами их были несомненно они** (выделено авторами)» [Рокитянский, 1982: с. 193], то ни Маркс, ни Энгельс, хотя в настоящее время эта работа выходит под авторством последнего.

Рокитянский также утверждает, что «10 мероприятий революционной власти, намеченных в «Манифесте», **перекликаются** (выделено авторами) с планами, выдвинутыми Бабефом и его товарищами еще в конце XVIII в.» [Рокитянский, 1991: с. 34]. Обосновывая это утверждение, Рокитянский приводит сходные, по его мнению, положения из «Манифеста» и из книги Ф. Буонарроти (последователя Бабефа и изложившего его идеи) «Заговор во имя равенства». Продолжая такого рода логику и несколько обобщая, Рокитянский утверждает, что «иногда можно установить и чисто **текстологическое сходство** (выделено авторами)» [Рокитянский, 1991: с. 38] между положениями «Манифеста» и положениями иных авторов, а не только с Бабефом (Буонарроти) и Шаппером. Более конкретно Рокитянский пишет, что положения «Манифеста» «об отношении рабочих к отечеству, о взаимоотношениях наций в будущем обществе, мысль о том, что «рабочие не имеют отечества», что «у них нельзя отнять то, чего у них нет», об исчезновении в будущем национальной обособленности и розни, эксплуатации одной нации другой, **перекликаются** (выделено авторами) с высказываниями на этот счет в «Гарантиях гармонии и свободы» Вейтлинга» [Рокитянский,

ский, 1982: с. 202]. Рокитянский для обоснования опять сравнивает положения «Манифеста» с положениями из работы «Гарантии гармонии и свободы».

В более широком плане, как утверждает Рокитянский, само понятие «коммунистический», с одной стороны, появилось как отражение слияния раннего марксизма и немецкого рабочего движения с его идеологией «грубого коммунизма». С другой стороны, «своим происхождением это понятие обязано коммунистам-утопистам 40-х годов и прежде всего Кабе и Вейтлингу, в чьих работах с начала 40-х годов оно встречалось часто. С социальной наукой это понятие не имело ничего общего» [Рокитянский, 1991: с. 37].

Вторая проблема, **проблема научности** или **степени научности «Манифеста»**. Его Рокитянский в 1982 году охарактеризовал как «первую научную программу рабочего движения» [Рокитянский, 1982: с. 204]. А более конкретно он писал: «В «Манифесте» Маркс и Энгельс давали научный анализ этой проблематики, не оставляя места каким бы то ни было утопическим и незрелым идеям, столь характерным для представителей немецкого рабочего коммунизма» [Рокитянский, 1982: с. 202]. Однако в 1991 году Рокитянский уже пишет совершенно иначе: «В «Манифесте» взгляды Маркса и Энгельса еще находятся в значительной мере в рамках социального утопизма» [Рокитянский, 1991: с. 34–35]. Или: «Возникнув на одной и той же идейной и эмпирической основе, в сходных социально-политических условиях, утопический коммунизм и ранний марксизм **соприкасались** (выделено авторами) друг с другом по широкому диапазону проблем. Конечно, нельзя сводить весь «Манифест» к утопическому коммунизму» [Рокитянский, 1991: с. 34].

Недостаточная степень научности «Манифеста» проявлялась в нескольких аспектах. В частности, «в ходе идейного развития в 50–90-е годы Маркс и Энгельс выявили **незрелость** (выделено авторами) ряда своих прежних идей и **ошибочность** (выделено авторами) некоторых прогнозов, в том числе и вошедших в «Манифест» [Рокитянский, 1991: с. 35]. Рокитянский, с другой стороны, также утверждает: «Следует отметить, что не во всем ранний марксизм был шагом вперед по сравнению с предшеству-

ющим предмарксистским периодом. И не только из-за классовой односторонности и схематизма первоначальной историко-материалистической концепции» [Рокитянский, 1991: с. 33].

Нестрогая научность «Манифеста» проявляется и в других аспектах, а одним из важнейших из них является его взаимосвязь не только с утопизмом, но и с романтизмом и радикальной революционностью. Как пишет Рокитянский, «принципы раннего марксизма, изложенные в «Манифесте», однозначно революционные и коммунистические воззрения **опирались на иллюзию** (выделено авторами), возникшую на основе осмысления реальных событий 40-х годов – времени широкого распространения в Европе коммунистических идей, классово-конфронтационного развития в ряде европейских стран, активизации рабочего движения, в том числе и массового движения чартистов в Англии, роста революционных настроений рабочих вследствие их обнищания и несправедливости, неспособности буржуазии в то время обеспечить рабочим сносные условия жизни и труда. Именно отсюда, а не из какой-то «кровожадности», «тоталитарности» Маркса и Энгельса и проистекал **безграничный революционно-коммунистический оптимизм раннего марксизма** (выделено авторами)» [Рокитянский, 1991: с. 33]. Далее Рокитянский продолжает объяснять: «Молодые Маркс и Энгельс тогда еще не обладали достаточным опытом в изучении социальной истории человечества, научной прозорливостью, а их теория не имела пока необходимой научной глубины. Поэтому они **не могли не поддаться революционно-коммунистическим настроениям** (выделено авторами)» [Рокитянский, 1991: с. 34]. На основе данных идей Рокитянский приходит к выводу: «В «Манифесте» также запечатлелось восторженное отношение к революционному насилию и диктатуре» [Рокитянский, 1991: с. 34], а в целом первоначальный марксизм – это теория «**в большей мере еще романтическая, чем научная** (выделено авторами)» [Рокитянский, 1991: с. 35].

Третья проблема выкристаллизовывается в рамках проблемы второй, это проблема путей и средств революционных изменений (революции) и их субъекта. Как считает Рокитянский после 1847(?), «соотношение элементов утопии и науки в марксизме существенно изменилось» [Рокитянский, 1991:

с. 35], марксизм приобрел большую многомерность и полноту. Рокитянский, в частности, пишет: «Теперь Маркс и Энгельс не сводили все к безоглядной революционности и классовой конфронтационности. Они обращали большее внимание на парламентский путь, на демократические методы борьбы рабочего класса. Более разносторонними стали оценки и прогнозы, представления о развитии революционного процесса, о влиянии экономических кризисов на капиталистическую экономику, о тактике рабочего движения, о смене социально-экономических формаций, о сущности государства, о социальной роли крестьянства» [Рокитянский, 1991: с. 35]. Несколько иначе и кратко: «Общество более развитое и социально справедливое должно было, вероятно, прийти ему (капитализму – уточнение авторов) на смену иным путем, демократическим» [Рокитянский, 1991: с. 39]. Сам Маркс по этому поводу писал: «Наивные иллюзии и тот почти детский энтузиазм, с которым мы приветствовали перед 1848 г. революционную эру, исчезли безвозвратно» [Маркс, т. 30, с. 266]. Собственно, с течением времени качественно изменился сам марксизм Маркса.

Рокитянский анализирует и иные проблемы, связанные с «Манифестом», и в более широком плане – с творчеством Маркса, например, проблема языка «Манифеста» (его восприятие и понимание рабочими), проблема «заказа-поручения» «Манифеста» и т. д. Вероятно, для их анализа необходимо специальное исследование, и исследование в более широком плане, не только на базе работ Рокитянского. Решение этой задачи представляется еще более актуальной, если принять во внимание тот факт, что он опирался и использовал не все возможные материалы по отмеченным выше проблемам. В частности, в рамках анализа проблемы авторства «Манифеста» Рокитянский «проигнорировал», упустил из внимания довольно популярные в то время во Франции работы известного французского фурьериста Виктора Консидерана «Принципы социализма» (1843, работа Ф. Энгельса «Принципы коммунизма» была им написана в конце 1847 года), «Политический и социальный манифест мирной демократии» (1843). Вероятно, можно с уверенностью сказать, что Маркс и Энгельс были знакомы с этими работами.

В заключение анализа работ Рокитянского, вероятно, необходимо отметить и **проблему значимости «Манифеста»**. В ее рамках он, например, пишет: «И сейчас, через более чем 140 лет после появления «Манифеста», нельзя считать, что суть этого документа, его особенности в полной мере раскрыты и **что они поняты всеми до конца** (выделено авторами). Советские обществоведы часто подходили к «Манифесту» апологетически. Каждая его мысль, каждая фраза интерпретировались как абсолютная истина, а сам документ представал как своего рода **священное писание марксизма** (выделено авторами). Нам представляется, что пришло время взглянуть на «Манифест» по-иному, под историческим, научно-критическим углом зрения» [Рокитянский, 1991: с. 28]. Кроме того, Рокитянский пишет «о широко распространенном в научной литературе мнении о том, что «Манифест» – программный документ марксизма, его **идейный эталон** (выделено авторами), наиболее точно выражающий его теорию и принципы» [Рокитянский, 1991: с. 32]. Рокитянский также утверждает: «В советской научной литературе, в том числе и марксоведческой, утвердилась точка зрения, согласно которой марксизм, возникнув в 1845–1846 гг., сразу же обрел законченный научный характер» [Рокитянский, 1991: с. 32].

Сам же Рокитянский считает: «Факт разработки Марксом и Энгельсом в середине 40-х годов основ историко-материалистической концепции еще не придавал первоначальному марксизму в полной мере цельный научный характер» [Рокитянский, 1991: с. 32]. Объясняя такую свою позицию, Рокитянский констатирует: «Одной из особенностей раннего марксизма является то, что он включал в себя, пусть и в преобразованном виде, утопические социальные идеи, которые еще не были проверены историческим опытом» [Рокитянский, 1991: с. 32]. Он указывает, со своей точки зрения, на ряд упущений и недостатков изложенных в «Манифесте» положений. Например, он пишет: «В «Манифесте» **общество делилось на два основных класса** (выделено авторами), остальные же рассматривались как промежуточные, реакционные и обреченные на неминуемую гибель. Такая судьба предназначалась, в частности, крестьянству. Государственная власть изображалась как «только комитет, управляющий об-

щими делами всего класса буржуазии». История человечества трактовалась только как арена классовых битв. Пролетариат в условиях капитализма в «Манифесте» обрекался на неизбежное обнищание. В этом обнищании, а также в экономических кризисах виделась причина будущей социальной революции и гибели капитализма. Коммунистическая революция, создание нового общества провозглашались актуальной задачей» [Рокитянский, 1991: с. 33].

Специально подвергать критике эти положения Рокитянского, например, о двух основных классах капиталистического общества, нет необходимости, так как этому посвящена вся данная работа. С другой стороны, следует все же отметить, что данная отдельная конкретная идея вырвана из единого и целостного марксизма и представляется им как одна из его базисных. Можно также сказать, что Рокитянский заложил некую схему критики и опровержения Маркса и марксизма в целом, что стало модным в последующие годы.

Вместе с тем анализ Рокитянского основополагающих положений «Манифеста» (не Маркса) позволяет сделать следующий вывод. Казалось бы, одни из самых устойчивых и общепризнанных идей «Манифеста», а в более широком понимании и Маркса, аутентичного марксизма в целом, могут быть подвержены если не отрицанию, то сомнению и должны быть вновь исследованы в более широком плане, в контексте условий их конкретно-исторического формирования, а также в рамках их системности.

Литература этапа перестройки (постсоветский период)

Этот период специфичен не попытками развития марксизма или идей Маркса, а их тотальным отрицанием в разных формах. Как уже отмечено, критика Маркса стала повседневностью и модой. Многие представители научной и творческой интеллигенции, вероятно, считали необходимым и обязательным для себя подвергнуть критике Маркса, Энгельса, Сталина, Хрущева, Брежнева и в целом марксизм-ленинизм, а также выразить эту критику в той или иной публичной форме. Как следствие в рам-

ках такой ситуации возникла, например, серия сборников статей ученых, писателей и публицистов, народных депутатов и политиков под общим названием «Перестройка: гласность, демократия, социализм». Один из них – «Через тернии» (1990) состоял из 28 статей, около половины из них в той или иной мере затрагивали идеи, высказанные Карлом Марксом.

Например, **Л. Васильев** в своей статье «Кризис социализма» довольно кратко выразил сущность теории Маркса: «Логика исследования привела Маркса к идее о неизбежной гибели запутавшегося в своих **внутренних противоречиях** (выделено авторами) капитализма. В качестве могильщика, исчерпавшего свои потенции капитализма должен был, по Марксу, выступить пролетариат... При этом старательно подчеркивалось, что победа может быть достигнута только в результате **насильственной** (выделено авторами) социальной революции, мощнейшим и едва ли не основным орудием которой должна стать диктатура» [Васильев, 1990: с. 10].

Как утверждает Васильев, по его мнению, «историческая практика в промышленно развитых странах Европы – которые имел в виду Маркс, разрабатывая свою теорию, – **шла, однако, вразрез с предсказаниями его теории** (выделено авторами), причем чем дальше, тем более очевидно» [Васильев, 1990: с. 10–11]. А далее он продолжает: «Анализ Маркса предсказывал, что запутавшийся в противоречиях капитализм исчерпал себя, во всяком случае в развитых странах Европы. Его теория не предусмотрела возможности для капитализма найти выход из состояния кризиса и в обновленных своих модификациях преодолеть внутренние противоречия, создать новые формы, более соответствующие общественному характеру производства. Между тем именно это стало реальным фактом XX века... **Пролетариат практически исчез, а его место занял так называемый «средний класс»** (выделено авторами), состоящий преимущественно из работников наемного труда, обладающих достатком и в результате длительной профсоюзной борьбы нашедших приемлемый для них модус сосуществования с видеоизменившимся капиталом, частично принимающих участие в капиталистическом предпринимательстве. И хотя капиталистическое общество и

сегодня отнюдь не является бесконфликтным, оно обрело солидную внутреннюю устойчивость и имеет неплохие потенции для успешного развития в будущем. Развитые капиталистические страны **уже не чреватые социальной революцией, причем это стало настолько очевидно** (выделено авторами), что даже компартии соответствующих стран вполне осознают это [Васильев, 1990: с. 11]. Иначе говоря, Васильев отрицает не только отдельные положения (например, о роли пролетариата или социальной революции) марксизма (Маркса), но и марксизм в целом. Васильев, как и исследователи на Западе, ищет субъекты революционного действия или социальных изменений.

А. Ципко в статье «Противоречия учения Карла Маркса» также отрицает значимость идеи социальной революции и самого отражаемого ею феномена. «Сама по себе идея революции, предполагающая возможность принуждения с помощью оружия значительной части общества к новой жизни, находилась в **вопиющем противоречии** (выделено авторами) с идеей естественного созревания новых общественных форм. По самой своей сути идея революции предполагает волюнтаризм, то есть насильственное принуждение значительной, подавляющей части общества к тому, к чему она не приспособлена, насильственное с помощью диктатуры пролетариата внедрение в жизнь того, чего в ней никогда раньше не было» [Ципко, 1990: с. 70], – пишет Ципко. Далее он продолжает: «Идея революции, сокращения мук рождения общества вольно или невольно **провоцировала волюнтаризм** (выделено авторами), соблазн побыстрее начать принуждение к новой, ассоциативной жизни... Маркс и Энгельс в силу своего революционного нетерпения, желая сократить муки рождения нового общества всегда, **начиная с революции 1848 г., склонялись к уничтожающей оценке и всегда ошибались** (выделено авторами)» [Ципко, 1990: с. 71].

Высказав такое свое понимание, как идеи Маркса о революции, так и о самом феномене революции, Ципко задается рядом вопросов-утверждений. Типа: «Было бы интересно узнать, почему **Карл Маркс так и не заметил этого противоречия** (выделено авторами) в своем учении, **не задумался о неизбежных негативных последствиях** (выделено авторами) приобщения обни-

щавшего, вырождающегося рабочего класса к революционному переустройству мира» [Ципко, 1990: с. 80]. Пытаясь дать ответ на подобного типа вопросы, Ципко пишет: «Существует много объективных причин этой **поражительной невременности, за- гипнотизированности** (выделено авторами) Карла Маркса и Фридриха Энгельса, когда они излагали свое понимание пролетарской революции» [Ципко, 1990: с. 80].

В свою очередь **В. Киселев** в статье «Социализм: катастрофа или возрождение?» утверждает: «Утопические идеи Маркса и Энгельса о нетоварном и самоуправляемом коммунизме объективно вели к обществу с внеэкономическим принуждением» [Киселев, 1990: с. 216]. С его точки зрения они «**пренебрегли цивилизующей ролью частной собственности** (выделено авторами), необходимостью саморегуляции в общественном развитии и преувеличили значение рационального, планомерного регулирования на основе национальной централизации средств производства. Политическая тенденциозность вождей рабочего класса привела их к иллюзии о готовности классического капитализма для перехода к новому типу общественного развития, исчерпанию им источников прогресса» [Киселев, 1990: с. 216]. Как следствие, по Киселеву, «Марксизм абсолютизировал роль классовой борьбы и диктатуры пролетариата, проявил нигилизм по отношению к буржуазной демократии как плоду завоеваний трудящихся, оставил на периферии своего внимания социально-психологические и нравственные аспекты развития общества» [Киселев, 199: с. 217].

Развивая последнюю мысль Киселева, **В. Сироткин** в статье «Номенклатура в историческом разрезе» писал: «Основоположники марксизма настолько были уверены в классовой сознательности и энтузиазме трудящихся после того, как они все станут коллективными собственниками средств производства, что не увидели опасности ни появления «новой», «пролетарской» бюрократии («красных директоров» и «советских чиновников»), ни воровства трудящихся у них самих («несуны»), ни угрозы «теневой экономики» [Сироткин, 1990: с. 299]. После этого своего высказывания он заявляет: «сегодня без улыбки нельзя читать старые сентенции Энгельса, что пролетарий, свергнув иго капи-

тала и став хозяином своего труда, одновременно поработает у станка, затем с ружьем вместо армии и полиции («дружинник») поохраняет свое пролетарское отечество, где уже, по Ленину (вспомним – государственная власть «так упростилась», что «каждая кухарка может управлять государством»), пролетарии вскоре построят коммунизм» [Сироткин, 1990: с. 300].

В. Библер в своей статье «О гражданском обществе и общественном договоре (Размышления после пяти перестроечных лет)» считает: «Может быть, основным историософским заблуждением Маркса (впрочем, в угаре промышленной экспансии XIX века, вполне объяснимым) было как раз утверждение совокупного, совместного (обобщественного) труда и исторической роли рабочего класса, как *единственно определяющего* и формообразующего исторического субъекта промышленной цивилизации» [Библер, 1990: с. 345].

Для многих авторов сборника характерно употребление словосочетаний типа: «Маркс не видел» того, «не мыслил» второго, «не чувствовал» третьего, «не задумывался» над четвертым и т. д. Вместе с тем основными проблемами, ими обсуждаемыми, и относительно которых высказывались упреки-обвинения Марксу были: противоречия, существующие в обществе; происходящие в нем социальные изменения; средства их осуществления (социальная революция в разных формах, диктатура пролетариата и т. д.); субъекты потенциальной, реальной и творческой активности, а также частная собственность в своих разнообразных формах.

В некотором плане все отмеченные выше проблемы и упреки Марксу близки и по своему составу, и по содержанию отмеченным схемам критики Маркса, существующим на Западе. Вероятно, это одна из причин спада интереса к высказыванию к нему различных упреков, говоря схематично и упрощено, – критика Маркса исчерпала для себя как темы и упреки, так и аргументы, основания для критики, она не может уже находить, не повторяясь, нечто «новое». С другой стороны, серьезно и обоснованно «опровергать» Маркса – довольно сложная задача, а неудачные попытки ее решения могут породить «странные» и «неоднозначные» ситуации.

Например, на странице 28 журнала «Октябрь» № 12 за 1989 года, в котором напечатана часть статьи Ю. Буртина «Ахиллесова пята исторической теории Маркса. Окончание», можно найти такую цитату из работы Маркса «Критика Готской программы», цитата в кавычках, то есть предусматривается, что эти слова буквально принадлежат Марксу и взяты из его работы. Читаем: «Индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общего рабочего дня...» [Буртин, 1989: с. 28]. Но у Маркса же **не «общего», а «общественного», у него не «общий рабочий день», а «общественный рабочий день»**. Изменив одно слово, Буртин просто напросто изменил весь смысл идеи Маркса. Сам же Маркс конкретно пишет: «Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; *индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня* (курсивом выделено то, что должен был написать Буртин – уточнение авторов), его доля в нем. Он получает от общества квитанцию (можно назвать ее «фантиками», «купонами» или «деньгами» – уточнение авторов) в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции (можно сказать, деньгами – уточнение авторов) он получает (можно сказать, покупает – уточнение авторов) из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» [Маркс, 1961а: с. 18]. А далее Маркс пишет: «Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует **обмен товаров** (выделено авторами), поскольку последний есть обмен равных стоимостей (можно сказать, происходит торговля – уточнение авторов). Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме

индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами (выделено авторами): известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой» [Маркс, 1961а: с. 18–19].

Иначе: Маркс, в форме предположения или прогноза, пишет о необходимости существования при социализме товарно-денежных отношений, товара, торговли, денег, которые необходимо зарабатывать, короче – в социально-экономическом смысле. Буртин это, во-первых, отрицает, а, во-вторых, пишет о выполнении неких работ в техническом или технологическом плане, но придает этому выполнению социально-экономический смысл, и, в-третьих, приписывает такое понимание Марксу, но Маркс такого не писал, понимал ли это Буртин?

То есть, собственно, критики Маркса сами могут осознавать неэффективность своей критики, особенно в сфере ее практической реализации. Например, «красные директора», «пролетарская бюрократия», или так называемое «советское чиновничество», не исчезли с их критикой и критикой Маркса Сироткиным, не исчезли они и в результате либеральных реформ, пришедших на смену «социалистическому строительству», не исчезла и в их результате «теневая экономика», а «несуны» переключились на канализационные люки.

Ответы на многие отмеченные выше вопросы попытался дать советско-российский философ, культуролог **Карл Кантор**. В своих работах он широко и активно использовал различные и многочисленные произведения Маркса. Кантор не подвергает «жесткой» критике идеи Маркса или вообще осуществляет их отрицание, он предлагает «свежее прочтение «зачитанных» или «забытых», «пропущенных» или искаженных (бывало и такое) исходных теоретических положений Маркса и Энгельса» [Марксизм-..., 1988: с. 135]. Он также предлагает преодолеть «гипноз слов», «идеологических шор» и не допускать девальвации «высоких слов», понимать, что под «другими именами» утверждаются первоначальные смыслы великих идей.

В целом Кантор пытается не только защищать идеи Маркса, но и развивать их, а в отдельных случаях их «оправдывать» с марксистских позиций, используя диалектику и базируясь в первую очередь на принципах гуманизма и антропоцентризма.

Эти задачи Кантор предлагает решать несколькими путями. Во-первых, посредством «возрождения первомарксизма». Во-вторых, с его точки зрения, «нетленным созданием» Маркса является его историософия, некий симбиоз истории, отчасти теологии и философии как мировоззрения, в центре которой Человек – Личность, но, как он считает, «Маркса-историософа – знают плохо, марксисты прежде всего» [Кантор, 1992: с. 6]. То есть, собственно, необходимо на Маркса и его идеи взглянуть под иным углом зрения, не только как на ученого и с точки зрения научности, но и как на философа, историософа, культуролога.

Например, как утверждает Кантор, «рассмотренное с точки зрения **отдельного индивида** (выделено авторами) развитие **человеческого рода** (выделено авторами) Маркс подразделяет на три этапа: (1) когда индивид находится еще в отношениях личной зависимости – сначала кровнородственной, потом основанной на системе господства и подчинения; (2) когда индивид становится лично независимым при всесторонней вещной зависимости от других людей; (3) когда человек становится **универсально свободной личностью** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 7]. Далее Кантор указывает: «Эта периодизация не менее, а более важна, чем ставшая шорами историка-марксиста периодизация по общественно-экономическим формациям. Не прогрессирующая производительность труда как таковая является для Маркса критерием исторического развития, а **человеческая свобода** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 7]. При этом он считает: «Переход от первого этапа ко второму и особенно от второго к третьему не просто революции – это **тайнства** (выделено авторами), ибо нет ничего более **непостижимого** (выделено авторами), чем переход от необходимости к свободе» [Кантор, 1992: с. 7]. На втором и третьем этапах происходит обособление индивида и на третьем этапе он – «суть продукт не природы, а истории, т. е., по Марксу, не только не «первой» природы, но и не «второй» – не «природы» самого общества, его «общественной материи».

В этом контексте понятие «история» тождественно понятию «свобода» (выделено авторами) [Кантор, 1992: с. 8], – пишет Кантор. А несколько ниже он отметит: «Не рабство само по себе источник социализма Маркса, а свобода (выделено авторами), первоначально ставшая возможной лишь на рабских основаниях» [Кантор, 1992: с. 31].

Третий путь решения отмеченных задач: необходимо найти иные координаты марксизма (идей Маркса), пересмотреть его основной категориальный аппарат и качественно изменить его, сформировать новые базовые концепции. С точки зрения Кантора, многие проблемы, например, социокультурных предпосылок социальной (социалистической) революции «невозможно объяснить, пользуясь привычным понятийным аппаратом наших общественных наук» [Марксизм-..., 1988: с. 131]. Кантор и создает «новую» систему основных категорий для исследования работ Маркса, постоянно обосновывая ее различными высказываниями самого Маркса. В эту систему, как уже отмечено, включаются понятия «индивид», «род», «Человек», «свобода», «история», «прогресс», «История», «зависимость», «Личность» и многие другие. Вместе с тем Кантор утверждает: «И все-таки именно «рабочий класс» является той узловой категорией историософской концепции Маркса, в которой сходятся и взаимоосвещаются все другие образующие ее категории и понятия» [Кантор, 1992: с. 97]. Иначе: категория «рабочего класса» является основополагающей и в историософии Маркса.

Обобщая изложенное, можно сказать, что Кантор пытается на базе идей Маркса синтезировать ряд наук (хотя сам он пишет только об истории) – историю, социологию, политическую экономию, культурологию, «теоретический коммунизм» Маркса и Энгельса (определение его как «научного» верно лишь отчасти) [Кантор, 1992: с. 5] – с философией, но не как с гносеологией или диалектикой, а как с гуманистической, антропологической онтологией (бытие – это и есть человек) и философией как мировоззрением, пытающимся выяснить сущность человека, его отношение к миру и место в нем самого человека. Подобного рода попытки происходили неоднократно, особо на Западе, но, как правило, они реализовывались на базе работ «раннего» Маркса,

особо на «Экономическо-философских рукописях 1844 года», с их специфическим категориальным аппаратом: «отчуждение», «эмансипация», «общность имущества», «коллизия» и т. д. Кантор же использует, как показано выше, иной понятийный аппарат, опирается на труды и «зрелого» Маркса, включая «Капитал» (все тома) и его первоначальные варианты.

Более конкретно: Кантор не отрицает значимость и существование различных противоречий, на которые указывал Маркс, писал о них, и которые в стандартной марксистской литературе считаются стандартными, например, противоречие между материальными производительными силами и существующими производственными отношениями, но он отмечает и существование иных противоречий, в частности, **противоречие между индивидом и родом**. Более того, Кантор постоянно указывает на большую значимость и большую роль этого противоречия.

В период до Истории, в условиях родоплеменного равенства людей, когда это противоречие открыто не проявлялось и не осознавалось, само их равенство «предполагает невыделенность индивида из коллектива, эту еще природную, первоначальную форму рабства, а также равное для всех рабское подчинение патриарху или вождю, или проводникам их воли» [Кантор, 1992: с. 5]. И, как утверждает Кантор, «история начинается с обнаружения противоречия между индивидом и родом и осознается со временем как задача возвышения индивида над социальной системой и этнической культурой, как выход личности в духовный универсум и обретение ею самостояния. Однако родовые связи и их позднейшие субституты даже в регионе прорыва в Историю остаются весьма прочными. Они образуют оппозицию свободы, истории» [Кантор, 1992: с. 4].

В рамках Истории существуют некие «качественные этапы истории человечества на его пути от рабства к свободе, начиная с великой античной (революции – уточнение авторов), когда отдельный индивид, принадлежащий классу рабовладельцев, стал впервые (и первым – уточнение автора) **лично свободным** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 60].

Несколько иначе можно сказать, что противоречие «индивид – род» имеет исторический характер и может принимать

самые различные и многочисленные формы своего проявления, например, как показано выше, – осознанные и неосознанные, в периоды до Истории и самой Истории. Важно также отметить, что данное противоречие проявляется и как противоречие свободы и зависимости, а оба они взаимосвязаны с существованием частной собственности (индивид, свобода) и ее противоречием с собственностью общественной (род, зависимость, равенство). В рамках различных наук отмеченные и иные противоречия на основании имеющегося у них общего позиционируются как «индивидуализм» и «коллективизм» или как принципы антропоцентризма и социоцентризма (этатизма). Как считает Кантор, наиболее значимо и в разнообразных формах противоречие «индивид – род» проявляется в противоречии Истории (истории свободы индивида) и прогресса. В частности, он пишет: «Противоречие между прогрессом способа производства и регрессом рабочего, прогрессом общества и регрессом человека, прогрессом рода и регрессом личности не менее свойственно капитализму, чем противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения его продуктов. Причем разрешение последнего не означает автоматического разрешения первого» [Кантор, 1992: с. 116]. Более того, уточняя, он утверждает: «Если представить картину развития капиталистического способа производства в обобщенном виде, то в ней будут выделены две прямо противоположные тенденции – прогресс общества в целом и регресс рабочего как личности. Эта мысль – **лейтмотив всей историософии Маркса** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 118].

Такая позиция нацеливает на исследование индивида, свободы, их взаимосвязи и взаимозависимости, а в целом на анализ свободного индивида, и в более широком плане – свободного или исторического субъекта.

Более конкретно: Кантор пытается установить кто такой свободный индивид, какова его сущность, основные качества и признаки, причины и условия возникновения и существования. С его точки зрения История происходит только «там и тогда, где и когда стремление индивида к **свободному самоосуществле-**

нию (выделено авторами) влияет на формирование социальной необходимости» [Кантор. 1992: с. 3].

Этим он указывает на роль и значимость в Истории свободного индивида (влиять на Историю) и предлагает один из многочисленных вариантов его понимания – свободное самоосуществление. Оно проявляется и реализуется в сознательном стремлении индивида к самопреображению в самодостаточные существа, выходящие за пределы своего наличного состояния.

Но что такое свободное самоосуществление индивида или самоосуществление любого иного субъекта (класса, социальной группы и т. д.)? Кантор указывает на ряд качеств этого феномена. В частности, самоосуществление это – **потребность** субъекта, порождающая различные, особенные и изменяющиеся противоречия, но потребность специфическая, существующая не всегда и не у всякого субъекта, как, например, потребность в еде или воде. Как сама данная потребность, так и ее субъект **возникают**, они не «вечны», имеют исторический характер и возникают в специфическом социальном пространстве, имеющем и географические, региональные границы (Западная Европа).

Так, Кантор указывает на одно из видоизменяющихся противоречий, которое, с одной стороны, в более широком понимании, является противоречием между индивидом и родом. С другой стороны, противоречием «между потребностью личностного самоосуществления трудящихся, сформулированной всей предшествующей историей западноевропейской культуры (специфическое социальное пространство Западной Европы – уточнение авторов) и «задавленностью» этой потребности капитализмом, тогда как в не западноевропейских странах раннекапиталистической или докапиталистической формаций это были противоречия традиционной национальной и западноевропейской культур» [Кантор, 1992: с. 86]. Следует отметить, что в данном варианте понимания самоосуществления ее конкретным субъектом, по Кантору, являются трудящиеся.

Важно указать, что Кантор часто в качестве идентичного понятию «самоосуществление» использует понятие «**самореализации**». Это заключение можно сделать из иного его высказывания, следующего в тексте сразу же после приведенной выше

цитаты, направленной на понимание личностного самоосуществления как потребности. «В массе индивидов этих обществ (докапиталистических и раннекапиталистических – уточнение авторов) потребности личной самореализации вообще не существовало, а те индивиды, которые приобретали эту потребность и страдали от невозможности самореализации, рассматривались как «отщепенцы», приравнивались к «чужакам». Эта особая форма культурных противоречий с самого начала принимала **политическую окраску** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 86]. Этим самым опять же указывая на видоизменяемость рассматриваемых противоречий, порождаемых потребностью в самоосуществлении и самореализации, которые могут приобретать форму и политических конфликтов.

Кантор также, не всегда, но часто, использует понятие «**самодеятельности**», как идентичное выше отмеченным понятиям. Сама логика данных понятий (само-осуществление, само-реализация, само-деятельность) указывает на наличие у субъектов, их осуществляющих, некоторой степени и разных форм свободы. Кантор, утверждая о «свободном самоосуществлении», лишь подчеркивает ее (свободы) существование у субъекта.

Самоосуществление (самореализация, самодеятельность) представляют из себя некую цель деятельности субъекта или, как пишет Кантор, Маркс «думал о возможности свободного самоосуществления каждого» [Кантор, 1992: с. 100]. Эта цель имеет множество вариантов своего понимания в разных формулировках: «свободное развитие каждого как самоцель», «свободно-личностное становление человека», «всестороннее, свободное развитие личности», «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», и т. д. Поэтому самоосуществление обладает некой внутренней энергией или, как пишет Кантор, рвущейся на свободу личностной энергией самоосуществления [Кантор, 1992: с. 111].

В соответствии с этой логикой самоосуществление можно рассматривать с двух основных точек зрения: самоосуществление (самореализация, самодеятельность) как процесс изменений и как их результат, степень реализации неких целей. Так, Кантор пишет: «Процесс освобождения индивида (элементы самоосу-

ществления – уточнение авторов) от экономических, социальных, политических, идеологических феодальных зависимостей, потребовавший от индивида **думать и действовать самостоятельно** (выделено авторами), рассматривая себя как существо **самоопределяющееся и самодостаточное** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 25]. Иначе: индивид должен стать самодостаточным, самоопределяющимся, должен думать и действовать самостоятельно. Еще иначе: самоосуществление проявляется и реализуется посредством некоторых результатов-требований, предъявляемых к личности. Кроме отмеченных выше, по мнению Кантора, «личность в ее духовной бесконечности и уникальности и тут выступает (должна выступать – уточнение авторов) как субъект права, ответственный за свои поступки, ее поведение подлежит моральному суду» [Кантор, 1992: с. 7]. То есть личность должна быть **ответственной, моральной, действовать в правовом поле** и т. д. В целом Кантор пишет о многочисленных, качественных и различных требованиях, предъявляемых к личности (их анализ, обобщение, систематизация, классификация требуют специального отдельного исследования).

Самоосуществление человеческой личности реализуется также в ее свободном творчестве, трудовой деятельности, в трудовом процессе, в труде как выражении свободно-деятельной сущности человека. Особенностью работы Кантора является понимание им труда в первую очередь и в основном как труда индивидуального. «Именно в индивидуальном труде, в котором искусство еще не отделилось от ремесла, и проявилась свободно-творческая сущность субъекта труда, как ее описал Маркс в «Капитале» [Кантор, 1992: с. 80], – пишет Кантор, делая ссылку (приведя цитату) на первый том «Капитала» (т. 23, с. 189).

Кантор, однако, в этом плане неоднозначен и непоследователен. Так, с одной стороны, он утверждает: «Для Маркса высшей формой человеческой деятельности, как и для Аристотеля, была деятельность «высокого досуга», который Маркс рассматривал как свободную творческую самореализацию личности в философии, науке, искусстве и других видах непосредственно **всеобщего труда** (выделено авторами), но отнюдь не в ремесле» [Кантор, 1992: с. 80]. Иначе, в данном случае Кантор пишет об

индивидуальном труде, проявляющемся в разных формах всеобщего труда. С другой стороны, в приведенном выше высказывании, да и вообще в своих работах, он пишет об индивидуальном труде, проявляющемся в разных конкретных формах конкретного материального труда, в основном в ремесленничестве и земледелии, основанных на мелкой частной собственности.

Описывая признаки и сущность мелкой частной собственности и мелкого собственника, указывая и подчеркивая их «заслуги», Кантор постоянно ссылается на Маркса и пытается его высказываниями обосновать свою их интерпретацию. В частности, он пишет: «Сколь важное значение придавали Маркс и Энгельс мелкой частной собственности, исторически преходящему, но необходимому как **условию развития свободной индивидуальности** (выделено авторами) рабочего, можно заключить из того, что эта мысль пронизывает все их сочинения от первых до последних работ, от «Манифеста» до «Капитала». Классики не были примитивными уравнилителями. Они не считали возникновение частной собственности после десятков тысячелетий господства общинной «всемирно-историческим заблуждением». В «Манифесте» они писали, что лично приобретенная, добытая своим трудом собственность образует **основу личной свободы, деятельности и самодеятельности** (выделено авторами). Ту же мысль, но в более развернутой и доказательной форме Маркс проводит через всю конструкцию «Капитала» [Кантор, 1992: с. 79–80].

Об этом же почти дословно Кантор пишет и в своей работе 1988 года [Марксизм-..., 1988: с. 137]. Однако в последней он пишет об основе «личной свободы, деятельности и **самостоятельности**», как в «Манифесте» [Маркс и Энгельс, 1955: с. 438], а в монографии, как уже отмечено, Кантор пишет об основе «личной свободы, деятельности и **самодеятельности**». Следует отметить, что в монографии, несмотря на ссылку, цитата из «Манифеста» не прямая, так как отсутствуют кавычки, это скорее некая форма интерпретации приведенного высказывания. При этом замена слова «самостоятельность» на слово «самодеятельность», с точки зрения автора, смысл содержания «Манифеста» почти не изменила. Однако данная ситуация указывает на логику

Кантора, которая направлена на преувеличенное подчеркивание роли и значимости мелкого собственника и мелкой частной собственности.

Кантор, как и Маркс, пытается установить атрибутивные признаки частной собственности и мелкого собственника, но в его работах присутствуют несколько нетождественные, различные понимания этих феноменов.

Например, он пишет о «**мелкой**» частной собственности. В рамках такого понимания ее атрибутивный признак («мелкая») сам является неопределенным и необходима его конкретизация по качественным и количественным критериям. «Мелкая» по постоянному или переменному капиталу, или какова количественная величина фиксируемой «мелкости»? и т. д. Данное понимание является скорее образным, чем эмпирическим и научным, оно стандартно-привычное, но мало что объясняет.

Во-вторых, Кантор пишет о частной собственности **работника** на средства его производительной деятельности, или, в-третьих, о собственности труженика, **нажитой его личным трудом**. Эти понятия принципиально отличаются от первого понимания, но в рамках их различных и отдельных интерпретаций весьма близки между собой, однако, при этом же одновременно, они могут быть весьма различны. Например, в рамках третьего понимания собственность может восприниматься не как «частная» (на средства производства), а как личная, как собственность на средства потребления (автомобиль).

В-четвертых, частная собственность может пониматься как форма индивидуального труда или индивидуального труда, которому капитал (буржуазия) придает частнособственнический характер. Однако, как отмечено выше, не всякий индивидуальный труд (в форме всеобщего труда) может трансформироваться в частную собственность, это лишь возможный, но не всегда обязательный процесс.

В-пятых, вероятно, наиболее адекватным является понимание мелкой частной собственности Маркса из первого тома «Капитала», приводимое Кантором [Марксизм-..., 1988: с. 139]: индивидуальная частная собственность, основанная на собственном труде [Маркс, 1960: с. 773].

Вместе с тем Кантор использует и иной путь (не посредством использования определений) установления сущности мелкой частной собственности и мелкого собственника посредством указания на их отдельные признаки. Первым из них, в строгом смысле атрибутивным, постоянно присущим мелкому собственнику и частной собственности, необходимым и неизбежным, всегда основным, является существование отношений собственности между объектом и субъектом. Объект всегда кому-то принадлежит, а субъект всегда чем-то владеет, при этом объект всегда – некие средства производства. Их количественная величина, хоть в натуральной, хоть в стоимостной форме постоянного и переменного капитала, является признаком весьма условным. Он количественно изменяется, имеет исторический, но одновременно весьма конкретный характер и зависит от многих обстоятельств. Собственно, можно сказать, что Кантор пытается решить ряд вопросов, связанных с выяснением признаком **объекта** собственности мелкого собственника, владеющего мелкой частной собственностью. Можно также сказать, что Кантор пытается решить и ряд вопросов, связанных с выяснением признаков **субъекта** мелкой частной собственности, мелкого собственника. Для его обозначения Кантор использует большое количество разных и отличающихся между собой терминов (понятий): индивид, производитель, мелкий частный производитель, индивидуальный производитель, свободный производитель, труженик, самостоятельный труженик, собственник и т. д. В более конкретном, но и в более узком плане он пишет о самостоятельных тружениках – независимых мелких частных собственниках и товаропроизводителях, о свободном самостоятельном земледельце и ремесленнике и т. д. Во многих указанных терминах акцент делается на том, что субъект является не только владельцем средств производства, но он является и свободным самостоятельным индивидуальным работником-тружеником. Он является свободным, политически независимым и суверенным, сам принимает свое собственное решение в условиях свободного и вариативного выбора. Он – непосредственный производитель, непосредственный участник материального производства, как правило, в своем производстве он не использует наемный труд, а если и использует, то в рамках

некого минимума. Он – сам работник (но не наемник), он сам труженик, он сам своими руками создает (производит) свою собственную продукцию. Он – **самостоятельный производитель**. Этот аспект Кантором исследуется явно неполно и недостаточно (но он и не имел такой цели), что проявляется, например, в отсутствии анализа взаимосвязей и взаимоотношений, включенности мелкого производителя в натуральное или рыночное хозяйство, в товарно-денежные отношения. Кантор также, в отличие от Маркса, не акцентирует внимание на эксплуатации мелкого собственника крупным капиталом.

Выявляя признаки объекта и субъекта мелкой собственности, Кантор обращается и к исследованию и взаимосвязей и взаимоотношений, к механизму использования собственности ее владельцем. Основу этого механизма составляет труд. Это труд – собственный, личный или индивидуальный, он имеет некие «неустранимые преимущества с точки зрения возможности сохранения в труде цельности индивида, проявления самостоятельного почина и личного своеобразия» [Марксизм-..., 1988: с. 142]. Такая форма труда указывает на специфические признаки личности мелкого производителя-собственника. Элементами механизма взаимосвязи объекта и субъекта является их взаимная зависимость: без мелкой частной собственности нет и не может быть мелкого собственника, без мелкого собственника не может быть мелкой частной собственности. На это их качество постоянно указывает Кантор, также постоянно ссылаясь на Маркса, на его разные работы, включая «Капитал».

Кантор утверждает и о иных качествах и функциях мелкой частной собственности и мелкого собственника. Во-первых, он в разных формах пишет об их «**живучести**» или о некой константной «**жизненности**», которая проявляется в их взаимоотношениях с иными субъектами и объектами. Так, даже тогда, когда будет достигнуто фактическое и полное общественное владение, «общественная собственность даже и тогда не станет единственной. Наряду с ней и на ее базе возникает индивидуальная собственность, необходимая как гарантия индивидуальной свободы и самостоятельности – своеобразной и многообразной» [Марксизм-..., 1988: с. 144]. Подобный процесс протекает и в рамках

капиталистического производства, раскрывая его содержание, Кантор приводит высказывание (цитату) Маркса из первого тома «Капитала»: «Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [Маркс, 1960: с. 773]. В более широком плане Кантор отмечает: «Надо заметить, что сочетание общественной и индивидуальной собственности было для Маркса вообще показателем **жизненности** (выделено авторами) общественно-экономического уклада» [Марксизм-..., 1988: с. 145].

По существу об этом же, но несколько в другом плане: с точки зрения Кантора, История началась с Великой **античной революции**, «в Древней Греции впервые наряду с рабами появились свободные; собственно здесь впервые возникла и впервые была осознана противоположность свободы и рабства» [Кантор, 1992: с. 31]. Более конкретно он утверждает: «Великий исходный пункт этой революции – появление частной собственности, ставшей основой материального, социального и духовного прогресса античного общества, появления и развития свободной индивидуальности. Частная собственность вызвала не только деление общества на рабов и свободных, но и формирование самостоятельных классов среди свободнорожденных, экономическую и политическую борьбу между ними. Только с этих пор история общества и стала историей борьбы классов, стала, иными словами, собственно историей» [Кантор, 1992: с. 31]. Еще более конкретно: делая акцент на роли мелких частных собственников, Кантор пишет, что в античности, в период ряда веков до н. э. «рабство еще не играло решающей роли в экономике, когда материальное богатство общества создавалось трудом мелких частных собственников – ремесленников и земледельцев, свободных и политически активных граждан античного полиса» [Кантор, 1992: с. 31–32]. Вместе с тем Кантор занимает и несколько иную позицию, когда пишет: «Но если в античности труд свободных и независимых ремесленников и земледельцев занимал второсте-

пенное место и, в конце концов, был вытеснен рабским трудом, то в эпоху Возрождения наемный труд свободных стал господствующим» [Кантор, 1992: с. 36]. Далее несколько ниже Кантор уточняет: «Господствующей формой в XIV и XV столетия был уже не рабский и не крепостной труд, а труд мелких частных товаропроизводителей и, соответственно, возникший в XIV столетии и утвердившийся в XV-м наемный труд испытывал сильнейшее воздействие экономически независимого труда (и принимал соответствующую ему окраску)» [Кантор, 1992: с. 108]. В последующем труд наемного рабочего вытеснил труд свободного независимого собственника.

«Живучесть» мелкого производства в настоящее время в одном из своих вариантов проявляется, как утверждает Кантор, в возрождении ремесла и появлении **«нового ремесла»**. «Старое ремесло» было основано на ручном труде и ручных орудиях труда. В современных «странах развитого капитализма, охваченных бумом микроэлектроники, сложились условия для «нового ремесла», использующего малогабаритные ЭВМ и робототехнику для эффективного, приспособленного к индивидуальным запросам потребителей, «домашнего» производства» [Кантор, 1992: с. 85] и индивидуального личного труда.

На основе этого фактического исторического (как он считает) материала Кантор заключает, что мелкая частная собственность, мелкий собственник, «этот способ производства встречается и в условиях рабства, крепостничества и других форм зависимости» в порах, в лагунах иных формаций и типов культур» [Кантор, 1992: с. 37]. Иначе можно сказать: эти феномены обладают некой исторической константой своего существования. Во всех классово-антагонистических формациях Западной Европы «наряду с крупным производством, основанным на отношениях господства и подчинения, всегда сохранялось свободное мелкое производство непосредственных производителей» [Кантор, 1992: с. 79]. Константа изменяется, изменяется степень развития, актуализации, доминирования, господства разных изменяющихся форм мелкой частной собственности и мелкого собственника.

С другой стороны, Кантор, по существу, пишет о двух типах наемных работников, можно даже сказать, о двух типах наемных

рабочих. В частности, он утверждает: «Линия преемственности к современному пролетариату, возникшему в Западной Европе (первоначально в Италии и Англии) во второй половине XIV в., **идет от класса свободных ремесленников и земледельцев** (выделено авторами) позднего средневековья. Именно они, а не наемные работники средневековья являются их предшественниками. И если выискивать еще более глубокие генетические предпосылки современного рабочего класса, то их следует скорее искать не столько в наемном работнике античности или в римском пролетарии, сколько в свободном ремесленнике и свободном земледельце Эллады» [Кантор. 1992: с. 109]. Эту же мысль он высказывает несколько иначе, ссылаясь на Маркса и Энгельса. «Маркс и Энгельс превосходно знали, что наемный труд существовал еще в античности, не прекращался и в эпоху средневековья, но тот класс наемных рабочих, историю которого Маркс ведет от второй половины XIV в., возник тогда как бы заново, вне прямой связи с предшествующей многовековой историей наемного труда. Маркс во всяком случае не считает необходимым упоминать о ней. Зато он постоянно подчеркивает *генетическую* связь современного пролетариата с мелкотоварным трудом ремесленников и земледельцев» [Кантор, 1922: с. 108]. То есть, собственно, существовал класс наемных работников (рабочих?) античности и средневековья и иной класс – наемных рабочих – эпохи капитализма, отличающихся от первых многими качественными характеристиками, особо это касается современного рабочего развитых стран. Более конкретно Кантор пишет: «Для рабочих все большее значение стала приобретать осмысленность, содержательность труда, возможность проявить в трудовом процессе свои личные дарования и умения. Иными словами, рабочих развитых капиталистических стран Запада стало беспокоить то, что в марксистской теории определяется понятием «отчуждение». Сказать, что эти культурные требования не присущи природе рабочего класса, что прежде их вообще не существовало, было бы грубой ошибкой. Стремление к свободной самореализации коренится в самом культурно-историческом происхождении рабочего класса» [Кантор, 1992: с. 77]. Иначе можно сказать: в силу отмеченной преемственности, да и по другим причинам, совре-

менный рабочий класс стал «приобретать» многие позитивные качества константно существующего мелкого собственника.

Более того, в соответствии с этой или подобной логикой рабочий класс «приобретает» и некий революционный потенциал, имеющийся у мелкого собственника, или, как пишет Кантор, «самое отрицание свободной индивидуальности работника (мелкого собственника – уточнение автора), которое несет с собой капитализм, порождает у непосредственных работников **стремление отстоять свою свободную индивидуальность** (выделено авторами). Если это не удастся вполне в производственной сфере, то энергия свободной индивидуальности устремляется в иные социальные и политические сферы, наконец, утверждается в частной жизни, и, что существеннее всего, стремление к свободной самореализации, стремление вернуться к утраченной индивидуальной свободе или даже к обретению еще более полной **становится народным идеалом** (выделено авторами) и получает выражение не только в реакционных романтических или буржуазных элитарных утопиях, прославляющих безудержный эгоизм удачливых бизнесменов и право на господство суперменов, но и в **демократических движениях масс** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 37]. Несколько кратко это выражается в формуле: «На экономической основе свободного труда возникло классическое античное искусство и античная философия, и – что **не менее важно для последующих революций** – **первая в истории афинская демократия** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 61]. Объясняя и расшифровывая эту формулу, Кантор отмечает: в античной революции содержались последующие революции, революция, получившая воплощение в христианстве, «Возрожденческая революция, и Реформация, эта буржуазная революция № 1, получившая импульс от «христианского гуманизма» Ренессанса, и все последующие буржуазные революции – раннего, зрелого и позднего периода развития капитализма» [Кантор, 1992: с. 61]. В частности, и американская революция, послужившая образцом для Великой французской буржуазной революции, которая, в свою очередь, стала образцом для многих, если не для всех, политических революций.

Кантор, обобщая свою (изложенную выше) совокупную интерпретацию идей Маркса, которую он обосновывает многочисленными ссылками (цитатами) на различные работы Маркса, приходит к выводу, что его читатель может прийти к заключению: **Маркс был апологетом мелкой частной собственности и мелкого собственника, а не рабочего класса.** Вероятно, исходя из этого предположения и желая предупредить такой возможный вывод своих читателей и возможных оппонентов, а также несколько «оправдываясь», он на странице 80 своей монографии 1992 года в примечании специально конкретизирует и уточняет: **«Маркс не был апологетом мелкой частной собственности** (выделено авторами), напротив, он считал, что ее сохранение и культивирование как единственной и якобы наиболее отвечающей «природе человека» формы собственности (как это полагали мелкобуржуазные социалисты типа Прудона), привело бы к господству всеобщей серости и посредственности» [Кантор, 1992: с. 80].

Украинская социология

В украинской социологии в рамках классового анализа социальной структуры следует отметить работы старшего научного сотрудника Института социологии НАН Украины **Елены Симончук**. Она не ставила перед собой цели специально исследовать творчество Маркса, особенно в плане анализируемой автором проблемы. Например, в своей публикации «Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения» (2010) она утверждает: «В данной статье внимание направлено на изучение первого и второго уровней зрелости классового сознания (по Манну) – классовой идентичности и осознания людьми противоположности классовых интересов» [Симончук, 2010: с. 61]. В другой своей работе «Концепт «класс» в современной социологии: классификация значений» (2015) она пишет: «Цель данной статьи состоит в том, чтобы эксплицировать современную палитру мнений западных социологов о классе, для чего вначале изложен дайджест классификаций понятия «класс» и классовых концепций, созданных в последние два десятилетия авторитетными классовыми аналитиками» [Симончук, 2015: с. 23] и т. д.

Однако, ни последние, ни сама Симончук не могли решить отмеченные задачи, не обращаясь к Марксу и не используя его идеи, поэтому она просто была вынуждена в той или иной степени писать о Марксе, затрагивая исследуемую в данной работе проблему, что она осуществляет в нескольких аспектах.

Во-первых, Симончук в разных своих работах воспроизводит интерпретации Маркса разными западными социологами, которые отчасти являлись элементами отмеченного выше схематизированного и упрощенного понимания творчества Маркса. В наиболее общем виде это проявилось в ее утверждении: «Многие современные работы, посвященные классовому сознанию, начинаются с предсказания Карла Маркса относительно усиления поляризации классовой структуры, которое будет порождать революционную сознательность среди рабочего класса, что приведет в результате к свержению капитализма и установлению бесклассового общества» [Симончук, 2010: с. 56]. Затем Симончук отмечает: западные социологии констатируют – «это предсказание в западных обществах не сбылось: западный капитализм выжил» [Симончук, 2010: с. 57]. Как пишет Симончук, «объяснение этому находят прежде всего в формировании и росте в течение второй половины XX века многочисленного среднего класса, имеющего относительно высокий уровень благосостояния. По мнению многих неомарксистов, капиталистическая идеология создала обещание изобилия, что привело к «ложному сознанию» среди рабочего класса, тем самым предотвращая революционные действия, переводя решение классовых по содержанию видов социальных конфликтов в индивидуализированные формы» [Симончук, 2010: с. 57].

Отмеченные положения настолько же беспорны, насколько и дискуссионны – они просто упрощены, но Симончук, как отмечено, и не имела своей целью тщательный анализ идей Маркса, среди его работ, как первоисточник, она использует только «Манифест», без его прямого цитирования.

Существенным недостатком приведенных положений является то, что в них не фиксируется антикапиталистический потенциал среднего класса и уже осуществляемое им антикапиталистическое поведение, конкретные антикапиталистические

действия, о чем, собственно, и писал Маркс (о чем подробнее ниже).

Симончук также утверждает: «Западные социологи, убедившись, что рабочий класс оказался неспособным к выработке предполагаемого Марксом революционного уровня сознательности и, в результате, к реализации идеи альтернативного общества, постепенно снизили интерес к этой проблематике в конце XX века» [Симончук, 2010: с. 57]. Однако, по ее мнению, в условиях «новой экономики» и в целом «новой ситуации» по ряду причин в последнее время происходит возрождение интереса к изучению, в частности, классового сознания и к отмеченным выше проблемам в целом. Более конкретно Симончук пишет: «Социологи вновь признали важным отслеживать данные относительно динамики уровня классового сознания и причин, на нее влияющих», так как «логично ожидать усиления уровня классового сознания и классовой борьбы» [Симончук, 2010: с. 57]. Иначе можно сказать: Симончук фиксирует актуализацию проблем, исследуемых в данной работе, что подчеркивает ее значимость и актуальность.

В рамках этого же аспекта Симончук фиксирует ряд конкретных положений, указывающих и подчеркивающих актуальность исследуемых в данной работе проблем и их содержание. Так, по ее мнению, Пьер Бурдьё вслед за Марксом считает классами «группы, имеющие наибольшие шансы при определенных условиях стать классами в собственном смысле слова, то есть реальными субъектами общественно-исторического процесса» [Симончук, 2011: с. 52]. При этом Симончук отмечает, что, по Бурдьё, класс становится реальной действующей силой, «реальным» классом при осознании его членами своей общности, как группы, имеющей собственные интересы и как группы, готовой и способной их защищать.

Симончук в рамках первого аспекта также утверждает: «Райт, переосмысливая роль среднего класса, приходит к отказу от классического марксистского тезиса, что в капиталистическом обществе пролетариат выступает основным классом, противостоящим капиталистам, а социализм является единственным возможным будущим для капитализма» [Симончук, 2011: с. 58]. Она

также уточняет, с точки зрения Райта, «новый анализ показывает, что есть другие классовые силы в рамках капитализма, которые потенциально способны быть «предъявителями» исторической альтернативы капитализму» [Симончук, 2011: с. 58]. Более того, она отмечает, по Райту, это «свидетельствует, что процесс классового формирования и классовой борьбы значительно сложнее, чем допускала традиционная марксистская теория. Таким образом, идентификация социальных классов, являющихся в изучаемый период реальными субъектами классового конфликта и социальных изменений, составляет актуальную задачу» [Симончук, 2011: с. 58]. Этим самым Симончук опять указывает на актуальность исследуемой в данной работе проблемы.

В рамках второго аспекта Симончук непосредственно сама излагает и интерпретирует некоторые идеи Маркса. В частности, она сама указывает, что в теории Маркса и Энгельса «классы рассматриваются как реальные общности и реальные социальные силы, способные изменять общество» [Симончук, 2011: с. 52], то есть, по Симончук, с точки зрения Маркса, это не только пролетариат. И в этом смысле Симончук повторяет отмеченную идею Ойзермана. Иначе: не только рабочий класс может быть и является субъектом исторического процесса.

Несколько иначе, чем отмечалось выше, Симончук сама пишет о важнейших прогнозах Маркса. В частности, «во-первых, с ростом индустриализации относительный размер заработной платы рабочего класса будет снижаться или сохраняться на уровне. Способным обеспечить лишь потребности выживания; во-вторых, трудовые отношения в крупных организациях должны приводить рабочих к пониманию их общей судьбы, положения в обществе и под влиянием этих условий к политически организованной борьбе с целью улучшения своего социального положения. Данные процессы, с точки зрения марксизма, неминуемо ведут к усилению конфликта между управляющими и рабочими, богатыми и бедными, средним и рабочим классами» [Симончук, 2010: с. 75]. При этом Симончук опять же подчеркивает актуальность и значимость исследуемой автором проблемы: «У меня нет сомнений в важности непрерывного изучения тезиса Маркса о связи между классовой поляризацией и классовым

сознанием в нереволюционные периоды развития капитализма» [Симончук, 2010: с. 81].

В рамках третьего аспекта Симончук делает ряд выводов как из своего анализа некоторых идей Маркса, так и из проанализированных ею его интерпретаций. В частности, в разных вариантах она в ряде своих работ высказывает мысль: рабочий класс «не является исключительным лидером протестного движения в течение последних двадцати лет» [Симончук, 2011: с. 90]. Или – она, ссылаясь на других социологов, пишет: «Начиная с конца XX века, социологи (даже марксистски ориентированные) сходятся во мнениях, что рабочего класса в качестве социального актора не существует ни в западных, ни в постсоветских странах» [Симончук, 2011: с. 57].

Как следствие, возникает вопрос о «*субъектах современного классового конфликта*» [Симончук, 2011: с. 56], – считает Симончук. Она утверждает: «Когда говорят о классовом конфликте и классовой борьбе в современном капиталистическом обществе, одна из сторон конфликта **для всех очевидна** (выделено авторами) – это политические элиты, высшие государственные чиновники, крупные предприниматели и менеджеры – группы, имеющие в своем распоряжении значительные экономические и политические ресурсы» [Симончук, 2011: с. 56]. Вторая же сторона конфликта в настоящий момент представляет собой проблему. Как пишет Симончук, «вторая же сторона классового конфликта в конце XIX и на протяжении почти всего XX века всем (теоретикам, политикам, обывателям) виделась прежде всего в рабочем классе – наиболее многочисленной социально-профессиональной группе занятого населения, в тот период организованной главным образом по фабрично-заводскому принципу, компактно проживавшей и имеющей сходные жизненные шансы, объем экономических и материальных ресурсов. С этим классом связывали социальную утопию, мечту о справедливом обществе всеобщего равенства и братства. Ему приписывали прогрессивную идеологию, групповую солидарность, эффективную политическую организацию и способность к активной защите своих прав» [Симончук, 2011: с. 57]. Падение роли рабочего класса объясняется и объясняют многими причинами: сокращение чис-

ла индустриальных рабочих, уменьшение значимости «рабочего вопроса», так как уровень жизни рабочих значительно вырос и т. д. «Основной же аргумент в отказе рабочим называться классом видят в отсутствии особой идеологии, влиятельной и эффективной политической организации, конкретных коллективных форм защиты своих интересов (...), то есть в отсутствии амбиций быть субъектом общественного процесса» [Симончук, 2011: с. 57], – считает Симончук. Поэтому она задается вопросом: «Если не в рабочем классе, то в ком (хотя бы потенциально) видят в начале XXI века вторую сторону современного классового конфликта и субъекта социальных изменений?» [Симончук, 2011: с. 57]. А пытаясь ответить на этот вопрос, пишет: «Многие западные социологи эту роль отводят новым средним классам (высококвалифицированным экспертам, менеджерам и администраторам) – группам политически влиятельным, обладающим значительными властными и профессионально-квалификационными ресурсами, эффективными политическими организациями; умеющим адекватно выразить и защитить свои интересы» [Симончук, 2011: с. 57–58]. Симончук приводит ряд доводов в пользу такой точки зрения. Во-первых, «все классы в подобной мере (как и рабочий класс – уточнение автора) приобрели опыт коллективных действий в защиту своих интересов» [Симончук, 2011: с. 71]. Во-вторых, не имел и не имеет в настоящее время больших оснований для социального и политического протеста, чем другие трудящиеся. Иначе – многие исследователи приходят к выводу «о равных основаниях для протеста среди представителей разных классов» и он «состоит в том, что ни рабочие, ни люди среднего класса не смогли создать (за редким исключением) для выражения и защиты своих интересов сильные, влиятельные, независимые организации – политические партии и профсоюзы, которые формировали бы идеологическую гегемонию своих представителей» [Симончук, 2011: с. 75]. Как считает Симончук, «сегодня наблюдается скорее паритет (ресурсов и потенциала) рабочих и среднего класса» [Симончук, 2011: с. 91]. Далее она уточняет: «При оценке результатов их активности в течение последних двадцати лет они видятся не субъектами истории, революционными классами, стремящимися к измене-

нию социального строя в свою пользу, а чаще объектами манипулирования со стороны доминирующих классов (что подтверждает история забастовочного движения)» [Симончук, 2011: с. 91]. В-третьих, Симончук утверждает, что «результаты исследования свидетельствуют, что все эмпирически доступные социальные классы (средний класс, мелкая буржуазия, рабочий класс) почти в равной мере участвовали в забастовках» [Симончук, 2011: с. 90] и других акциях протеста. В соответствии с отмеченными положениями, как считает Симончук, «вполне логично и оправдано на современном этапе *под термином «рабочее движение» понимать движение в защиту своих прав в Украине разных групп наемных работников и мелкой буржуазии, а не только рабочих»* [Симончук, 2011: с. 90]. Кроме того, Симончук отмечает: «Исторически сложилось, что в отечественной социологии под этим термином (рабочее движение – уточнение авторов) имеют в виду движение рабочих (прежде всего индустриальных рабочих, занятых физическим трудом на крупных предприятиях), в западной же социологии контекст его употребления шире – это движение всех наемных работников (термин «labour movement» правильнее бы переводить на русский язык как «трудовое» движение, а не «рабочее»). Именно в этом (более широком) значении термин использован в данной статье» [Симончук, 2011: с. 59]. Иначе, коротко и схематично, можно сказать, что под «рабочим движением», в частности, и «рабочими» в более широком смысле стали понимать любых, всех «трудящихся» и «движения трудящихся». В этом плане, как пишет Симончук, «произошел если не разрыв с марксистской традицией, то охлаждение к ней (особенно относительно трактовки движущих сил и направлений эволюции истории, то есть учения о классах, эксплуатации и классовой борьбе)» [Симончук, 2016а: с. 24]. А далее она продолжает: «Марксистская методология казалась неактуальной не только для анализа трансформирующегося общества, постфактум были сконструированы даже иные трактовки советской классовой структуры» [Симончук, 2016а: с. 24]. Иначе: «За изменением институциональных и структурных реалий последовала смена социологических моделей их описания и объяснения. Теперь социологи вели речь о трансформации оснований социальных неравенств и

конституировании новой социальной структуры, используя иной понятийный язык и теоретико-методологический аппарат» [Симончук, 2016а: с. 20].

В заключение анализа работ Е. Симончук следует сказать, что многие изложенные ею теоретические положения, например, о роли мелкой буржуазии и в целом среднего класса в антибуржуазных (антикапиталистических) движениях, социальных конфликтах и т. д., являются лишь в иной форме изложением идей Маркса, которые будут рассмотрены ниже. Она не фиксирует их как идеи Маркса, но, актуализируя, обобщает и осовременивает их. Для Маркса гегемония «красных» в революции трудящихся (народной революции) в, первую очередь во Франции, и Германии 1948 года по ряду причин (слабость пролетариата, его поражение в июне и т. д.), можно сказать, лишь один из возможных, конкретно-реальных вариантов конкретно-исторического (эмпирического) развития революции и изменения существующего общества. Для Маркса в тот момент (1848–1851) эта возможность в реальном плане была еще пока уникальна, единственна, так как не было еще подобного рода исторических практик – революций подобного рода. В теоретическом плане, в рамках концепции непрерывной революции, Маркс эту возможность уже рассматривает при определенных условиях как вариант необходимый и даже неизбежный. Для Симончук, по существу, данная возможность в современном обществе является универсальной, если не единственно возможной через этап существования паритета между рабочим и средним классами и их политическими силами.

Если Е. Симончук свой анализ идей Маркса «строит», исходя из его прогнозов и предсказаний, то доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины **Сергей Макеев** в одной из своих работ («Классовый анализ в современной социологии») «строит» анализ идей Маркса на основе трудовой теории стоимости. В частности, он утверждает: «Согласно марксизму, а также Соренсену, понятие класс неразрывно связано с такими явлениями, как неравенство, антагонистические интересы, социальные конфликты и эксплуатация. Маркс, опираясь на современные ему экономи-

ческие теории и развивая их, предложил теоретическую версию того, как возможны эти явления. В основании версии – трудовая теория стоимости» [Макеев, 2001: с. 8].

Вместе с тем Макеев пишет, что современная экономическая теория отвергла эту теорию, с точки зрения ряда социологов, включая неомарксистов, «слова «класс» и «эксплуатация» подлежат исключению из социологического и социально-политического лексикона в силу того, что отсутствуют основания для существования подобных явлений» [Макеев, 2001: с. 8]. Кроме того, в странах зрелого капитализма революций не произошло, а «тенденция абсолютного обнищания пролетариата присуща только ранним его стадиям» [Макеев, 2001: с. 8]. В более широком плане – «Крушение государственного социализма подавляющим большинством обществоведов было отождествлено с крушением теоретического наследия Маркса. Наиболее кардинальный разрыв с этой интеллектуальной традицией оказался в бывших республиках Советского Союза, и особенно с той частью марксизма, которая трактовала движущие силы и направления эволюции истории, то есть с учением о классах, об эксплуатации и классовой борьбе» [Макеев, 2001: с. 5].

Несколько иную точку зрения С. Макеев высказывает в иной своей работе («Дифференциация солидарностей в экстраординарных обстоятельствах 2013–2015 годов в Украине»). По его мнению, марксизм противопоставляет романтической солидарности социалистов-утопистов «грезы о реализовавшем равенство человечестве пролетариев». Уже в «Манифесте» Маркс и Энгельс «предложили концепцию перехода к более справедливому социальному состоянию **посредством насильственного солидарного действия** (выделено авторами) на основе общности классовой позиции и ясного классового сознания» [Макеев, 2016: с. 7–8]. Подразумевается, что этим классом является пролетариат.

В другой своей работе («Статус классового анализа в современной социологии») С. Макеев отмечает неизбежность места классового анализа в рамках социологии и ее в качестве научной дисциплины. Данный статус, по Макееву, обусловлен и двумя операторами: «атрибуцией социально-исторической значимости

классов» и «атрибуцией эпистемологической значимости классов». Первая атрибуция, как пишет Макеев, «наиболее полно осуществлена в «Манифесте Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса и представляла собой позитивное обоснование материалистического понимания истории: развернутое во времени прогрессивное преобразование социально-экономического устройства общества (сферы производства материальных благ с ее важнейшим разделением по владению собственностью) в результате перманентной борьбы классов за передел собственности» [Макеев, 2006: с. 85–86]. При этом Макеев отмечает: «Вводилось деление на «основные» и «промежуточные» классы, но именно конфликт «основных» определял параметры исторического процесса и скорость распада неосновных классов. И наконец, завершающий историю развития классовых обществ антагонизм между буржуазией и рабочим классом приводит к тому, что исторически последний прогрессивный класс – рабочий класс – одерживая вверх (экспроприируя экспроприаторов), освобождает как себя, так и «промежуточные» классы общества от владения собственностью» [Макеев, 2006: с. 86].

Следует отметить, что позиции Макеева во многом близки вышеизложенным в том или ином варианте схемам, стандартным точкам зрения на творчество Маркса. Однако он и не ставил перед собой цели (как и Симончук) его тщательного и детального анализа, особо в рамках исследуемой в данной работе проблемы, о чем говорит использование им работ Маркса как первоисточников: в основном только «Манифеста». Вместе с тем следует сказать, что в некоторых частях изложенного проявляется и отход Макеева от отмеченных стандартных схем исследования Маркса. В частности, Макеев отмечает, что Маркс писал не только о рабочем классе или в целом только об «основных» классах, но и других классах, и в этом проявляется его некоторая противоречивость и непоследовательность.

Например, в частности, Макеев пишет, с одной стороны, как зафиксировано выше, о «распаде неосновных классов», «освобождении промежуточных классов от владения собственностью» и т. д., то есть об их исчезновении. С другой стороны, Макеев поднимает и актуализирует некую проблему, которую

можно весьма условно назвать «живучестью мелкой буржуазии» или в более широком плане – «**живучестью среднего класса**». Эта проблема является конкретным аспектом анализируемого в данной работе вопроса. Более конкретно: Макеев приводит цитату из работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845), в которой автор утверждает, что безработные, то есть «излишние люди», лица, потерявшие свою наемную работу, в большинстве своем, обзаведясь ручной тележкой, прибегают к мелкой торговле вразнос. Они наперебой предлагают проходящим мимо купить у них всякую и многочисленную мелочь. Собственно, если понимать наличие «резервной армии труда» как необходимость и условие существования капитализма, то метаморфоз безработных в мелких собственников-торговцев, по существу, неустраним в рамках капитализма.

В другой своей работе («Концепция институционально воспроизводимых социальных неравенств») С. Макеев, отметил, что «проблема неравенства принадлежит к разряду «неразрешимых», утверждает: «Рынок в качестве социального института непрерывно генерирует неравенство в вознаграждениях и «заинтересован» в его воспроизводстве в целях поддержания мотивации участия и трудовой активности индивидуальных (люди) и институциональных (организации) участников конкурентной среды» [Макеев, 2011: с. 45]. Государство лишь смягчает и компенсирует складывающееся неравенство в рамках реализуемой им социальной политики. Можно сказать, что «неразрешимость» неравенства есть и одна из причин и одно из следствий «живучести» мелкого собственника.

Другим конкретным аспектом, актуализируемым и поднимаемым С. Макеевым на творчестве Маркса и исследуемым в данной работе, является проблема «театрализации» политики. Он отмечает, что в середине XIX века политика (в ее современном понимании) «пребывает едва ли не в эмбриональном состоянии, как и ее «театрализация». Тем не менее К.Маркс вводит метафору театра первым абзацем «18Б» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» – уточнение автора) – тем самым об истории, которая вначале предстает как трагедия, а второй раз как фарс – что-то лживое и циничное » [Макеев, 2018: с. 16].

Характеризуя работу Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и в целом идеи самого Маркса, Макеев пишет: «Критик политического спектакля оценивает в первую очередь исполнителей ролей, разоблачая их неискренность, ведь актер не тождествен представляемому персонажу, он говорит не от себя, от имени другого, он не таков, как его персонаж, он не тот, кем себя представляет. На страницах «18Б» легко отыскать фиксации расхождений между словом и делом, намерением и действием, целью и избираемыми средствами» (Макеев, 2018: с.17). Далее Макеев продолжает: «У читателя в руках будто экспертиза завершившегося лицедейства, подлинный смысл и содержание которого открылись догадливому и компетентному обозревателю. Ключевая интенция в ней — уличение неподлинности происходящего. Не верьте глазам своим, не верьте тому, что слышите. Все не так, как вам представляют. Взору и слуху является череда персонажей, рядящихся в убранства прежних исторических эпох, с чужого плеча, перенимающих их язык, скрывая или не осознавая свои интересы и желания; персонажей, напомаженных, загримированных, под забралами шлемов и лицевых накладок. Мнимость, фиктивность, фальшивость разыгрывают какой-то свой вариант пьесы, подлежащий скрупулезному разбирательству» [Макеев, 2018: с. 17].

Макеев констатирует и указывает, какие средства и методы фиксируются Марксом в политической деятельности популистов и какими характеристиками они обладают. Ни Макеев, ни тем более Маркс не используют понятие (термин) «популизм», хотя и описывают соответствующий понятию новый для того времени феномен.

Более конкретно, например, Макеев фиксирует отмеченную Марксом взаимосвязь популизма (популизма «сверху», популиста-лидера) с люмпен-пролетариатом. В частности, Макеев пишет: «Однако главным коллективным действующим субъектом и бенефициантом События 2-го декабря 1851 года был, как следует из текста «18Б», пришедший к власти люмпен-пролетариат [18Б, с. 203] — гетерогенная социальная основа режима Луи Бонапарта и, одновременно, морфология и физиология системы учрежденной им государственной власти» [Макеев, 2018: с. 22].

Макеев также отмечает, что в этом произведении Маркса фиксируется различие между его двумя формами: «знатным» («сверху») и «незнатным» («снизу») люмпен-пролетариатом. «Знатный люмпен-пролетариат конституируется в виде чиновничества и превращает в предмет торговли все: места в законодательном органе, знаки отличия, должности в армии и правительстве, железные дороги, прачечные, общественные работы» [Макеев, 2018: с. 24], – пишет Макеев, ссылаясь на Маркса. «Интеграция незнатного люмпен-пролетариата в Общество 10 декабря (дата избрания Луи Бонапарта президентом республики) стало эффективной инновацией в технологии борьбы за власть. В распоряжении лидера должна быть структурированная организация, нечто вроде частной парамилитарной кампании с определенными функциями, дисциплиной, нормами поведения» [Макеев, 2018: с. 24]. Иначе можно сказать, что популизм в таком варианте приобретает реальный или потенциально агрессивный, полукриминальный или вообще криминальный характер.

В заключение своего анализа Макеев пишет: «Напротив сцены зрительный зал, в котором большая часть зрителей увлечена и восхищена некоторыми персонажами. К. Маркса озадачивала безоговорочная победа на выборах Луи Бонапарта — личности авантюрного, нечистоплотного склада. Однако иллюзии, даже искренне принимаемые и культивируемые, в политике имеют трагические последствия. Ведь на исторической сцене все за правду, тут гибнут люди, тут отправляют в тюрьму без суда и следствия, тут приходится спасаться бегством и искать приюта в иных государствах, тут причиняют реальную боль и вызывающе торжествует зло, тут лицедействуют, обманывают и предают. Если и спектакль, то о всамделишной крови, переломанных судьбах, поруганных надеждах, о непрекращающемся насилии, о торжестве хамства, беспринципности, обскурантизма. Главные действующие лица заслуживают одного только презрения» [Макеев, 2018: с. 18].

На базе изложенных точек зрения, как считает Макеев, возможно создание идеального типа одного из вариантов социологии – эстетической, или экспрессивной, общественно пристрастной или критической. Она нацелена на обеспечение получения

и достижение рискованного мышления, идущего навстречу во-
ображению и интуиции. Мышления, которому свойственна «на-
строенность на малозаметное, непохожее, едва различимое», оно
«имеет своим итогом не истину, но в новом освещении представ-
ленные или впервые увиденные частности, неожиданный взгляд,
способный изменить отношение к, казалось бы, очевидному»
[Макеев, 2008: с. 20]. Собственно, это и произошло в работе
Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» при анализе
им театрализации политики, и в частности, политики и режима
Луи Бонапарта, выявлению их характерных черт, свойственных
новому феномену – популизму.

Большое внимание творчеству Маркса уделяет научный со-
трудник (позже старший научный сотрудник) Института соци-
ологии НАН Украины **Андрей Малюк**, он активно использует
многие работы Маркса как первоисточники для своего исследо-
вания. Однако оно протекает у него в несколько ином плане, чем
у автора данной работы.

Во-первых, работы Малюка в большей степени имеют со-
циально-экономический характер с некоторым историческим
«оттенком» и направлены на анализ проблем международной
политической экономии и политической экономии вообще.
В частности, используя и опираясь на закон Маркса о тенденции
средней нормы прибыли к понижению, он пишет об экономиче-
ских, циклических, структурных (включая структурные кризисы
«по Марксу»), системных кризисах капитализма, о долгосроч-
ной экономической конъюнктуре и современном глобальном
кризисе. Более конкретно Малюк пишет: «В Марксовом насле-
дии имеются важные указания на то, что ключевым механизмом,
генерирующим кризисные структурные тенденции капитализма,
является действие выявленного К. Марксом закона тенденции
средней нормы прибыли к понижению. Сам Маркс рассматривал
его как наиболее важный закон современной **политической эконо-
мии** (выделено авторами)» [Малюк, 2012: с. 45].

Во-вторых, Малюк исследует не только проблемы геоэконо-
мики, но и геополитики, мирового порядка. В частности, он пи-
шет о «сигнальном», «терминальном» кризисах гегемонии. Более
детально Малюк исследует, как он считает, идеи Маркса относи-

тельно проблем глобализации, формирования всемирно-исторических отношений и возникновения империализма. В частности, он пишет: «что Маркс заложил основы концепции империализма, неравномерного развития и деления мировой капиталистической системы на империалистические и зависимые страны». [Малюк, 2019: с. 33]. В другой своей работе Малюк утверждает: «Можно сказать, что Марксова теория всемирно-исторического процесса содержит в себе концепцию глобализации, поскольку Маркс отмечает расширение, по мере исторического развития, человеческого общения до масштабов мирового, что составляет основу всемирной истории» [Малюк, 2018: с. 165]. Однако эти проблемы не относятся к исследуемым автором данной работы, то есть интерес у Малюка вызывают в основном проблемы, не относящиеся к объекту и предмету данного исследования.

Вместе с тем Малюк в разных своих статьях в той или иной степени поднимает ряд вопросов прямо или опосредованно затрагивающих исследуемую тему. Во-первых, Малюк вслед за Марксом указывает на некоторые средства и методы, при помощи которых капиталистические классы пытаются выйти из разного рода кризисов. В частности, он пишет: «Как неоднократно отмечал Маркс, кредитная система – это то средство, с помощью которого капитал стремится преодолеть пределы (и кризисы в том числе – уточнение авторов), достигнутые его развитием. Она способствует ускорению развития материальных производительных сил и созданию мирового рынка, но вместе с тем интенсифицирует противоречия системы, делая их взрыв в форме кризисов более разрушительным» [Малюк, 2013в: с. 103]. Далее он отмечает, что перемещение промышленной мастерской мира в менее развитые страны с дешевой рабочей силой «не смогло преодолеть стагнации МКХ (мирового капиталистического хозяйства – уточнение авторов). Отличительным признаком данной фазы развития МКС (мировой капиталистической системы – уточнение авторов) является беспрецедентная финансовая экспансия и накопление **фиктивного капитала** (выделено авторами), которое Маркс противопоставлял действительному накоплению капитала, то есть воспроизводству в расширенном масштабе производительного капитала» [Малюк, 2013в: с. 108]. При этом он

уточняет: «Кризис-трансформация режима накопления охватил всю капиталистическую систему и породил целый ряд новых финансовых институтов и огромную массу новых финансовых инструментов» [Малюк, 2013в: с. 103], среди которых фьючеры, деривативы, хеджированные фонды и т. д., как следствие устанавливается режим финансово-спекулятивного накопления. В этих условиях, как утверждает Малюк, «мировая капиталистическая экономика стала напоминать пирамиду, перевернутую основанием вверх. В ней масса фиктивного капитала, представляющего собой претензию на доход, источником которого в конечном итоге является прибавочная стоимость, многократно превосходит возможности производительного капитала извлечь эту прибавочную стоимость из эксплуатации живого труда. Никогда ранее в истории капитализма не накапливалась такая спекулятивная масса, будь то в абсолютных величинах или в отношении к мировому ВВП. В результате капитализм окончательно приобрел паразитический характер» [Малюк, 2013в: с. 104]. Такую форму накопления Д. Харви назвал «изымающей» или «обездоливающей». «Если накопление на основе расширенного воспроизводства происходит посредством присвоения вновь созданной стоимости, то обездоливающее накопление строится на изъятии уже созданной стоимости, не только прибавочного, но и необходимого продукта и доходит до изъятия у непосредственных производителей необходимых средств существования» [Малюк, 2013в: с. 111].

С другой стороны, фиктивный капитал и его паразитизм формируются посредством его акционерной формы. Малюк, ссылаясь на третий том «Капитала» Маркса, пишет: «Ибо акционерная форма капитала воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов... воспроизводит целую систему **мошенничества и обмана** (выделено авторами) в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это частное производство без контроля частной собственности [Маркс, 1961: с. 481–482]» [Малюк, 2019: с. 49].

В этом плане Малюк в иной форме солидаризуется, если не повторяет отмеченные идеи Макеева, о взаимосвязи финансовых спекулянтов со знатным люмпен-пролетариатом.

Во-вторых, Малюк во многих своих работах неоднократно пишет о различных изменениях, произошедших в существующем обществе на Западе. Например, он отмечает, ссылаясь на западных социологов, что «в ядре МКС (мировой капиталистической системы – уточнение автора) возникла новая форма государства – государство всеобщего благосостояния» [Малюк, 2013а: с. 30]. Это стало в значительной степени «результатом изменения социально-классовой стратегии господства буржуазии, выразившегося в возникновении в государствах ядра исторического социально-классового компромисса, иногда называемого кейнсианским компромиссом» [Малюк, 2013а: с. 30]. Такая изменившаяся политика буржуазии позволила «кооптировать рабочий класс государств ядра в новый гегемонистский блок и расширить социальные основания гегемонии правящих классов» [Малюк, 2013а: с. 30].

Обобщая эти высказывания Малюка, хотя и ссылающегося на западные источники, можно прийти к выводу, что он (как и западные социологи), собственно, поднимает вопрос о субъекте социальных изменений (вопрос Бека?), «ищет» его. И в этом плане, что весьма важно, у него происходит некое смещение в использовании терминологии, в применении его понятийного аппарата: он часто или даже преимущественно пишет не о «рабочем классе», а о «трудящихся классах» [Малюк, 2012: с. 28, 29, 30; 2013в: с. 97, 101, 110, 117 и т. д.]. В статье «Смена социально-классовой стратегии правящих и господствующих групп Запада в условиях структурного кризиса капитализма» (2013) Малюк упоминает об «антисистемных движениях», часто понимаемых в настоящий момент как «движения популистов» или «популистские движения». В частности, он пишет: «В новых исторических условиях верхушка капиталистических классов и правящие круги стран Запада вынуждены были искать контуры структурного ответа на **вызовы капитализму со стороны антисистемных движений** (выделено авторами)» [Малюк, 2013б: с. 39]. А на странице 46 он утверждает, что подъем современных «антисистемных движений рассматривается как центральная проблема капиталистических элит» [Малюк, 2013б: с. 46].

В более широком плане – Малюк рассматривает значимость и роль демократических движений вообще, а также и самой демократии. Например, он интерпретирует доклад Трехсторонней комиссии «Кризис демократии», подготовленный в 1975 году С. Хантингтоном, М. Крозье и Д. Ватануки. В частности, он пишет: «По мнению авторов доклада, создание государства всеобщего благосостояния привело к появлению новой враждебной капитализму системы социальных ценностей и «страты ценностно-ориентированных интеллектуалов», критически настроенных к существующему общественному порядку. Их доминирующим ощущением было отвращение к коррупции, материализму, неэффективности демократии и подчинению демократического управления монополистическому капитализму» [Малюк, 2013б: с. 42]. Далее Малюк продолжает: «Эти процессы, выразившиеся в демократическом подъеме массовых движений в 1960-х, подрывали легитимность официальных институтов власти индустриально развитых капиталистических стран и их способность мобилизовывать граждан, навязывать им дисциплину и требовать от них жертв для достижения социальных и политических целей властвующей элиты» [Малюк, 2013б: с. 42].

Следует отметить, что в той или иной форме и степени интенсивности, но в новых условиях (не было государства всеобщего благосостояния), указанные процессы в капиталистических обществах протекали постоянно, а критически настроенные (но разные) интеллектуалы существовали всегда и, вероятно, везде. Об этом и писал Маркс на конкретном материале Франции и отчасти Германии периода 1848–1851 годов.

Отмеченные процессы (подрыв легитимности и т. д.) и являются одними из причин появления популизма как движения трудящихся классов. Как пишет Малюк, «в этом докладе, высказывая пессимизм относительно перспектив сохранения существующей в странах центра мирового капитализма системы политического управления и «экономических условий», М. Крозье, С. Хантингтон и Дж. Ватануки выделили ряд угроз «западной демократии». Среди последних особое внимание они сосредоточили на тех угрозах, которые исходили изнутри социальной структуры западных обществ и были рождены самим процессом

их социальной эволюции» [Малюк, 2013б: с. 42].

Позже, как пишет сам Хантингтон, «11 февраля 1976 г. по просьбе руководителей ЦРУ я сделал для аналитиков управления доклад на тему «Глобальный упадок демократии». Нужно сказать, что у меня имелись весьма убедительные теории, объясняющие всю глубину и серьезность данного явления» [Хантингтон, 2003: с. 341]. Еще позже подобного рода идеи, но на ограниченном материале, реализуя усеченные цели и задачи, он изложит в монографии «Третья волна. Демократизация в конце XX века», опубликованной в 1991 году. В которой, в частности, он отметит: «Аргентина и Перу во второй половине 1950-х гг. вернулись к ограниченной демократии, правда, очень нестабильной из-за конфликта между военными кругами и популистскими движениями апристов и перонистов» [Хантингтон, 2003: с. 29]. Собственно, этим самым Хантингтон фиксирует взаимосвязь и взаимозависимость демократии, особо кризиса демократии, и популизма.

Эту взаимосвязь, не употребляя термин «популизм», отмечает и Малюк. Следует лишь отметить, что он (как и Хантингтон) для анализа и обоснования своих идей по этому вопросу использовал работы Маркса, хотя, как будет показано ниже, Маркс, собственно и по существу, и писал именно об этом. Например, как пишет Малюк, «согласно докладу, собственно функционирование и развитие демократии и породили силы (по Марксу, конкретно, «красных», «красную» партию и т. д.) и тенденции, которые, если их не взять под контроль извне, в конечном итоге вполне могут привести к разрушению политической системы западных обществ (по Марксу, утверждение диктатуры, во Франции – Луи Бонапарта). В этом контексте кризис демократии означал нежелательные для правящего класса тенденции в общественно-политическом развитии западных стран, которые угрожали его господствующему положению (по Марксу, выборы нового президента во Франции в мае 1852 года). Это четко видно из того, что под кризисом демократии понимались именно кризис управляемости западных обществ (по Марксу, во Франции – республика с социальными учреждениями, кризисы в Национальном собрании Франции и т. д.), кризис существующей системы социального контроля и политического управления. Как от-

мечали авторы доклада, «в последние годы функционирование демократии... привело к разрушению традиционных средств социального контроля, делегитимации политической и другой формы власти, а также к перегрузке правительства требованиями, которые превышали его способность реагировать на них (по Марксу: возвращение крестьянам уплаченного легитимистам миллиарда, провести выборы в мае 1852 года и т. д.)» [Малюк, 2013б: с. 43]. Кроме того, «с точки зрения авторов доклада, демократические требования, предъявляемые государству, стали непосильным бременем (проблема кредитов и банкротства, «полюбовные соглашения» между кредитором и должником), подрывающим способность государства эффективно решать проблемы. Вследствие этого авторы доклада рекомендовали «восстановить равноправные взаимоотношения между властью правительства и контролем народа (то есть *populus*). Таким образом, западные эксперты фактически признали, что вследствие вынужденного применения реформистской стратегии в государствах центра капитализма возникла новая историческая ситуация, противоречащая интересам сохранения капитализма как общественной системы. Отсюда логически вытекал вывод, что дальнейшее существование капитализма является несовместимым с углублением социальных реформ и демократии и требует сокращения последней (по Марксу, отмены выборов)» [Малюк, 2013в: с. 43].

В результате отмеченного и, как пишет Малюк, «вследствие этого, по словам доклада, ранее пассивные и неорганизованные группы населения (по Марксу – крестьяне) стали вести борьбу за такие права, возможности, позиции в обществе, вознаграждения и привилегии, на которые раньше не могли претендовать, что усиливало социально-политическую неуправляемость западных обществ» [Малюк, 2013б: с. 43].

Следует, правда, отметить, что Маркс писал вышеотмеченное для периода революции и в период революции 1848–1851 годов. Хотя Хантингтон со своими соавторами писали также в 1975, после событий 1968 года, которые Валлерстайн неоднократно определял как «всемирную революцию» [Валлерстайн, 2003: с. 20, 39, 57 и т. д.] или, по крайней мере, как они сами

утверждают, в период появления угроз капитализму, роста демократических движений. Фиксируемое Марксом также имеет конкретный и даже ситуативный характер, идеи авторов доклада – 1975 представлены в более обобщенной и абстрактной форме, сформулированной на базе значительного эмпирического материала многочисленных событий.

Завершая анализ доклада – 1975, Малюк пишет: «Можно сделать вывод, что доклад четко определил угрозы существованию капитализму и положению господствующей элиты, происходившие от расширения политического участия и социально-экономических прав низших слоев общества, сопровождавшего развитие государства общего благосостояния. В конце концов эти «крайности демократии» начали создавать опасность для существующей системы правления» [Малюк, 2013б: с. 44]. Собственно, Малюк выявляет некоторые причины формирования популизма как нового социального феномена, возникающего лишь в условиях современной западной демократии, в частности, проведения массовых, свободных и равных, всеобщих выборов. Однако он не фиксирует, по существу, ни содержания популизма, ни его атрибутов, ни других его характеристик, и даже не пользуется самим термином «популизм». Но, следует отметить, он (как и Симончук, Макеев) и не имел такой цели.

Среди этих причин Малюк указывает на возникновение «неуправляемости» демократии в условиях роста «политического участия». Кроме того, он указывает на рост размеров «дискреционного дохода», то есть дохода, превышающего затраты на удовлетворение базовых потребностей», что «позволяет избирать собственный потребительский стиль», а также возможности получения и расширения высшего образования, а в целом – благоприятной социальной атмосферы для «дискреционного социального поведения» [Малюк, 2013б: с. 41]. Иначе: происходит рост увеличения свободы, самостоятельности, независимости, самодостаточности и т. д. каждой личности. Или еще иначе, как пишет Малюк, «в рамках описанного типа поведения идиосинкратические аспекты жизни личности (уникальные личные качества, особенности телосложения, своеобразие жизненного опыта) становятся более важными для формирования ее жизненного

стиля, чем принадлежность к определенному социальному слою или классу» [Малюк, 2013б: с. 41].

Следует еще раз подчеркнуть, что, по существу, почти все изложенное выше (за исключением относящегося к личности) в несколько иной форме было уже зафиксировано Марксом, который не использовал еще привычных для современности терминов «популизм», «неуправляемость демократии» и т. д.

В некотором локальном контексте к анализируемому в данной работе аспекту творчества Маркса обращались и иные украинские социологи, например, О. Куценко, В. Степаненко и т. д. Степаненко, в частности, также «ищет» современный субъект социального действия, стремящийся изменить существующее. В этом плане он обращается к анализу «проблематики гражданского общества в немецкой философской традиции, которая ассоциируется, в частности, с творческим наследием Г. В. Ф. Гегеля и интерпретацией этой темы К. Марксом» [Степаненко, 2015: с. 80]. Степаненко отмечает: «Маркс переворачивает с ног на голову гегелевскую схему «от государства к гражданскому обществу», считая, что «в действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства, именно они действительно деятельны...» [Степаненко, 2015: с. 87]. Этим он указывает на мысль Маркса из его работы «К критике гегелевской философии права. Введение» о роли и значении гражданского общества в преобразовании реальности. В более широком плане, оценивая творчество Маркса, в своей статье «Карл Маркс как социолог: к 200-летию со дня рождения классика» Степаненко писал: «Для отечественной социологии преодоление болезненного комплекса “отчуждения от Маркса” во многом происходит и через диалогическое взаимодействие, а также теоретические рецепции основных тенденций развития мирового социологического знания. В нем теоретическое наследие Маркса, актуализированное современным развитием многочисленных нео-и пост-марксистских концептуальных подходов, по-прежнему занимает свое заслуженное и признанное место в поле “центральности” социологической классики» [Степаненко, 2018: с. 10].

2. СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 1848–1851 ГОДОВ ВО ФРАНЦИИ

Следует сразу отметить, что термин «красный» используется автором не в современном смысле как символ социализма или коммунизма и связанных с ними институтов и организаций, например, КПСС, СССР, Красная (Советская) Армия и т. д., а в смысле, который в основном придавал ему Маркс (как и многие его современники) в XIX веке – в смысле мелкобуржуазной радикальной демократической революционности. В своих работах Маркс пишет о «красной партии», «партии красной республики», о «красной республике» как диктатуре союзников пролетариата, о «красных республиканцах» и т. д. Однако он не использует термин «красный путь», его вводит автор данной работы, продолжая и развивая логику Маркса.

Маркс также не использует термин «популизм» и производные от него, но пишет о непролетарских политических силах трудящихся классов, стремящихся изменить существующее общество в своих интересах или в интересах «народа», как они его воспринимали и понимали.

В этом плане сразу же выкристаллизовывается проблема работы: что такое «красный путь» в понимании Маркса, каковы движущие силы, ориентирующиеся на него, являющиеся его сторонниками, каковы их цели и задачи, каковы возможные формы данного пути, его причины и условия, возможные механизмы развития и т. д.?

Уже исходя из этого, можно сказать: объектом исследования является теория революции Маркса, точнее ее положения, изложенные им в работах, посвященных революции 1848–1850 годов во Франции. Предметом – возможные и осуществляемые социальные преобразования в существовавшем (капиталистическом) обществе разнообразными мозаичными силами, находящимися на антикапиталистических позициях непролетарскими трудящи-

мися классами (без союза с пролетариатом или в его рамках, но без доминирования последнего), не имеющими своим установленным и устоявшимся идеалом социализм или коммунизм, а стремящиеся к созданию «красной» социально-демократической республики.

В своих предшествующих работах о Марксе [Казаков, 2015; Казаков, 2018] один из авторов уже приводил доводы о необходимости более глубокого и нового его прочтения и понимания. К уже приведенным ранее, вероятно, среди многих иных, следует добавить, условно названную им, «проблему призрака» или в более широком плане – «проблему Манифеста» («Манифеста Коммунистической партии»).

Ее, например, в определенном плане поднимает «известный политолог и общественный деятель левого толка» России Борис Кагарлицкий в своей книге «Политология революции» (2007). В частности, интерпретируя «нашумевшую книгу» Жака Дерриды «Призраки Маркса» (1994), он пишет: «Несмотря на все усилия профессиональных заклинателей, «призрак коммунизма» не уходит. В 1848 году призрак коммунизма был страшен тем, что представлял не прошлое, а возможное будущее. На рубеже XX и XXI веков противники марксизма постоянно подчеркивают, что этот призрак принадлежит именно прошлому, и в то же время страшно боятся его возвращения в будущем, доказывая, что «нельзя допустить его реинкарнации» (ссылка Кагарлицкого на работу Дерриды «Specters of Marx» – уточнение автора)» [Кагарлицкий, 2007: с. 99].

В противоположность точке зрения о смерти «призрака коммунизма» можно предложить иную: «призрак» умер, коммунизм – остался. Призрак превратился в объективную реальность и продолжает жить. Можно сказать, что «Манифест» в этом плане сразу же после его издания в феврале 1848 года устарел. В европейских революциях, начавшихся в феврале 1848 года, одной из основных их движущих сил стал пролетариат, на что и указал Маркс в своих работах, посвященных этим революциям, особо в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850) и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852). Этот эмпирический факт, о роли пролетариата, превращения его в одну из

основных движущих сил истории, был широко осознан и понят после Парижской коммуны и издания работы Маркса «Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» (1871). Именно с этих моментов времени и изложенных фактов началась все возрастающая популярность Маркса и его мировое признание как гениального ученого, философа, социолога и экономиста, а марксизм и коммунизм превратились в доминирующие учения XIX и XX веков.

Следует отметить, что в научной литературе часто не фиксируется качественное отличие революции 1848 года во Франции от других европейских революций периода 1848–1850 годов. Несколько схематизируя, можно сказать, что во Франции это была третья буржуазная революция, а во многих других странах лишь первая буржуазная революция. Как следствие, революция 1848 года во Франции была направлена против буржуазной монархии Луи Филиппа, а в других странах – против феодальных и полуфеодальных политических режимов. Более конкретно: во Франции классовый конфликт между капиталистами и наемными работниками, если еще и не стал в это время основным или доминирующим, то приобретал все большую актуализацию и в отдельные моменты революции становился главным (июньское 1848 года восстание в Париже). Как утверждается в монографии «История марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XX века – 1871 г.» (1986), изданной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, «само употребление Марксом (например, в статье «Июньская революция» – уточнение авторов) и Энгельсом понятия «революция» применительно к парижскому восстанию говорит об их желании подчеркнуть величие этого события» [История... 1986: с. 312]. В других странах революции имели иные цели и задачи. В Германии и Италии, например, это – преодоление феодальной политической раздробленности и объединение страны, формирование нации, а в еще существовавших в Европе империях – ликвидация национального и полукOLONиального угнетения и достижение национальной независимости. Эта качественная особенность революции 1848 года во Франции обуславливает актуальность и значимость ее анализа, особенно

по материалам ее современника и исследователя Карла Маркса в рамках его теории революции и возникших в ней проблем.

Иначе, можно сказать, что в революциях во Франции всегда наиболее ярко проявлялись общие социально-политические тенденции времени, поэтому они и оказались в центре внимания Маркса.

Работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» является серией отдельных, последовательных статей, предназначенных для журнала «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение» («*Neue Rheinsche Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*»), который стал издаваться с марта 1850 года. Редактировался он в Лондоне, а печатался в Гамбурге. «Помимо Европы журнал предполагалось распространять в США; поэтому Нью-Йорк также значился в качестве места издания» [История... 1986: с. 340]. Первоначально планировались четыре статьи, первые три из них были опубликованы в журнале (№ 1, 2, 3), четвертая частями вошла в опубликованный материал. В 1895 году, когда «Классовая борьба во Франции» была выпущена отдельным изданием, Ф. Энгельс включил в нее дополнительную четвертую главу (статью) «Отмена всеобщего избирательного права в 1850 г.», сформированную им на базе опубликованных в этом журнале в 1850 году материалов, но написанных им совместно с Марксом. То есть три первых главы данной работы написаны самим Марксом, а четвертая – совместная работа Маркса и Энгельса.

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт» также планировалась как серия отдельных, последовательных статей для публикации в издаваемом в США И. Вейдемейером журнале «*Die Revolution*» («Революция»), но из-за финансовых проблем он закрылся. Однако Вейдемейеру удалось издать работу отдельной книгой (томом) в форме первого, единственного неперiodического журнала «*Revolution*», кроме того, Вейдемейер изменил название произведения. Второе его издание, под редакцией Маркса, вышло в 1869 году, а третье – в 1885 под редакцией Ф. Энгельса.

Можно сказать, что как по форме, целям и задачам, содержанию, а также последовательности изложения, анализа произошедших линейных событий обе эти работы во многом пересекаются

и представляют собой некое целое и, вероятно, должны исследоваться совместно. Произведения состоят из последовательных статей, имеющих общий, единый объект исследования – революцию во Франции в период 1848–1850 годов. Их трансформация в два отдельных самостоятельных произведения произошла в силу многочисленных обстоятельств. Например, «Классовая борьба во Франции» готовилась, редактировалась и издавалась отдельными частями в Европе, а «Восемнадцатое брюмера» издана в целом отдельной книгой в США. Вероятно, можно сказать, что в отдельные книги статьи в первом случае скомпоновал в 1895 году Ф. Энгельс, а во втором случае, в 1852 году», – Вейдемейер по предложению Маркса.

Социально-классовая структура французского общества

В третьем томе «Капитала» («Процесс капиталистического производства, взятый в целом») под редакцией Ф. Энгельса утверждается, что «наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства» [Маркс, 1988: с. 415].

Данное положение является лишь допущением, неким предположением для конструирования идеального типа социально-классовой структуры капиталистического общества, являющегося лишь средством его исследования. В реальной и конкретно-исторической действительности структура общества во многом сложнее, а «строгие границы между классами» весьма подвижны и «затемнены», особенно «средними и переходными ступенями» (социальными слоями, группами и даже классами).

Данные положения обосновываются Марксом конкретно-историческим анализом социально-классовой структуры французского общества периода революции 1848–1851 годов. С его точки зрения в него входил ряд классов, которые сами состояли из разных, качественно отличающихся между собой, социальных групп или подклассов. Ввиду ограниченности объема работы авторы не будут исследовать анализ Марксом всей социально-клас-

совой структуры французского общества периода революции, а рассмотрят лишь некоторые основные классы.

Крестьянство. Оно как класс капиталистического общества, как специфическая часть мелкой буржуазии, как собственник, возникло во Франции в 1789 году – основная «французская народная масса» или «громадное большинство французского народа», являющееся лишь «номинальным собственником». Более конкретно Маркс писал: «Сельское население, больше двух третей всего французского населения, состоит главным образом из так называемых свободных *земельных собственников*» [Маркс, 1956: с. 84]. Эти собственники – парцельные крестьяне. Они составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг с другом. Их способ производства изолирует отдельного крестьянина (и его семью) от «иных», вместо того, чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще более усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. «Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а, следовательно, и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образуют деревню, а кучка деревень – департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем» [Маркс, 1957: с. 207–208].

В силу указанных обстоятельств парцельные крестьяне неспособны от своего собственного имени защищать свои классовые интересы, они не могут представлять их в институтах власти и их артикулируют другие акторы, становящиеся «господином крестьянина», неограниченным для них авторитетом и неогра-

ниченной властью. «Политическое влияние parcelного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество» [Маркс, 1957: с. 208], – делает вывод Маркс на основе вышеприведенного материала.

Parcelное крестьянство – консервативное крестьянство, желающее укрепить parcelлу, оно «тупо замыкается», считает, что город наложил оковы на деревню, ждет от старого порядка и призрака империи спасения себя и своей parcelлы, а также особого своего привилегированного положения. Это крестьянство суеверно, чтит традиции, привержено империи, имеет много предрассудков и иллюзий, в частности – мифическую веру в то, что человек по имени Наполеон «возвратит им утраченные блага». Более конкретно: все указанное выше проявилось в том, что «большинство их (крестьян – уточнение авторов) еще было до такой степени сбито с толку, что как раз **в самых красных** (выделено авторами) департаментах крестьянское население открыто голосовало за Бонапарта (на президентских выборах 10 декабря 1848 года – уточнение авторов)» [Маркс, 1957: с. 209]. В целом за него проголосовало шесть миллионов человек, за Кавеньяка – один миллион. Эти выборы «представляли *реакцию крестьян*, которым пришлось нести издержки февральской революции, против других классов нации, – *реакцию деревни против города*» [Маркс, 1957: с. 136].

Вместе с тем во Франции в этот период существовало и иное, «новое» или, как пишет Маркс, «революционизирующее» крестьянство. Крестьянство, которое стремилось вырваться из социальных условий своего существования, определяемых parcelлой, которое стремилось присоединиться к городу (включиться в сферу товарно-денежных отношений, в рынок) и «**силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок** (выделено авторами)» [Маркс, 1957: с. 208–209]. Это весьма важная точка зрения, особенно в рамках данного исследования, так как Маркс пишет, по существу, о том, что некоторая часть французского крестьянства в этот период исторического времени стремилась и намеревалась изменить существующее общество, собственно, **самостоятельно, без помощи пролетариата** или иных

других классов. Маркс фиксирует данную ситуацию, констатирует ее, пишет о ее реальном существовании.

Более конкретно, революционизирующееся крестьянство освобождалось от «наполеоновской иллюзии», усваивало новые идеи, занимало самостоятельную позицию по отношению к правительственной деятельности, оно выходило как актер на политическую арену и начинало самостоятельную политическую деятельность.

Однако в целом Франция, несмотря на начавшийся промышленный переворот, продолжала оставаться крестьянской страной. «Так, в 1826 г. из 31 850 тыс. французов 22 250 тыс. – сельские жители. В условиях роста капитализма в деревне крестьянская парцелла мельчала, часть крестьян пауперизировалась и пролетаризировалась. Однако, даже сделавшись полунищими, они цепко держались за собственный или арендуемый (пусть ничтожный по величине) клочок земли. Работа в промышленности являлась для обедневших землевладельцев всего-навсего отхожим промыслом. Главная цель жизни сельского бедняка, десятки лет отказывавшего себе в самом необходимом, заключалась в том, чтобы купить землю» [Международное рабочее..., 1976: с. 138].

В настоящий момент, утверждает Маркс, крестьянство живет в рабстве и нищете, 16 миллионов из них «живут в берлогах», большая часть которых имеет лишь одно окно, а пять миллионов из них находятся на краю гибели. Причина оскудения крестьянства – парцелла, раздробление землевладения.

С другой стороны, крестьянство подвергалось жестокой эксплуатации, но их эксплуатация в капиталистическом обществе отличалась от эксплуатации рабочих лишь по форме, оба этих класса эксплуатировались капиталом. Конкретный капиталист эксплуатирует крестьян посредством ипотек и ростовщичества, а класс капиталистов – посредством государственных налогов. Как пишет Маркс, «в течение XIX века место феодала занял городской ростовщик, место тяготивших на земле феодальных повинностей заняли ипотечки, место аристократической земельной собственности занял буржуазный капитал. Парцелла крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому

земледельцу вырывать, как ему угодно, свою заработную плату (то есть она не является гарантированной – уточнение авторов)» [Маркс, 1957: с. 210–211].

Отношение крестьян к революции 1848 года было противоречивым. С одной стороны, они «составили главную армию контрреволюции», а после событий июня 1848 в Париже провинцию охватил «разнузданный собственнический фанатизм крестьян» против рабочего класса. Такая их позиция была обусловлена многими обстоятельствами, о некоторых из них речь уже шла, но среди них есть и более конкретные, которые прямо провоцировали крестьян на антиреволюционное поведение и конкретные антиреволюционные действия.

Например, временное правительство, сформированное после февраля 1848 года, «все больше сгибалось под тяжестью растущего дефицита» и было вынуждено вводить новые налоги. Облагать ими буржуазию оно не могло и не хотело из-за своего классового характера, поэтому основным объектом дополнительных налогов (45 сантимов на каждый франк) стал крестьянин. Как писал Маркс, дополнительный налог «пал прежде всего на *крестьянство*, т. е. на огромное большинство французского народа. *Крестьянам пришлось нести издержки февральской революции*, – и они составили главную армию контрреволюции. Налог в 45 сантимов был жизненным вопросом для французского крестьянина, который, в свою очередь, сделал его вопросом жизни и смерти для республики. С этого момента в глазах французского крестьянина *республику олицетворял налог в 45 сантимов*, а парижский пролетариат представлялся ему расточителем, который благоденствовал за его счет» [Маркс, 1956: с. 22].

Вместе с тем, с другой стороны, несмотря на многие указанные качества крестьянства, оно в силу своей многочисленности представляло собой грозную, мощную и реальную силу, поэтому с ним «заигрывали» многие акторы, как коллективные, так и индивидуальные. Кавеньяк, например, в середине ноября 1848 года отправил военный флот в Италию с целью защиты папы. «Папа должен был дать свое благословение «добропорядочной» республике и обеспечить избрание Кавеньяка в президенты. Вместе с папой Кавеньяк хотел поймать на удочку попов, вместе с попа-

ми – крестьян, а с крестьянами – президентство» [Маркс, 1956: с. 55], – пишет Маркс.

Сила крестьянства проявилась и реализовалась в день выборов президента Франции. «10 декабря 1848 г. было днем *крестьянского восстания*. Лишь с этого дня начался февраль (февраль 1848, начало революции во Франции – уточнение авторов) для французских крестьян. Символ (речь идет о Луи Бонапарте – уточнение авторов), выразивший **их вступление в революционное движение** (выделено авторами), неуклюже-лукавый, плутовато-наивный, несуразно-возвышенный, расчетливое суеверие, патетический фарс, гениально-нелепый анахронизм, озорная шутка всемирной истории, непонятный иероглиф для цивилизационного ума, – этот символ явно носил печать того класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика заявляла ему о своем существовании фигурой *сборщика налогов*, он заявил ей о своем существовании фигурой *императора*. Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе исчерпывающее выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса. Написав его имя на фронте республики, крестьянство этим самым объявляло войну иностранным государствам и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеон был для крестьян не лично-стью, а программой» [Маркс, 1956: с. 42–43] .

Мелкая буржуазия. Это содержатели кафе и ресторанов, владельцы винных погребов, мелкие коммерсанты, лавочники, собственники мелких мастерских и иные представители самостоятельного населения. Как и крестьяне, данные акторы также были лишь номинальными собственниками, их важнейшим атрибутивным качеством являлась зависимость от кредита.

Дома, в которых жила мелкая буржуазия, как правило, не являлись их собственностью, как и лавки, в которых они торговали, товары, которые они сбывали тоже не являлись их собственностью. Оптовый торговец отпускал им сырье или товары для продажи в кредит (как и фабрикант), банкир или капиталист ссудили их наличными и учитывали их векселя. Мелкая буржуазия в таких условиях существовала постоянно в ситуации возможного банкротства, ее представителей как несостоятельного должника

могли выгнать из его жилища, отдать его иллюзорное имущество капиталу, бросить его в долговую тюрьму и т. д.

Крестьянство и мелкая буржуазия – совместно это «масса нации», стоящая между пролетариатом и буржуазией, это – «подавляющая масса», в которой «исчезает» пролетариат в стране, и в провинции (за исключением Парижа). Эта масса, будучи далекой от революционного движения, видела «в магнатах собственности естественных защитников своей мелкой собственности», а партия порядка в ней приобретала «даровое вассальное войско».

Пролетариат. В рассматриваемых работах Маркс указывает и доказывает исключительную и решающую роль пролетариата во многих французских революциях, его уже состоявшийся выход на арену мировой истории. Так, с его точки зрения, в июльские дни 1830 года «рабочие завоевали» буржуазную монархию, а в февральские дни 1848 – буржуазную республику. Начавшуюся революцию 1870 года во Франции он называет «революцией парижских рабочих 4 сентября», а ее продолжение с 18 марта 1871 года – «революцией пролетариата».

Во Франции крупнопромышленный пролетариат (черная металлургия, угледобыча и т. д.) стал формироваться в начале XIX века. Например, если в 1811 году в стране существовало лишь одно предприятие металлургической промышленности, на котором работало 230 человек, то в предреволюционный период предприятий такого размера было уже 18, среди них 8 металлургических заводов с числом занятых от 500 до 999 человек. Согласно переписи 1826 года рабочие с семьями (промышленное население) составляли 13% всех жителей. «По данным 1847 г., в промышленных заведениях с числом рабочих свыше десяти было занято более 1 млн человек, а масса всех работников мелких мастерских (подмастерьев, ремесленников) достигала 5 млн человек (вместе с семьями). Доля занятых в промышленности по отношению ко всему населению равнялась 18%» [Международное..., 1976: с. 137]. То есть пролетариат во Франции того периода представлял собой лишь явно выраженное меньшинство населения.

Следует также отметить и низкий уровень урбанизации страны, а значит и концентрации рабочего класса. В предреволюци-

онный период большинство городов Франции имело не более 20 тысяч жителей, и только в трех городах их было более 100 тысяч – Париж, Лион и Марсель.

В стране также существовали целые отрасли экономики, совершенно не затронутые промышленной революцией, и отличающиеся организационно-технической и технологической отсталостью. Это были капиталистические мануфактуры в их первичных формах. На них наряду «с ремесленно-мануфактурным пролетариатом (подмастерья, ученики, поденщики и поденщицы – подсобные рабочие, трудившиеся в небольших ткацких, красильных, аппретурных и других мастерских) здесь продолжал существовать полупролетариат (ткачи-хозяева, имевшие свои мастерские и станки, но обрабатывавшие сырье, получаемое от купцов-мануфактуристов), а также сокращавшаяся постепенно прослойка независимых ткачей, которые, как гласят документы, «работали на свой счет» [Международное..., 1976: с. 123].

Все перечисленные выше социально-классовые группы стали в ходе революции 1848–1850 годов социальной базой «красной» партии, включая работников-собственников домашней промышленности, которых, вероятно, скорее необходимо относить к мелкой буржуазии.

Многие исследователи отмечают ее большую живучесть, гибкость и адаптивность. Так, авторы монографии «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» в ее первом томе (1976) пишут, что «во Франции большой живучестью обладали ремесло и мануфактура. Наряду с пробивавшим дорогу крупным фабричным производством здесь имелось множество небольших ремесленных мастерских и различного типа городских и сельских мануфактур: по данным промышленной статистики, в 40-х гг. рабочих «ремесел и искусств» было 3 800 тыс. человек. Ремесло и мануфактура, равно как и домашняя промышленность, **оставались преобладающими формами промышленной деятельности** (выделено авторами)» [Международное..., 1976: с. 138].

В политической и экономической сферах пролетариат в значительной степени был бесправным. Так, в соответствии с законом Ле Шапелье 1791 года рабочим было запрещено осу-

шествление совместных коллективных действий и создание ими своих организаций для защиты интересов класса. Статья 1781 наполеоновского Гражданского кодекса (1804) предоставляла привилегированные права хозяевам по отношению к рабочим в вопросах получения ими заработной платы.

Рабочие активно выступали против своего угнетения. Первоначально это происходило **совместно** с иными городскими слоями населения, особенно в рамках «продовольственных волнений», которые часто сопровождались схватками с полицией и войсками. Иногда эти гонения приобретали политический оттенок, сопровождаясь лозунгами и криками «Хлеба! Работы!», «Долой Луи-Филиппа!», «Да здравствует республика!», а также пением «Марсельезы».

С начала XIX века активизировались и все более становились популярными стачки как чисто пролетарское средство классовой борьбы. «По данным швейцарского историка Ж. Агэ, между 1830 и 1847 гг. во Франции произошло 382 стачки. Они охватили рабочих 71 профессии в 121 местности. Особенно бурный рост стачечной борьбы наблюдается в 40-х гг.» [Международное..., 1976: с. 197]. Постепенно стачки все более политизировались, особенно в период Июльской монархии. Она была установлена после Июльской революции 1830 года. «Наиболее боевой и грозной силой этой революции выступили рабочие Парижа. Именно их энергичное вмешательство и решило успех «трех славных дней», в течение которых рухнула власть династии Бурбонов. Это было первое в истории нового времени выступление пролетариев, приведшее к смене политического режима» [Международное..., 1976: с. 286].

Другой важной вехой в развитии рабочего движения во Франции и становления пролетариата в стране как полноценного класса, стало восстание рабочих второго по величине промышленного города страны – Лиона в ноябре 1831 года. В нем существовала специфическая организация промышленного производства, сохранившего в значительной степени мануфактурный характер: несколько сот предпринимателей-скупщиков («негоциантов») закупали шелк-сырец и нанимали для его переработки 8 тысяч хозяев небольших мастерских, в которых работало

около 30 тысяч ткачей. Хозяин мастерской, его семья и наемные им работники трудились совместно, совместно они боролись и против «негоцианта». После кризиса 1826 года экономическое положение рабочих значительно ухудшилось, им существенно уменьшили заработную плату, и в 1830 они попытались создать общую кассу с регулярными отчислениями от заработка для взаимопомощи в особо трудные дни, но эта их инициатива провалилась, вызвав острое недовольство. Их недовольство значительно усилилось после издания в марте 1831 года нового фискального закона, а также введения квартирного налога («из окна в двери»). В октябре 1831 года рабочие избрали комиссию, направившую письмо-просьбу местному префекту выступить судьей в их конфликте с «негоциантами». 25 октября состоялось совместное заседание представителей рабочих и «негоциантов» под председательством префекта, на котором был утвержден повышенный тариф оплаты труда, предложенный рабочими. «Негоцианты» отказались его соблюдать, что вызвало негодование среди рабочих.

20 ноября 1831 года возмущенные рабочие, прекратив работу, собрались на площади в предместье города, а на другой день (21 ноября) двинулись в центр города, в них стала стрелять Национальная гвардия, в ответ полетели камни. Рабочие стали возводить баррикады, захватили оружейные магазины, подняли черное знамя с надписью: «Жить, работая, или умереть, сражаясь!». С 21 по 23 ноября в городе шли ожесточенные бои между рабочими и армией, которая использовала пушки, но в итоге войска «покинули Лион, и он оказался во власти восставших. Трехдневное сражение в Лионе было кровопролитным: согласно показаниям очевидцев, убитых и раненых было около тысячи человек. По донесениям властей, в восстании принимали участие около 30 тыс. человек» [Международное..., 1976: с. 290]. Однако рабочие «не выступили как власть», они не подвергли репрессиям префекта и мера, представителей буржуазии, не прервали связь города с центром. «Такое поведение рабочих во многом определялось примиренческой позицией владельцев мастерских, принявших участие в восстании» [Международное..., 1976: с. 290]. 1 декабря армия сконцентрировала свои подразделения в предместьях города, а 3 декабря она вступила в город,

рабочим предложили сдать оружие, но часть его они спрятали. Правительство не прибегло к массовым и кровавым репрессиям, но многие рабочие были высланы из города.

Народные выступления до этого момента были довольно многочисленны, но ни одно из них «не было посягательством на буржуазные порядки. Рабочие, принимавшие участие в такого рода выступлениях, действовали под политическим руководством имущих классов. Лионское же восстание 1831 года возвестило Европе, что рабочие не желают больше подчиняться порядку, при котором буржуазная собственность полновластно распоряжается их трудом и жизнью, и что **пролетарии способны действовать независимо** (выделено авторами) от всей стоящей над ними социальной иерархии, в том числе и от буржуазных классов» [Международное..., 1976: с. 292].

После восстания в Лионе продолжали действовать организации республиканской ориентации, имеющие мелкобуржуазный характер, например, «Общество прав человека и гражданина», которые развернули широкую пропаганду среди населения. Намерения властей их запретить вызвало протест и ответную реакцию республиканцев, ими был создан их Объединительный комитет. Уже 5 апреля 1834 года произошли первые столкновения его сторонников с полицией, а 9 апреля началось второе лионское восстание лионских рабочих. «На этот раз они сражались под республиканскими лозунгами. С утра республиканцы распространили в городе прокламации с призывом «Свобода, равенство, братство или смерть!». Прокламации звали к борьбе против законопроекта о запрещении союзов» [Международное..., 1976: с. 294].

В городе стали происходить вооруженные столкновения и строиться баррикады, подняв красные знамена, повстанцы шли в бой с лозунгом «Республика или смерть!». Против них армия стала использовать артиллерию, взрывала дома. 15 апреля сопротивление восставших было сломлено более чем 30-тысячной армией.

В эти же дни в ряде французских городов также начались восстания, например, в Гренобле, Сент-Этьене, Арбуа, а 13–14 апреля 1834 года взбунтовался и Париж. Однако ЦК «Общества прав человека и гражданина» не было готово к нему, а его руководители были арестованы, только одна из его секций совместно

с рабочими сражалась с 40-тысячной армией. После ожесточенных двухдневных боев окруженные повстанцы были разгромлены. «Историческое значение восстаний лионских рабочих, вслед за которыми поднялся на борьбу **трудоуой люд** (выделено авторами) в Париже, а также в других городах, трудно переоценить» [Международное..., 1976: с. 295].

12 мая 1839 года в Париже началось очередное восстание под руководством «Общества времен года», большую роль в котором играл О. Бланки. «Бланкисты собирались внезапным ударом захватить ратушу, парижскую префектуру и префектуру департамента Сены. Они **рассчитывали на поддержку народа** (выделено авторами) и подготовили воззвание к парижанам. Бланки тщательно обдумал военно-тактические детали готовящегося восстания (направление движения колонн инсургентов, которые должны были сконцентрироваться в заранее намеченных местах, размещение баррикад, объекты для немедленного захвата – мосты, военные учреждения, министерства, оружейные склады)» [Международное..., 1976: с. 296]. 12 мая в середине дня несколькими колоннами восставшие двинулись в центр города, заняли Дворец правосудия, ратушу, с балкона которой один из их руководителей Барбес «провозгласил состав Временного правительства; «главнокомандующим республиканской армией» был назван Бланки. Прокламация Временного правительства призывала «К оружию!». Однако к повстанцам присоединились только несколько сот человек. К вечеру они были сокрушены частями регулярной армии. Бланки судили в апреле 1840 г. вместе с другими повстанцами. Все они были рабочими, ремесленниками (портные, сапожники, кузнецы, шляпочники и т. д.) или мелкими торговцами. Вождь майского восстания и руководитель политически наиболее активной группы парижских рабочих оставался в заточении до февраля 1848 г., когда его освободила революция» [Международное..., 1976: с. 296–297].

Оценивая рассмотренные события, авторы указанной монографии писали: «Поднявшиеся на борьбу рабочие проявляли стремление к общим, соединенным массовым акциям и не скрывали намерения перестроить общество в интересах трудящихся классов (выделено автором). Они увидели в политической борь-

бе средство для достижения этой цели и потому пошли за «красными» республиканцами» [Международное..., 1976: с. 297].

В этой цитате – пример одного из единственных определенных «красных» по Карлу Марксу как «красных» в советской научной литературе. Кроме того, в ней, по существу, фиксируется в определенный период времени и в определенных условиях гегемония, руководство «красных» рабочим классом, а не наоборот, как правило, происходило в советской литературе. Так же отмечается, что их совместные действия были направлены на перестройку или изменение существующего общества в интересах «**трудящихся классов**», а не пролетариата. Далее авторы добавляют, что в этот период рабочие «пользовались идеями, выдвинутыми деятелями непролетарских освободительных движений» [Международное..., 1976: с. 298], то есть они пока еще не имели собственной идеологии и научной теории и ориентировались и на идеи «красных». Более того, они фиксируют: «Значительная часть рабочих оказывала в то время поддержку мелкобуржуазным республиканцам, которые во главе с А. Ледрю-Ролленом группировались вокруг газеты «Реформ». Они выступали за всеобщее избирательное право и социальные реформы. Некоторые из «реформистов» были социалистами мелкобуржуазного толка» [Международное..., 1976: с. 298].

В февральские дни 1848 года, «заставив временное правительство, а через его посредство всю Францию, принять республику, **пролетариат сразу выступил на первый план как самостоятельная партия** (выделено автором), но в то же время он вызвал на борьбу с собой всю буржуазную Францию. **Он завоевал только почву для борьбы за свое революционное освобождение** (выделено авторами), а отнюдь не само это освобождение» [Маркс, 1956: с. 14], – пишет Маркс.

Несколько иную точку зрения Маркс высказывает ниже, но следует отметить, что приведенная выше (первая) является в большей степени политической, чем научной. Ниже излагаемый подход (второй) в большей степени научный, чем политический. В его рамках, по Марксу, «**развитие промышленного пролетариата обусловлено развитием промышленной буржуазии** (выделено авторами). Лишь при ее господстве приобретает он

широкое национальное существование, способное поднять его революцию до общенациональной, лишь при ее господстве он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобождения. Лишь ее господство вырывает материальные корни феодального общества и выравнивает почву, на которой единственно возможна пролетарская революция» [Маркс, 1956: с. 16–17]. Именно **промышленный пролетариат Маркс называет «новым революционным классом»**.

Иначе, в несколько обобщенном виде, можно сказать, во-первых, пролетариат во Франции имел сложную и многомерную структуру, состоящую из многих социальных групп весьма близких, пересекающихся и даже совпадающими с многими социальными группами класса мелкой буржуазии.

Во-вторых, как отмечают авторы отмеченной монографии, «фабричные рабочие даже в Англии до 30–40 гг. (XIX века – уточнение авторов) являлись меньшинством рабочего класса. Так, в начале 30-х гг. численность ручных ткачей здесь превышала численность всех рабочих и работниц хлопкопрядильных и хлопкоткацких, сукноделательных и шелкоткацких фабрик. В целом же фабричные рабочие вместе с шахтерами и металлургами составляли не более 1/3 английского пролетариата. В других странах численное преобладание ремесленно-мануфактурных рабочих над рабочими крупнокапиталистической промышленности проступает на ранних ступенях промышленной революции еще более резко: к концу 40-х гг. во Франции на крупных и средних предприятиях индустриального типа трудилось около 1 240 тыс. рабочих, тогда как число рабочих в мелких заведениях достигало 5 млн человек (вместе с семьями)» [Международное..., 1976: с. 127–128]. Собственно, во Франции еще не было, по Марксу, «нового революционного класса», промышленного пролетариата.

В-третьих, пролетариат во Франции в целом еще полностью не сформировался, не сложился как «класс в себе».

В-четвертых, рабочий класс значительно уступал по своей массе мелкой буржуазии, «растворялся» в общем феномене «народ», и в этом плане проигрывал бы даже мелкой буржуазии в условиях свободных и конкурентных выборов в стране.

Социально-политическая организация общества в предреволюционный период

После Июльской революции 1830 года, имеющей народный характер, во Франции стали активно и широко возникать различные республиканские организации. Одной из них стало «**Общество друзей народа**», многие из его членов были известны как мелкобуржуазные демократы, а некоторые получили популярность в рабочей среде. Позже член общества Огюст Бланки стал вождем «пролетарской партии» во Франции. Общество было причастно или активно принимало участие в ряде народных выступлений в стране, включая вооруженные: в октябре 1830 года и феврале 1831 года в Париже, а также в парижском восстании 25 июня 1832 года, после которого оно практически распалось.

Однако на базе его «социальных остатков» возникло «**Общество прав человека и гражданина**». В начале 1833 года только в Париже оно насчитывало 4 тысячи членов. Оно придерживалось якобинских принципов и установок, но пыталось найти и решение рабочего вопроса. В целом программа общества «свидетельствовала о его радикальном демократизме». «В одной из брошюр, выпущенных Обществом, выдвигалась идея кооперативных рабочих ассоциаций, владеющих машинами. В его программе предусматривалось всеобщее голосование, сменяемое правительство, свобода общин в сочетании с единством государственного управления, рекрутирование национальной гвардии из всех слоев населения, демократизация кредита, налоги, не отягчающие «бедняка, труд и промышленность», лучшее разделение труда и лучшее распределение, которые должны будут обеспечить «эмансипацию рабочего класса», право союзов. За общереспубликанскими формулами была заметна серьезная озабоченность интересами прежде всего **трудящихся классов** (выделено авторами)» [Международное..., 1976: с. 294].

Несмотря на большое внимание к «рабочему вопросу», отмеченные идеи отражали в основном интересы социальных классов и групп, являющихся базой «красной» партии, особенно идеи о «демократизации кредита», не отягчающих труд и промышленность налогов, забота об интересах всех трудя-

щихся классов. После подавления восстаний 1834 года в Лионе и Париже «Общество прав человека и гражданина» было разгромлено.

Ему на смену в июле 1834 года пришло «**Общество семейств**», в котором ведущую роль стал играть О. Бланки. Выступающие в общество заполняли специальную анкету – «Вопросник». Ответившие считали, что у власти стоят «эксплуататоры», хозяйничающие «по праву силы». «В понятие «народ» Общество включало «совокупность граждан, которые трудятся». Общество выступало от имени «бедных пролетариев» [Международное..., 1976: с. 296]. Кроме того, отвечающие на «Вопросник», считали, что «нужно произвести социальную революцию».

В 1837 году «Общество семейств» трансформировалось в «**Общество времен года**». «В республике, под лозунгом которой выступала новая организация, **каждый трудящийся** (выделено авторами) должен был получить «обеспеченное существование» [Международное..., 1976: с. 296].

В изложенном материале и отражаемой им действительно прослеживается определенная логика. В 1830 году во Франции возникает «Общество друзей народа», просуществовавшее до 1832, как считается, – оно «фактически распалось». На его «остатках» в 1832 году основывается «Общество прав человека и гражданина», которое было разгромлено правительством Франции в 1834. Также на его отдельных элементах в июле 1834 года возникает «Общество семейств», которое в 1837 году преобразуется в «Общество времен года». Все эти организации, сменяя друг друга, были очень близки между собой по своему социально-кадровому составу, руководству, стратегии и тактике, средствам и методам борьбы, а в целом по своему характеру. Иначе: они представляли собой, если не «красные» партии по Марксу, то являлись социально-политическими организациями «красного» типа, прообразами «красной» партии. Значительная часть их состояла из пролетариев или полупролетариев, а также мелких торговцев мелких производителей, ремесленников и иных близких им социальных групп, то есть из «трудового люда», непролетарских трудящихся классов, а в более широком плане – народа. Кроме того, руководили этими организациями в основном

представители мелкобуржуазной революционной демократии, то есть «красные».

Параллельно этому процессу происходил иной, но очень подобный и близкий первому. В 1832 году в Париже из немецких политических эмигрантов, рабочих, ремесленников, мелкобуржуазной интеллигенции был создан «**Немецкий народный союз**», который просуществовал до 1834 года. «В своих документах он обращался к **людям труда** (выделено авторами): крестьянам, мельникам, пекарям, столярам, кожевникам, портным. Союз выдвигал лозунг: «Ни один честный человек не должен есть, если не заработал свой хлеб трудом» [Международное..., 1976: с. 299]. Как отмечает Г. Павленко, это была республиканско-демократическая организация, которая «строилась почти на тех же программных принципах, что и французское «Общество прав человека и гражданина» [Павленко, 1985: с. 35]. В него входило около ста человек.

В мае 1834 года союз был реорганизован в нелегальный и тайный «**Союз отверженных**», который уже объединял несколько сот человек. «Большинство программных положений «Союза отверженных» совпадало с республиканско-демократической программой «Общества прав человека и гражданина» [Павленко, 1985: с. 36]. «В листовке «Символ веры отверженного», выпущенной Союзом, его основными принципами признавались также демократическая республика, **власть народа** (выделено авторами), обеспечение всем гражданам надежных средств к существованию, освобождение бедняков **от налогов** (выделено авторами)» [Международное..., 1976: с. 299].

В 1836–1837 годах от Союза отверженных постепенно отделилась часть пролетарских элементов, находившихся под влиянием бабувизма, которые создали новую организацию «**Союз справедливых**». Это также была тайная организация, по своей структуре и характеру близкая «Обществу времен года», пишет Г. Павленко [Павленко, 1985: с. 37]. Однако он же и высказывает иную, качественно отличную от приведенной выше, если не противоположную, точку зрения о том, что «Союз справедливых» был «первой политической организацией немецких рабочих» [Павленко, 1985: с. 37]. В ее организации принял активное уча-

стие Вильгельм Вейтлинг, который по поручению ее руководства написал программу организации, обосновывающую необходимость обобществления собственности. Свои идеи Вейтлинг изложил в своей первой работе «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» (1838). В ней он не ограничивается только критикой капитализма, а требовал «уничтожения эксплуатации человека человеком путем ликвидации частной собственности и введения общности имущества» [Павленко, 1985: с. 41]. В целом, как считается, эта работа Вейтлинга «была признана программным документом Союза» [Международное..., 1976: с. 301]. Как считает Павленко, «сила Вейтлинга заключалась в том, что он делал упор на противоречия между угнетенными и угнетателями, пропагандировал классовую борьбу. Он попытался соединить идеи коммунизма с рабочим движением и теоретически обосновать значение рабочего движения как активный фактор в борьбе за коммунистические идеалы» [Павленко, 1985: с. 42]. Несколько ниже Павленко отмечает, что работа Вейтлинга была «первым программным документом, засвидетельствовавшим переход «Союза справедливых» на позиции утопического рабочего коммунизма» [Павленко, 1985: с. 43].

В июне 1847 года в Лондоне на конгрессе «Союза справедливых» было принято решение о переименовании его в «**Союз коммунистов**».

Следует отметить важнейшее и наиболее значимое качественное различие между двумя весьма близкими между собой и даже пересекающимися процессами развития революционного движения в Германии и Франции. В Германии процесс завершился, можно сказать, слиянием достаточно большого и широкого рабочего движения с коммунизмом как идеологией рабочего класса и образованием политической организации (партии?) пролетариата. Несмотря на ее недостатки и ошибки, например, пассивное отношение к французской революции, значение этого события трудно переоценить.

Во Франции развитие революционного движения не привело к такому качественному результату. Однако оно заложило кадровые, а шире – социально-кадровые и идеологические устойчивые основы для формирования во Франции в ходе революции

1848–1850 годов «красной» партии. Социально-классовые группы, являющиеся ее базой, приобрели опыт классовых боев, все более расширяющуюся поддержку населения, народных масс, включая и пролетариат. В ходе отмеченной классовой борьбы выкристаллизовались цели и задачи «красных».

К ним следует отнести, во-первых, «демократизацию» кредита, иначе говоря, борьбу за «дешевый» и «длинный» кредит, а также борьбу за «демократические» или благоприятные условия его предоставления для заемщика. Можно сказать и еще несколько иначе: социальные группы, составляющие базу «красных» остро зависят от кредита, их жизнь определяется и зависит от его получения. Для них кредит – это все, и производство, и торговля, и жилье, и сама жизнь. Кредит – основа существования мелкой буржуазии, но это, что следует подчеркнуть, не относится к рабочему классу, основой существования которого является получаемая им заработная плата.

Во-вторых, целью «красных» и их базовых групп являются «низкие налоги», налоги, не отягчающие «труд и промышленность», чего они требуют и добиваются. В последующем они будут требовать прогрессивного налога, и во многих современных развитых странах «красные» добиваются его, а проблемы, связанные с ним, ими постоянно актуализируются. Как ни странно, подобного рода актуализации в современной Украине не существует, что говорит об отсутствии в стране в политическом спектре «красных», а в более широком плане – среднего класса или о его недостаточном уровне формирования, он, вероятно, даже еще не достиг качества «класса в себе».

В-третьих, «красные» ставят перед собой цель – недопущения или ограничения банкротств. Непосильные налоги, высокие проценты по необходимым мелкой буржуазии производственным кредитам постоянно порождают у базовых групп «красных» ситуацию банкротства. Можно сказать, что эта ситуация перманентна, тотальна и системна, она постоянно держит мелкого буржуа в напряжении, угрожает ему выселением из жилища, изъятием его собственности, совершенно непосильными и астрономическими процентами и долгами, платить которые придется и в «загробной жизни». Для их оплаты предлагают продать не толь-

ко все нажитое и личное имущество, но и собак. Опять же, как ни странно, подобного рода проблемы также не актуализируются в современной Украине, хотя, например, величина коммунальных тарифов количественно превышает зарплаты и пенсии многих слоев украинского населения.

В-четвертых, в рамках решения этих проблем «красные» постоянно апеллируют к «народу» или «трудовому люду», а не пролетариату.

Пролетариат тоже приобрел в ходе рассмотренных событий опыт классовой борьбы и отчасти самостоятельных действий, но в целом он еще не выделился полностью из общей массы «народа» и действовал, как правило, в рамках «народа», он еще пока оставался «классом в себе» и даже не стал «классом для себя».

Так, например, как пишут авторы указанной монографии, «во Франции в период Июльской монархии количество стачек, в которых участвовали рабочие крупнопромышленных предприятий, было приблизительно втрое меньше, чем у рабочих ремесленных профессий» [Международное..., 1976: с. 205]. Кроме того, рабочие объединения не обладали еще должным уровнем солидарности, они, как и рабочие в отдельности, были пронизаны духом соперничества, исключительности и нетерпимости друг к другу, чувством враждебности между собой. Они «устраивали, как и встарь, побоища, оставляя на улицах городов раненых и убитых... в 1820 г. между строителями в Бордо, причем каждый раз успех какой-либо стороны сопровождался буйным торжеством и отмечался «каннибальскими», как отзывался о них современник, песнями, словно одерживалась победа в настоящей войне» [Международное, 1976: с. 216–217]. Это были недостатки мануфактурно-ремесленного уровня развития пролетариата.

Его организации стали возникать на базе тайных союзов ремесленных подмастерьев, во Франции – компаньонажей, которые корпоративный характер и ритуальную обособленность, закрепленные внутренней иерархией и дисциплиной, традиционными обычаями, знаками отличия – паролями, прозвищами (кличками) и т. д. Подобного рода рабочие организации были опорными пунктами и «авангардом начавших складываться профессиональных

объединений», но при этом сохраняли партикуляризм и узкую профессиональную замкнутость, рассеянность в пространстве, раздробленность и разобщенность в политике. Всем этим в значительной мере объясняется наиболее характерная черта возникших профессиональных союзов рабочих того периода. Они, как и товарищества подмастерьев, строились по профессиям или вообще часто по узким специальностям. Такие объединения были самым коротким, простым и доступным путем рабочих, вышедших из ремесленной среды, для своей самоорганизации. Иначе: первоначальной формой рабочих ассоциаций были «профессиональные» союзы в точном, буквальном смысле слова.

В этом плане авторы отмеченной монографии указывают еще на ряд недостатков рабочего движения того периода. Они отмечают, что «вплоть до 40-х гг. главную силу пролетарского движения составляли квалифицированные категории работников, **приходившие в упадок** (выделено авторами) с развитием крупной промышленности» [Международное..., 1976: с. 220]. Иначе: в этот период промышленный пролетариат, несмотря на свои характеристики и качества, еще не являлся главной, основной силой рабочего движения. Кроме того, они констатируют, «что, как правило, именно из пролетарско-ремесленной среды выходили первые «идеологические кадры» рабочего класса» [Международное..., 1976: с. 219]. А также руководители рабочего движения, которые, как Вейтлинг, вышли из самых «низов», не имели должного образования, были самоучками. Характеризуя таких личностей, авторы отмеченной монографии приводят цитату Ф. Энгельса из его работы «К истории Союза коммунистов»: «Я не думаю, чтобы во всем Союзе («Союзе справедливых» – уточнение авторов) нашелся тогда хоть один человек, который прочитал хотя бы одну книгу по политической экономии» [Энгельс, 1961: с. 219–220].

В этом плане интересна мысль Э. Фромма, особо она важна и значима для данного конкретного исследования: «Многие, вероятно, считают, что им предоставлено полное право говорить об этом все, что взбредет на ум, без всякого знания дела. Каждый считает себя вправе говорить о Марксе, не прочтя ни единой его строчки или хотя бы того минимума, который необходим, что-

бы разобраться в сложной системе его мыслей и идей» [Фромм, 1992: с. 377–378].

Собственно, на базе старых союзов возникали совершенно новые рабочие ассоциации, но все еще сопряженные с «пережитками» старых. Первые новые организации появились в Англии в середине XVIII века и стали называться тредюнионами, во Франции – в конце XVIII века, так в 1790 году возник клуб парижских печатников, в 1791 – братский союз плотников в Париже, общество грузчиков парижского порта и т. д. Как уже отмечено, возникающие новые профессиональные организации рабочих первоначально не имели целостности, единой цельной организации, а были разобщены по профессиональному признаку, придерживались разных идеологических и политических ориентаций.

Большую роль в организации, а затем и мобилизации пролетариата, кроме профсоюзов, сыграли секты, но особенно **клубы**. Первоначально они представляли собой более или менее периодические сходки в некоем определенном месте, например, кабачке или ином увеселительном заведении, работников, как ремесленников, так и рабочих некоего определенного одного места их проживания. Он являлся не только местом их совместного употребления горячительных напитков, но и местом совместного обсуждения волнующих работников разного рода проблем, включая идеологические и политические, а также проведения по ним дискуссий, выработке совместных решений и предполагаемых действий. Вместе с тем клуб одновременно являлся и своеобразной «биржей труда», куда обращались как предприниматели, так и работники в поисках заработка. Постепенно стихийные товарищеские сходки приобретали регулярность и институализировались в профессиональные организации, получившие определение «клуб». «Тут заслушивались сообщения о потребностях в рабочей силе, об оплате труда, о конфликтах с хозяевами в тех или иных местах, обсуждались и решались вопросы отношений с предпринимателями, вырабатывались требования относительно ставок оплаты, производились сборы пожертвований в пользу нуждающихся сотоварищей. Здесь же принимались постановления о проведении каких-либо согласованных действий против предпринимателей, будь то представление петиций о повышении

расценок или отказа от работы по пониженным ставкам и т. п.» [Международное..., 1976: с. 222].

Однако клуб качественно отличается от уже возникших профсоюзов, в нем первоначально не было профессионального или иного какого-либо разделения, лишь в последующем они стали постепенно формироваться по какому-либо критерию. Кроме того, клуб был неформальным объединением, не имеющим, как правило, официального членства, он был открыт и публичен, однако, с точки зрения Э. Хобсбаума, являлся специфическим «соглашением посредством бунта» [Международное..., 1976: с. 222].

Именно клубы, по Марксу, стали «сборными пунктами революционного пролетариата, ареной его конспиративной деятельности». Объясняет он их роль в форме вопросов: «А чем были клубы, как не коалицией всего рабочего класса против всего буржуазного класса, как не организацией особого рабочего государства, направленного против буржуазного государства? Разве все они не были учредительными собраниями пролетариата, разве все они не были готовыми к бою отрядами армии восстания?» [Маркс, 1956: с. 54].

Можно сказать, что клубы в той или иной мере представляли из себя некие прообразы политических партий.

Органами организации пролетариата стали и разного рода социалистические и коммунистические газеты. «В декабре 1839 г. группа рабочих во главе с Венсаром-старшим начала издавать газету «Ruche populaire». Большинство членов ее редакции в прошлом входили в сенсимонистскую «Ступень рабочих» [Кожокин, 1982: с. 150]. После смерти в 1837 года Ш. Фурье «признанным главой этой школы стал В. Консидеран, человек безусловно уступавший Фурье в теоретическом отношении, но зато гораздо лучше мэтра разбиравшийся в текущей политике. Консидеран сумел наладить регулярный выпуск фурьеристских изданий. Наибольшее значение из них имела газета «Democratie rasifque». В середине 40-х годов за месяц распространялось от 41 тыс. до 77 тыс. экземпляров этой газеты» [Кожокин, 1982: с. 150]. С 18 марта 1841 года «Кабе начинает издавать газету «Populaire», в 1846 г. тираж ее в среднем равнялся 3500 экземпля-

ров (тогда как, к примеру, тираж крупнейшей парижской республиканской газеты «Reforme» достигал всего 1860 экземпляров). Число ее постоянных подписчиков составляло 2745» [Кожокин, 1982: с. 152].

Как считает Кожокин, «к 1848 г. часть рабочих – а это были тысячи грамотных работников крупных заводов, особенно Парижа и Лиона, – придерживались коммунистических и социалистических убеждений. Сравнительная малочисленность этой группы не должна вводить в заблуждение – то были самые образованные, самые активные, нередко самые влиятельные пролетарии. И в принципе они могли бы повести за собой широкую массу рабочего класса. Так действительно и случилось в июне 1848 г. Среди руководителей баррикад оказалось очень много рабочих-коммунистов. Достаточно много, чтобы поднять пролетариев на восстание, **но слишком мало, чтобы обеспечить его победу** (выделено авторами)» [Кожокин, 1982: с. 154]. Более конкретно – среди них было много не только активных участников июньского восстания 1848 года в Париже, но и его организаторов. Например, Версар-младший, один из руководителей Общества объединенных корпораций, ставшего организационным центром парижских рабочих в 1848 и сыгравшего важнейшую роль в восстании [Международное, 1976: с. 421]. Пьер Версар-младший в июне 1848 года приступил к изданию газеты «Журнал де травайэр», ее первый номер вышел 4 июня, а 11 июня опубликовал его статью «Стачки». В ней Версар задавался вопросом: «должны ли рабочие пустить в ход насилие, чтобы разделить продукты, которые произвели?» [цит. по Международное рабочее движение, 1976: с. 422]. Отвечая на него, он «подчеркивал нежелание рабочих прибегать к насилию, развязывать гражданскую войну. Тем не менее основные положения статьи принципиально отличались от увещаний луиблановского толка. Венсар неуклонно проводил одну мысль: да, рабочие не хотят вооруженной борьбы, но вследствие непримиримой позиции капиталистов и властей столкновение становится неминуемым; гражданская война уже рядом, а растущая волна стачек есть не что иное, как ее предвестник и даже начало. Статья Венсара звучала грозным предупреждением буржуазии и ее правительству со стороны рабочих»

[Международное рабочее движение, 1976: с. 422–423].

Маркс считает, что **буржуазия принудила** парижский пролетариат к июньскому восстанию (июньской революции) распоряжением от 21 июня 1848 года Исполнительной комиссии (на тот момент – правительство страны) о роспуске Национальных мастерских и уже 22 июня около ста тысяч рабочих «устремились к центру Парижа». Ночью начинают стихийно возникать баррикады, и 23 июня их насчитывалось уже свыше пяти сотен. Около полудня 23 июня происходит первая масштабная вооруженная схватка. Ожесточенные бои продолжались до 11 часов дня 26 июня, после чего вооруженное сопротивление рабочих прекратилось. Как утверждает Маркс, «у рабочих не было выбора: они должны были или умереть с голоду или начать борьбу. Они ответили 22 июня грандиозным восстанием – **первой великой битвой между обоими классами** (выделено автором), на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного строя*» [Маркс, 1956: с. 29].

Социально-политическая структура французского общества периода революции

Как и социально-классовая структура, данная структура также будет рассматриваться в несколько ограниченных рамках. Конкретная социально-политическая структура французского общества периода революции 1848–1850 годов рассматривается Марксом с нескольких точек зрения. Например, с одной стороны, несколько упрощенно, ограничено и ситуационно (лишь по критерию вхождения в февральское правительство 1848 года), он указывает лишь на некоторые основные **политические течения** или социально-классовые политизированные группы, на базе которых они возникли: династическая оппозиция, республиканская буржуазия, демократическо-республиканская мелкая буржуазия, социалистическо-демократические рабочие. Данные течения в той или иной степени объединяли и включали в себя группы населения, отдельных индивидов, конкретные организации (клубы, секты и т. д.). Кроме того, в них входили также возникшие институты (газеты), всех, ориентирующихся и поддерживающих то

или иное направление развития революции и партию его возглавляющую, это – просто все социалисты, просто все монархисты или просто все республиканцы.

С другой стороны, исследование структуры происходит более усложнено. Например, республиканская буржуазия (уже по другому критерию) включает в себя трехцветных республиканцев (по трехцветному флагу возникшей после февраля 1848 года буржуазной республики) или «чистых республиканцев», политических республиканцев, формальных республиканцев, «добропорядочных республиканцев», некоторых представителей «партии порядка» или ее фракции, выступающих помимо своей воли за республику и т. д. Вероятно, значительно упрощая и схематизируя, можно сказать, что в этот период во Франции присутствовали несколько течений: монархическое или роялистское, бонапартистское, буржуазно-республиканское, демократическое и социалистическое.

С совершенно иной точки зрения: указанные течения институализировались в «партии», некие организованные формирования, группы политически активных представителей течения из различных сфер жизнедеятельности общества (производства, предпринимательства, журналистики, сферы услуг и т. д.). Члены «партий» совместно предпринимали те или иные конкретные действия, направленные на изменение существовавшего общества в соответствии с ценностями и идеалами течения. Более конкретно, Маркс пишет о входящих в «партию» (в данном случае, буржуазии) ораторов и писателей буржуазии, ее трибуну и прессу, идеологов буржуазии, саму буржуазию, ее представителей в парламенте (парламентская партия) и ими представляемых масс (партия вне парламента). Иначе можно сказать: «партии» как политически активные акторы состояли не из членов, а из сторонников идеи или течения. Это были не институционализированные организации, партии не в классическом и современном понимании, они представляли из себя лишь некий шаг к их возникновению.

Партии в значительной степени были подвижны, гибки и аморфны, могли состоять из ряда разных фракций и имели тенденцию к изменению как своего «членского» состава, так и сво-

ей политико-идеологической ориентации. Более конкретно, в тот или иной момент времени, на некоем этапе развития революции у партий могли изменяться их конкретные тактические цели и задачи, выбор союзников и формы действия, а в целом – изменяться их терминологическое обозначение, выбираемое Марксом. И с этой точки зрения определение их весьма условно, схематично и во многом зависит от конкретной ситуации в развитии революции и от конкретной роли в ней «партий», а также от целей и задач самого Маркса.

В частности, с одной его точки зрения (критерий – собственность) «партия порядка» состояла из четырех фракций: промышленной и финансовой буржуазии, а также фракций крупного землевладения и католичества. С другой его точки зрения (политический критерий – политическое господство), «буржуазная масса» в целом была «роялистской» (монархической, а не республиканской). «Одна часть ее – крупные земельные собственники – господствовала во время *Рестаурации* и была поэтому *легитимистской*. Другая часть – финансовые тузы и крупные промышленники – господствовала при Июльской монархии и была поэтому *орлеанистской*. Высшие чины армии, университета, церкви, адвокатуры, академии и прессы распределялись, хотя и в различной пропорции, между теми и другими. Обе эти части буржуазии нашли здесь в буржуазной республике, не носившей ни имени *Бурбонов*, ни имени *Орлеанов*, а имя *Капитала*, государственную форму, при которой они могли господствовать *совообща*» [Маркс, 1957: с. 137].

Вторая точка зрения характеризует не только ситуацию до февральской революции, но и ситуацию, сложившуюся после июньского поражения пролетариата и особенно после «гибели буржуазных республиканцев», отстранения их от власти и утверждения у власти «партии порядка», в которой уже даже фракция крупных промышленников, а не просто промышленников перестала играть ведущую роль. В целом в ней доминирующее значение заняли роялисты, монархисты, лишь прикрываемые буржуазной республикой, а среди фракций партии порядка ведущей становится фракция крупных земельных собственников. Этим, можно сказать, Маркс указывает на реставра-

ционные тенденции в развитии революции, то есть возвращение к дофевральскому периоду. Но это уже была новая ситуация: со властной «партией порядка» в конфликт вступил президент страны, кроме того, соперничающие между собой фракции партии осознали, что необходимо действовать и господствовать сообща.

На основании уже только изложенного, можно сказать, что Маркс относит к основным буржуазным «партиям» или акторам революции 1848–1851 годов во Франции: «партию порядка», партию «чистых республиканцев» или республиканцев «National». Эта партия представляла собой политическую группировку умеренных буржуазных республиканцев, возникшую вокруг ежедневной газеты «Le National» («Национальная газета»), выходившей в Париже в период 1830–1851 годов. Ряд ее представителей входил в состав временного правительства, возникшего во Франции после февраля 1848 года. По мнению Маркса, исключительное и монопольное господство буржуазных республиканцев (чистых республиканцев) в стране продолжалось относительно недолго, лишь с 24 июня, с момента подавления ими июньского восстания пролетариата, до 10 декабря 1848 года, момента избрания президентом Франции Луи Бонапарта.

Вместе с тем следует отметить, что в некоторой степени республиканцы «National» были близки демократическим республиканцам «Reforme», опирались на них, сотрудничали, но и конкурировали с ними. «La Reformes» («Реформа») – ежедневная французская газета, издаваемая в Париже с 1843 по 1850 годы. Она считалась органом мелкобуржуазных демократов-республиканцев и мелкобуржуазных социалистов, в котором в конце 1847 – начале 1848 годов ряд своих статей опубликовал Ф. Энгельс. Группа «Reforme» опиралась и сотрудничала с социалистическими республиканцами, так 27 января 1849 года они опубликовали совместный публичный манифест, возвестивший об их примирении и объединении.

Группе «National» не чужда была социологическая фразеология. Как писал Маркс, социализм газеты «National» «более или менее последовательно стремится свергнуть господство финансовой аристократии и освободить промышленность и торговлю от старых пут. Это – социализм промышленности, торговли и

земледелия, интересами которых жертвуют их заправила, входящие в партию порядка, поскольку эти интересы уже не совпадают с их частными монополиями. От этого *буржуазного социализма*, который, как всякая другая разновидность социализма, естественно привлекает к себе известную часть рабочих и мелких буржуа, отличается собственно социализм, *мелкобуржуазный социализм*, социализм *par excellence*» [Маркс, 1956: с. 90].

Следует установить и указать на определенную, хотя упрощенную и схематичную, иерархию, последовательность партий по их политическому спектру от крайне правых, фактически контрреволюционных до левых: а) «партия порядка» (со всеми ее фракциями); б) партия «чистых» или «умеренных» буржуазных республиканцев; в) партия демократических республиканцев; г) социалистические республиканцы; д) рабочая партия. Кадровый состав этих партий изменялся, «перетекал» из одной партии в другую, сами партии «пересекались» между собой, не имели своих четких границ, некоторые из них были весьма близки между собой, в отдельные ситуационные периоды времени они могли объединяться, а затем распадаться. Данный факт обусловлен и тем, что во всех партиях существовали разные фракции неординарных политических оттенков, например, от розоватых до черно-красных.

Неоднозначно отношение Маркса к бонапартистам. Их он в большей мере, можно сказать, рассматривает только как одно из некоторых течений, сложившихся в стране, среди, например, течений роялистов, демократов, коммунистов и т. д., то есть не признает за ними статус и роль партии. Например, он утверждает: «Говоря о партии порядка, мы не имели в виду бонапартистов. Они не были серьезной фракцией буржуазного класса – это была смесь старых суеверных инвалидов и молодых неверующих авантюристов» [Маркс, 1956: с. 59]. Вероятно, такая позиция во многом связана с его оценкой Луи Наполеона как безжизненной карикатуры, жалкой пародии на старого Наполеона. С другой стороны, в Законодательном национальном собрании, открывшемся 28 мая 1849 года, бонапартистов было слишком мало для образования самостоятельной парламентской партии (фракции).

Большое внимание Маркс уделяет различным партиям пролетариата и мелкой буржуазии, он указывает на их многочисленность, общность и принципиальные отличия, особенно в сфере их практических действий. Так, например, он среди многих особо выделяет роль партии Бланки, как партии революционного пролетариата, а его самого считает действительным вождем пролетарской партии.

Но отношение Маркса в целом к пролетарской партии (в широком смысле) времени французской революции 1848–1850 годов неоднозначно и многосложно. С одной стороны (первый вариант), он указывает на ее принципиальное отличие от демократической партии, партии демократической мелкой буржуазии, что особенно проявилось 10 декабря 1848 года, в момент выборов президента Франции. Тогда наиболее передовые части класса пролетариата и класса мелкой буржуазии выдвинули собственных кандидатов в президенты, соответственно, Распайля и Ледрю-Роллена. То есть партии действовали раздельно и, по существу, конкурировали, соперничали друг с другом, если не враждовали между собой, их конкретные цели и задачи на тот момент не совпадали. Участие пролетариата в выборах было массовым протестом против всякого президентства вообще, против самой конституции, буржуазной республики, но одновременно и против кандидата-демократа от мелкой буржуазии – Ледрю-Роллена. Участие же в выборах мелкой буржуазии было наполнено «торжественной серьезностью, с которой она имеет обыкновение дурачить самое себя». Как пишет Маркс, «это был первый акт (выборы президента Франции – уточнение авторов), в котором выразилось отделение пролетариата как **самостоятельной политической партии** (выделено авторами) от демократической партии... Это, впрочем, была ее последняя попытка (демократической партии – уточнение авторов) выступить в качестве самостоятельной партии в противовес пролетариату. Не только партия республиканской буржуазии, но и демократическая мелкая буржуазия с ее Горой были разбиты 10 декабря» [Маркс, 1956: с. 44].

С другой стороны (второй вариант), Маркс считает, что в революции 1848–1850 годов, за исключением июньского вос-

стания (июньской революции), «пролетарская партия выступает как придаток мелкобуржуазной демократической партии. Последняя ей изменяет и способствует ее поражению 16 апреля, 15 мая и в июньские дни» [Маркс, 1957: с. 141].

Но вместе с тем (третий вариант) Маркс также пишет о возможности формирования **демократическо-социалистической** или **красной партии**, другое ее название – **партия социальной демократии** или **партия красной республики**. «Эта *«партия анархии»*, как окрестили ее противники, не в меньшей мере, чем *партия порядка*, является коалицией различных интересов. От ничтожнейшей реформы старого общественного беспорядка до ниспровержения старого общественного порядка, от буржуазного либерализма до революционного терроризма – так далеко отстоят одна от другой крайности, составляющие исходный и конечный пункт «партии анархии» [Маркс, 1956: с. 89].

В реальности в ходе революции (четвертый вариант), начавшейся в феврале 1848 года, возникла социально-демократическая партия. Ее оценки Марксом также весьма противоречивы, так, с одной стороны, он пишет, что она, по существу, есть лишь форма партии мелкой буржуазии, демократической партии. В частности, он утверждает: «Большую оппозиционную партию составила *Гора* – этим парламентским именем окрестила себя *социально-демократическая* партия. Из 750 мест Национального собрания она обладала более чем двумястами и была таким образом по меньшей мере столь же сильна, как любая из трех фракций партии порядка, взятая в отдельности» [Маркс, 1957: с. 143]. С другой стороны, он пишет: «В противовес буржуазной коалиции образовалась коалиция мелких буржуа **и рабочих** (выделено автором), так называемая *социально-демократическая* партия» [Маркс, 1957: с. 147].

Более конкретно (пятый вариант), Маркс считает, что после июньского 1848 года поражения «социальные требования пролетариата были лишены революционной остроты и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии лишились чисто политической формы и получили социалистическую окраску. Так возникла *социально-демократическая партия*» [Маркс, 1957: с. 147].

Несколько обобщая и в целом можно сказать о нескольких вариантах (моделях) взаимного сосуществования и поведения рабочей партии и партии мелкой буржуазии. Следует лишь только отметить, что речь также идет и об отдельном существовании этих партий, а также их фракций. Учет поведения последних в предлагаемой схеме привел бы ее построение к неразумно в данный момент исследования необъятным размерам.

Первый вариант (модель): рассматриваемые партии различны между собой по целому ряду критериев (о некоторых речь шла выше), они существовали отдельно и «равноправно», как и другие иные партии политической системы Франции, партии в том смысле, что указывался выше. Они действовали раздельно, конкурировали, если не враждовали между собой, а их цели и задачи не совпадали.

Второй вариант: вызванная по разным причинам политическая слабость рабочей партии, по мнению Маркса, превращает ее в придаток партии мелкой буржуазии, которая ею манипулировала, игнорировала и даже «подчинила». Партия рабочих не имела самостоятельности в политическом плане, хотя официально могла быть и отдельным элементом политической системы страны. Подобная ситуация, как правило, недолговечна и возникает в период становления пролетариата как класса.

Третий вариант представляет собой лишь некую возможность, в рамках которой партии сливаются в некое единое целое, однако, такая партия будет представлять собой скорее коалицию или даже вообще некий блок политических групп, то есть такая модель по своей природе многовариантна. Тот или иной вариант может определяться соотношением сил политических групп, вошедших в партию, возможностью и способностью этих групп к компромиссу и его достижению, а также их способностью к урегулированию возникших или потенциальных коллизий. К тому варианту стремятся, но достигают ли его?

Четвертый вариант (модель) представляет собой конкретную реализацию третьей модели в конкретной реальности и уже поэтому он тоже многовариантен, может быть ограниченным или частичным в рамках какого-либо соглашения. Договор может существовать в рамках краткого или длительного периода,

быть локальным или широкомасштабным, охватывать некоторые или все социально-политические группы, входящие в партии. Как правило, в рамках соглашения устанавливается некая равнодействующая вошедших в партию политических сил. Равнодействующая, соглашения, партии и т. д. могут быть весьма динамичными, двойственными и даже противоречивыми. Собственно, это во многом и определяет многовариантность данной модели.

Пятый вариант возникает в условиях серьезного поражения какой-либо из рассматриваемых партий, когда соотношение между ними качественно изменяется и одна из них «выдавливается» в маргинальную политическую сферу. Другая партия устанавливает в политическом поле свою гегемонию или, по крайней мере, свое доминирование. В заключение анализа перечисленных моделей следует отметить, что возможны и иные, число которых установить проблематично.

В социально-политической структуре французского общества периода революции 1848–1850 годов Маркс выделяет и анализирует ее весьма специфический элемент – **партийные боевые силы**. В своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (8–169) к ним он относит: национальные мастерские для социалистических рабочих, мобильную гвардию для партии буржуазных республиканцев, Общество 10 декабря для Бонапарта. В этом фрагменте работы он не уделяет внимания Национальной гвардии, которая могла бы стать боевой силой красной партии, и что произошло, по существу, в той или иной степени позже, в революции 1870–1871 годов.

Общество 10 декабря – считается тайной бонапартистской организацией, возникшей в 1849 году. В него входили преимущественно «темные личности» из деклассированных элементов, политических авантюристов, представителей военщины и других социальных групп, активно участвующих в государственном перевороте 2 декабря 1851 года. Название организации связано с датой избрания президентом Франции Луи Бонапарта – 10 декабря 1848 года. Как утверждает сам Маркс, «это общество возникло в 1849 году. Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тай-

ные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал» [Маркс, 1957: с. 167]. Оно состояло из промотавшихся кутил сомнительного происхождения с подозрительными средствами к существованию, авантюристов из «развращенных подонков буржуазии», бродяг, выпущенных на свободу уголовников, мошенников, карманных воров, содержателей публичных домов, нищих, иначе – они составляли неопределенную разношерстную массу, «которую обстоятельства бросают из стороны в сторону». Как считает Маркс, в Обществе отразился сам Бонапарт, «Бонапарт, становящийся *во главе люмпен-пролетариата*, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отрепье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться» [Маркс, 1957: с. 168].

Во время поездок по Франции его сопровождали группы членов Общества, которые должны были служить для него импровизированной публикой, изображать народный энтузиазм, под покровительством полиции оскорблять и избивать его оппонентов, разгонять враждебные демонстрации. «Общество 10 декабря принадлежало ему, было *его* творением, его доподлинно собственной идеей» [Маркс, 1957: с. 169], – пишет Маркс. Бонапарт был оригинален в создании общества беспорядка, проституции и воровства, а само Общество 10 декабря превратилось в его частную армию.

Мобильная гвардия – во время февральской революции 1848 года армия была вынуждена оставить Париж, а Национальная гвардия не чувствовала себя в нем достаточно уверенно, кроме того, временное правительство решило противопоставить одну часть пролетариата другой. «С этой целью временное правительство образовало 24 батальона *мобильной гвардии* из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, по тысяче человек в каждом батальоне. Они принадлежали большей частью к *люмпен-пролетариату*, который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата. Этот слой, из которого рекрутируются воровы и преступники всякого рода, состоит из элементов, живущих отбросами с общественного стола, людей

без определенных занятий, бродяг» [Маркс, 1956: с. 23]. Временное правительство купило неустойчивую молодежь, одело их в особый мундир и уже новым внешним видом обособило их от всех иных вооруженных лиц. «В командиры им частью дали офицеров регулярного войска, частью они сами выбрали молодых буржуазных сынков, которые пленили их громкими словами о смерти за отечество и о преданности республике» [Маркс, 1956: с. 23].

Национальные мастерские – они были созданы временным правительством также с целью расколоть пролетариат и противопоставить одну его часть другой. В них было зачислено около ста тысяч рабочих, которые в результате кризиса и революции оказались безработными, с намерением использовать их на «скучных, однообразных непроеизводительных» земляных работах. В целом это оказалось ошибкой буржуазии. Как пишет Маркс: «Если не по своему содержанию, то по своему названию *национальные мастерские* были воплощенным протестом пролетариата против буржуазной промышленности, буржуазного кредита и буржуазной республики» [Маркс, 1956: с. 24]. И явились одной из ударных сил пролетариата в событиях 23–26 июня 1848 года (пролетарской революции).

3. РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Республика с социальными учреждениями

Можно сказать, что февральская революция 1848 года во Франции была народной революцией. Несмотря на то, что в эти дни рабочие завоевали буржуазную республику, они действовали не единолично и не самостоятельно. В частности, Маркс указывает: «Рабочие сделали февральскую революцию совместно с буржуазией», а также то, что «февральская республика была завоевана рабочими при пассивной поддержке со стороны буржуазии. Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе и предъявляли высокомерные требования победителя» [Маркс, 1956: с. 28].

Более конкретно он пишет, что в февральской революции в той или иной мере участвовали: социалистические доктринеры, буржуазные республиканцы, династическая оппозиция, легитимисты – «таковы были союзники, с которыми **народ** (выделено авторами) совершил свой февраль...» [Маркс, 1956: с. 30]. Собственно, и поэтому (одна из причин) «февральская революция была *красивой* революцией, революцией всеобщих симпатий, ибо противоречия, резко выступившие в тот момент против королевской власти, еще дремали мирно, рядышком, находясь в *неразвитом виде*, ибо социальная борьба, составлявшая их подоплеку, достигла пока лишь призрачного существования, существования фразы, слова» [Маркс, 1956: с. 30].

Собственно, и поэтому возникла (одна из причин) буржуазная, а первоначально, можно сказать, народная, но не пролетарская республика. Однако, несмотря на то, что буржуазные республиканцы именем февральской революции захватили государственную власть пролетариат в постфевральский период (до 4 мая, дня начала работы Учредительного национального собрания) вел себя как победитель, поэтому «февральская республика **принуждена** (выделено автором) была объявить себя *республикой, обставленной социальными учреждениями*. Парижский пролетариат *вырвал* и эту уступку» [Маркс, 1956: с. 15]. Более кон-

кретно – временному правительству был продиктован декрет, по которому оно обязывалось «обеспечить рабочим их существование трудом, дать работу всем гражданам». Когда правительство подзабыло эти обязательства, навязанные ему пролетариатом, к ратуше, месту его работы, двинулась толпа в 20 тысяч человек с криками «Организация труда!», «Образование особого министерства труда!».

Под давлением рабочих временное правительство пошло им на «уступки» и образовало специальную постоянную комиссию с поручением найти средства к улучшению положения рабочих классов, ее Маркс называет Люксембургской комиссией (от места ее работы – Люксембургского дворца в Париже) или социалистической синагогой. Ее возглавил социалист Луи Блан. Отношение к нему Маркса было резко отрицательным: он определяет его как первосвященника, призванного открыть обетованную землю и возвестить новое евангелие. Вместе с тем следует отметить, что в советский период в научной литературе Блан считался «первым в истории социалистом, располагавшим огромным влиянием в массах – и к тому же в период революционного подъема» [Международное рабочее движение, 1976: с. 404]. Именно в первые месяцы революции 1848 года «Луи Блан оставался наиболее популярной среди рабочих политической фигурой» [Международное..., 1976: с. 405], именно в этот период «подавляющая масса рабочих шла» за ним, она считала его своим вождем, «главой семьи».

«Уступки» временного правительства рабочим были формальными и во многом существовали только на бумаге. Люксембургскую комиссию изгнали из здания, в котором заседало временное правительство, этим самым «буржуазная часть последнего удержала исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления» [Маркс, 1956: с. 15]. Комиссия не располагала никаким бюджетом, не обладала никакой реальной исполнительной властью. Вместо народных мастерских, о которых проповедовал Луи Блан, правительством были созданы для безработных национальные мастерские, типа работных домов, существовавших в Англии, то есть совершенно нечто иное идеям Блана.

В этот период (25 февраля – 4 мая 1848 года) сложилась специфическая ситуация. В ее рамках «в представлении пролетариев, которые смешивали финансовую аристократию с буржуазией вообще... *господство буржуазии* было устранено вместе с введением республики» [Маркс, 1956: с. 18]. В этой ситуации рабочие старались отстаивать свои интересы рядом с буржуазией. Они верили «в возможность своего освобождения бок о бок с буржуазией, рабочие надеялись также осуществить свою пролетарскую революцию в национальных границах Франции, бок о бок с прочими буржуазными нациями» [Маркс, 1956: с. 16].

В этой ситуации, сложившейся в стране, борьба промышленного рабочего против промышленной буржуазии еще не стала повсеместным фактом во всей Франции, а сам он, как отмечено выше, «исчезал» в подавляющей массе крестьянства и мелкой буржуазии. Борьба последних, «борьба крестьянина против ростовщичества и ипотеки, борьба мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта, одним словом, против банкротства – была еще скрыта под оболочкой общего восстания против финансовой аристократии» [Маркс, 1956: с. 17].

Поэтому в целом неудивительно, «что парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы *наряду* с буржуазными интересами вместо того, чтобы выдвигать их в качестве революционного интереса самого общества; неудивительно, что он склонил *красное* знамя перед *трехцветным*» [Маркс, 1956: с. 17].

На базе изложенного и проанализированного им материала Маркс делает ряд выводов. Во-первых, «февральская республика действительно не была и не могла быть ничем иным, как *буржуазной* республикой», но «под непосредственным давлением пролетариата временное правительство принуждено было объявить ее *республикой с социальными учреждениями*» [Маркс, 1956: с. 27]. В рамках этой республики требования парижского пролетариата «выходили за пределы буржуазной республики». В некий момент революции пролетариат в Париже обладал фактической силой и огромным влиянием, толкающими его дальше рамок существующей республики.

Во-вторых, французские рабочие в целом «не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли ни на волос затронуть буржуазный

строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам» [Маркс, 1956: с. 17].

В-третьих, с другой стороны, в этой ситуации периода 25 февраля – 4 мая 1848 года «парижский пролетариат не был еще в состоянии выйти из рамок буржуазной республики иначе, как в своих *представлениях*, в *воображении*, и что он повсюду действовал в ее пользу, когда дело доходило до действий» [Маркс, 1956: с. 27].

В-четвертых, но как сами конкретные действия пролетариата (несмотря на отмеченное выше), так и «данные ему обещания (буржуазией – уточнение авторов) сделались невыносимой опасностью для новой республики и что все существование временного правительства свелось к беспрестанной борьбе против требований пролетариата» [Маркс, 1956: с. 27].

В период с 25 февраля 1848 года парижский пролетариат навязал временному правительству республику с социальными учреждениями, которая стала революционным оружием пролетариата против буржуазного строя. Более того, пролетариат, завоевавший республику, с оружием в руках провозгласил ее социальной республикой. Но 4 мая 1848 года ее сменила республика, созданная и признанная французским народом. «Провозглашенная Национальным собранием единственно законная республика была не революционным оружием против буржуазного строя, а, напротив его политической реконструкцией, заново политически укреплявшей буржуазное общество, – одним словом, буржуазной республикой» [Маркс, 1956: с. 27], – пишет Маркс. Более того, он указывает, что первая республика, существовавшая с 25 февраля по 4 мая 1848 года, была лишь принудительно объявлена временным правительством под давлением пролетариата. Однако парижский пролетариат видел в ней свое собственное детище, а временное правительство хотело сбросить с нее «антибуржуазную личину».

В своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс называет не только анализируемый автором период

(25 февраля – 4 мая 1848), но и весь период до июньского восстания «социальной республикой», но лишь в качестве фразы, пророчества, призрака, а не объективной реальности, не де-факто. «Социальная республика явилась как фраза, как пророчество на пороге февральской революции. В июньские дни 1848 г. она была задушена в крови парижского пролетариата, но в виде призрака она выступает в следующих актах драмы» [Маркс, 1957: с. 203], – пишет Маркс.

Несколько упрощая, можно сказать, что, по существу, позже, в 1871 году, в работе «Гражданская война во Франции» Маркс называет возникшую в рассматриваемый период республику социальной уже де-факто, но подчеркивает: это была буржуазная республика. «Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и само классовое господство» [Маркс, 1960: с. 342]. При этом он указывает, что не лозунгом, а де-факто буржуазные республиканцы июньской бойней «доказали рабочему классу, что «социальная» республика – это республика, обеспечивающая его социальное порабощение» [Маркс, 1960: с. 340].

Рассматриваемый период (25 февраля – 4 мая) социальной республики представляет собой первую точку бифуркации в развитии французской революции, из нее она могла пойти по «красному пути», но этого не произошло по ряду причин. Во-первых, из-за указанной выше объективной слабости пролетариата.

Во-вторых, из-за его субъективной слабости, проявившейся в а) нерешительности и непоследовательности его действий, б) многих допущенных им ошибок. Например, 17 марта 1848 года пролетариат в ходе своей массовой демонстрации фактически выступил в защиту временного правительства и этим самым укрепил его положение. Кроме того, он не смог добиться отсрочки выборов до 31 мая, а 16 апреля – пролетариат поддался на провокацию о своем вооруженном выступлении, собравшись в «большом числе» на Марсовом поле и ипподроме. Более того, 15 мая (вне рассматриваемого периода) толпа ворвалась в зал заседаний Бурбонского дворца, объявила Учредительное собра-

ние распущенным и провозгласила новый список нового правительства.

В-третьих, из-за силы пролетариата, которая испугала мелкую буржуазию, и она выступила как против пролетариата, так и против социальной республики с ее «уступками» социализму. Особое недовольство мелкой буржуазии вызывали национальные мастерские, и «никто (в этот период – уточнение автора) не проявил такого фанатизма в борьбе против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа, стоявший на краю банкротства без всякой надежды на спасение» [Маркс, 1956: с. 25]. Иначе, в-четвертых, в этот период не возник «красный блок», союз пролетариата и мелкой буржуазии, так как не было общности серьезных и осознаваемых интересов, находящихся под угрозой.

Третья точка бифуркации: 13 июня 1849 года

После поражения пролетариата в июньском восстании (революции) 1848 года началось интенсивное восстановление и укрепление буржуазных отношений посредством устранения «уступок социализму». В частности, был отменен закон, ограничивающий рабочий день десятью часами, снова было введено тюремное заключение за долги и т. д. «Но торопясь вернуть старым буржуазным отношениям их старые гарантии и уничтожить все следы, оставленные революционными волнами, буржуазные республиканцы натолкнулись на сопротивление, которое грозило им **неожиданной опасностью** (выделено авторами)» [Маркс, 1956: с. 36]. В частности, возникла проблема кредитов и банкротства мелкой буржуазии. Фактическое банкротство многих представителей этого класса хронически тянулось с февраля 1848 года (с начала революции), ему, казалось, не придавали значения, но теперь, после июня (поражения пролетариата в июньском восстании), оно было официально объявлено. Это затронуло значительные массы мелкой буржуазии, например, только в Париже владельцы более семи тысяч торговых заведений не платили за наем помещений с февраля 1848 года. Всего в столице просроченных векселей было на сумму свыше 21 миллиона франков, а в провинции – свыше 11 миллионов. Мелкие

буржуа довольно быстро в ужасе поняли, что, нанеся поражение рабочим, они без сопротивления, своими собственными действиями отдали себя в руки своих кредиторов. Мелкие буржуа стали коллективно требовать отсрочки своих долгов и ликвидации исков «за уплату умеренных процентов», и подняли этот вопрос в Национальном собрании в форме законопроекта о «полюбовных соглашениях» между кредитором и должником. 22 августа 1848 года Национальное собрание отвергло данный законопроект: «Мелкие буржуа-должники отданы были на произвол буржуа-кредиторов. Большая часть этих должников совершенно разорилась, остальным дозволено было продолжить свои дела при условиях, которые означали их полное закабаление капиталом» [Маркс, 1956: с. 37]. Данная ситуация не могла не породить недовольство в среде мелкой буржуазии, и не могла не толкать ее на борьбу с утвердившейся властью республиканской буржуазией, которую она, собственно, и породила.

Как отмечает Маркс, недовольство мелкой буржуазии вызвало и исключение из проекта конституции положения о прогрессивном налоге, хотя он являлся «вполне буржуазной мерой». Кроме того, как считает Маркс, «он был единственным средством привязать средние слои буржуазного общества к «добропорядочной» республике, уменьшить государственный долг и дать отпор антиреспубликанскому большинству буржуазии» [Маркс, 1956: с. 40]. Недовольство вызывали и многие другие положения предполагаемой конституции, например, возвращение традиционной неприкосновенности и несменяемости судей. По существу, это было отвержение всякого компромисса республиканской буржуазией с буржуазией мелкой.

Однако это было не только отвержение компромисса, но и разрыв фиктивного союза буржуазных республиканцев и демократических республиканцев мелкой буржуазии, который первые заключили против своей воли и под давлением обстоятельств со вторыми в период временного правительства, то есть после февральской революции, после 25 февраля 1848 года. Более того, после июня 1848, первые, придя к власти, учредили следственную комиссию, которая стала рассматривать не только июньские события, но и события 17 марта, 16 апреля, 15 мая

и даже в какой-то мере события февраля 1848 года. Посредством этого органа буржуазные республиканцы пытались избавиться от своих бывших союзников-конкурентов, республиканцев демократических и их вождей.

19 сентября 1848 года принц Луи Бонапарт и коммунист-узник Распайль были избраны представителями Парижа в Учредительное национальное собрание. Эти факты констатировали и показывали потенциальную возможность перехода мелкой буржуазии в оппозицию буржуазной республике и находящейся у власти партии буржуазных республиканцев. Иначе – начинался процесс революционизирования и радикализации мелкой буржуазии.

После поражения пролетариата в июне 1848 года и ряда многих последующих событий ситуация в стране значительно и принципиально изменилась. Во-первых, «пролетариат отходит на *задний план* революционной сцены. Он снова пытается пробиться вперед каждый раз, когда кажется, что в движении наступил новый подъем, но эти попытки становятся все слабее и приносят все более ничтожные результаты» [Маркс, 1957: с. 126]. То есть, собственно, после поражения пролетариат, с точки зрения Маркса, был «по-видимому, не в состоянии ни обрести свое прежнее революционное величие в самом себе, ни почерпнуть новую энергию из вновь заключенных союзов, пока *все классы*, с которыми он боролся в июне, не будут так же повергнуты, как и он сам» [Маркс, 1957: с. 127].

Во-вторых, вместе с революционной мощью, влиянием и ролью пролетариата было сокрушено политическое влияние и значимость демократических или мелкобуржуазных республиканцев, красных республиканцев. Они были представлены в Исполнительной комиссии Ледрю-Ролленом, в Учредительном национальном собрании – партией Горы, а в прессе – газетой «Reforme». Это произошло потому, что партия революционной мелкой буржуазии имела своей основой, приобретала свою роль и влияние, могла удерживать свои революционные позиции только в условиях, когда за ее спиной стоял пролетариат.

В-третьих, как уже отмечено, в стране сложились объективные условия для революционизации мелкой буржуазии, она пе-

рестала стоять за спиной буржуазии в качестве ее покорного вассала и поднялась против нее в роли бунтовщика. Как следствие – «после того как пролетариат на время был устранен со сцены и официально была признана диктатура буржуазии, средние слои буржуазного общества – мелкая буржуазия и крестьянство – **должны были** (выделено автором) все теснее и теснее примыкать к пролетариату, по мере того как ухудшалось их положение и обострялся антагонизм между ними и буржуазией. Как раньше они видели причину своих бедствий в усилении пролетариата, так теперь они должны были ее видеть в его поражении» [Маркс, 1956: с. 31].

Выборы 10 декабря 1848 года президента Франции и победа на них Наполеона, которого 20 декабря провозгласили президентом Франции, означала поражение буржуазных республиканцев, поражение буржуазной республики и «избирательную победу крестьянства». По существу, начался новый этап развития революции.

Мелкая буржуазия в основной своей массе голосовала за Наполеона, так как для нее это означало, как она считала установление господства должников над кредиторами. С другой стороны, победа Наполеона «ошеломила партию Горы и сбила ее с толку», так как благодаря ему (на этот момент) к исполнительной власти пришла партия порядка и началась реставрация старой роялистской администрации. В частности, как пишет Маркс, «министерство, составленное Бонапартом, в день его вознесения, 20 декабря 1848 г., было министерством партии порядка, министерством легитимистской и орлеанистской коалиции» [Маркс, 1957: с. 143]. Иначе, можно сказать, к исполнительной власти в стране пришли силы, против которой была направлена февральская революция, силы, которые она свергала. Революционная фракция буржуазии, которая основала республику, «к удивлению своему, нашла, что основанная ею республика выглядит совсем как реставрированная монархия» [Маркс, 1956: с. 48]. Неудивительно, что у партии буржуазных республиканцев были «отняты все рычаги исполнительной власти». В этот момент Учредительное собрание стало «последним убежищем» как для них, так и для Горы.

В этот период, после президентских выборов 10 декабря, ситуация в стране стала опять изменяться. Стало очевидным наступление и активизация контрреволюции и реакции. Вероятно, из-за этой угрозы и в противовес буржуазной коалиции мелкая буржуазия (Гора) пошла на союз с пролетариатом. С другой стороны, как показано выше, мелкая буржуазия «увидела, что ее обошли, что ее материальным интересам был нанесен ущерб, а демократические гарантии, которые должны были обеспечить ей возможность отстаивать эти интересы, были поставлены под вопрос контрреволюцией. Поэтому она сблизилась с рабочими» [Маркс, 1957: с. 147]. Собственно, мелкая буржуазия была вынуждена для защиты своих интересов, как материальных, так и политических, идти на союз с пролетариатом. Кроме того, на этот союз ее толкали и поражения в парламенте (например, отклонение «полюбовного соглашения»).

«27 января (1849 г. – уточнение авторов) Гора и социалисты отпраздновали свое примирение; на большом февральском банкете 1849 г. они вновь подтвердили этот акт объединения. Партия социальная и партия демократическая, партия рабочих и партия мелких буржуа, соединились в социально-демократическую, т. е. в красную, партию» [Маркс, 1956: с. 60]. На базе заключенного соглашения была разработана общая программа, составлены общие избирательные списки, созданы общие избирательные комитеты и выдвинуты общие кандидаты.

Также стала происходить революционизация масс, все средние слои были вовлечены в революционное движение и даже армию охватила революционная лихорадка. «Значительная часть крестьян, а также и ряд провинций были революционизированы. Они не только разочаровались в Наполеоне, – **партия красных сулила** (выделено авторами) им вместо имени содержание, вместо иллюзорной свободы от налогов – возвращение уплаченного легитимистам миллиарда, урегулирование ипотек и уничтожение ростовщичества» [Маркс, 1956: с. 60–61].

Революционные крестьяне, армия, провинции стали на сторону Горы. К ней «перешло командование над соединенными революционными силами, а ее соглашение с социалистами устранило всякий **раскол** (выделено авторами) в революционном ла-

гере» [Маркс, 1956: с. 61]. Партия Горы представляла колеблющуюся между буржуазией и пролетариатом массу, материальные интересы которой требовали демократических учреждений. В борьбе против контрреволюции она стояла на почве истинной революции. В этих условиях, как пишет Маркс, «**красная партия** (выделено авторами), т. е. соединенная демократическая партия, должна была добиться если не победы, то все же крупных успехов: Париж, армия, значительная часть провинций должны были голосовать за нее» [Маркс, 1956: с. 61].

Вместе с тем можно сказать, что красная партия, если и возникла 27 января, то постепенно трансформировалась в социально-демократическую партию. Маркс, в частности, отмечает, что с течением времени она изменилась вместе с представляемым ею классом. «Своеобразный характер социально-демократической партии выражается в том, что она требует демократическо-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности – капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижения этой цели, какими бы более или менее революционными представлениями она ни приукрашивалась, – суть остается та же: **перестройка** (выделено авторами) общества демократическим путем, но **перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности** (выделено авторами)» [Маркс, 1957: с. 148], – пишет Маркс. Вместе с тем, характеризуя эту партию, он отмечает, что не надо впадать в ограниченное представление о ней, будто она стремилась осуществить свои эгоистические классовые интересы. Маркс указывает: «Она (Гора, демократическая партия, социально-демократическая партия – уточнение авторов) верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те **общие** условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба» [Маркс, 1957: с. 148]. Маркс подчеркивает, что не следует воспринимать представителей демократии, приведенных выше партий как лавочников или их поклонников, между ними может быть различие как между небом и землей. Представителями мелкой буржуазии членов социально-демократической партии «делает их то обстоя-

ительство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелко буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение» [Маркс, 1957: с. 148]. Из этого следует, что «когда Гора ведет против партии порядка непрерывную борьбу за республику и так называемые права человека, ни республика, ни права человека не являются ее конечной целью» [Маркс, 1957: с. 148], – утверждает Маркс.

В рассматриваемый период (после президентских выборов) Гора, ранее отодвинутая на «задний план», вновь приобрела, как уже показано выше, потерянную ею популярность, но в больших масштабах и достигла значительных успехов в выборах в Законодательное собрание Франции. Например, Ледрю-Роллен, руководитель Горы, был избран пятью департаментами, а ни один вождь партии порядка не одержал такого успеха. Как отмечалось выше, Гора получила из 750 мест в Национальном собрании более чем две сотни. В результате выборов Гора стала подниматься, приобретать влияние и приобретать значение «как представительница революции в парламенте».

В этот момент во Франции сложился мощный «красный блок» различных социально-политических сил. В его основе, как самые влиятельные, лежали «красная партия» (созданная 27 января 1849 года) и Гора как ее фракция сначала в Законодательном, а потом и в Национальном собрании (с 25 мая 1849 года). Иногда красную партию называли и партией анархии, а блок в целом у его противников ассоциировался с анархией вообще, то есть, по Марксу, со всеми теми классами и политическими силами, которые восстают против диктатуры буржуазии. Их поддерживал целый ряд газет левого толка: «La Democratie Pacifique» («Мирная демократия», выходящая в Париже с 1843 по 1851 год, под редакцией Виктора Консидерана), «Le Peuple» («Народ» – газета Прудона?), «La Reforme» («Реформа», издавалась в Париже с 1843 по 1850 год), «Le Stecle» («Век») и т. д. В блок также входила система (сеть) различных мелкобуржуазных и рабочих тайных обществ, сект, клубов, товариществ, к нему можно отнести и Национальную гвардию, сформирован-

ную из представителей мелкой буржуазии и в целом ориентирующуюся на него (позже, боясь «красноты», Бонапарт разоружит ее), а также гвардию мобильную. На блок ориентировалась и часть левых представителей республиканской буржуазии, группировавшейся вокруг газеты «Le National» (выходила в Париже с 1830 по 1851 год). Как отмечал Маркс, «замечу мимоходом, что газета «National», давшая этой партии свое имя, в следующем периоде (развития революции – уточнение авторов) переходит на сторону социализма» [Маркс, 1957: с. 137].

Как уже отмечалось, но, вероятно, следует еще раз подчеркнуть, к весне и лету 1849 года «красный блок» и «красная партия» (социально-демократическая) добились значительных успехов. Как пишет Маркс, «из 750 мест Национального собрания она (партия и Гора в целом – уточнение автора) обладала более чем двумястами и была таким образом по меньшей мере столь же сильна, как любая из трех фракций партии порядка, взятая в отдельности. Ее относительное меньшинство по сравнению со всей роялистской коалицией уравнивалось, казалось, особыми обстоятельствами. Не только департаментские выборы показали, что она приобрела значительное число приверженцев среди сельского населения; почти все депутаты Парижа находились в ее рядах; армия избранием трех унтер-офицеров обнаружила демократические убеждения, а вождь Горы Ледрю-Роллен – в отличие от всех представителей партии порядка – был возведен в парламентское достоинство избранием в пяти департаментах, подавших голос за него. Таким образом, 28 мая 1849 г. Гора – при неизбежных столкновениях между самими роялистами и между всей партией порядка и Бонапартом – имела, казалось, на своей стороне все шансы на успех. Через две недели она потеряла все, в том числе и честь (Маркс имеет в виду поражение «красных» 13 июня 1849 года, в рамках возникшей третьей точки бифуркации – уточнение авторов)».

Следует отметить особенность рассматриваемого блока, которой, как представляется, Маркс не уделяет достаточного внимания. Блок красных, сформировавшийся до событий 13 июня 1849 года, был блоком в основном и в первую очередь избирательным, он не был рассчитан «красными» на организацию мас-

совых совместных действий, особенно на улице. Такой подход обусловлен тем, что главенствующие позиции в блоке занимала мелкая буржуазия, ориентирующаяся на парламентскую борьбу, избирательные компании и выборы, а не борьбу уличную и иные совместные действия. Это был блок выборов, а не коллективных действий. Как следствие, на что и указывает Маркс, рабочий класс был «связан» некими обязательствами перед мелкой буржуазией, ограничен в свободе и самостоятельности. Кроме того, что также отмечает Маркс, пролетариат, выступив самостоятельно и отдельно, без мелкой буржуазии, мог потерпеть поражение и не желал повторения событий июня 1848 года. Иначе: в ходе развития революции, хотя и потерявшей свое качество, «красные», по существу, отказались от активных коллективных уличных действий (события 13 июня 1849 года были вынужденным исключением). Весьма условно подобного рода блок популистов (красных) можно назвать **блоком И (избрания)**, избирательным блоком, блоком качественно отличным от **блока Д (действия)**. Отличие между ними весьма существенно и важно, что будет показано ниже, в частности, например, на факте возникновения движения «желтых жилетов», которое многие, с одной стороны, считают популистским, но члены которого перешли в настоящее время к активным и массовым уличным действиям-протестам.

С приходом Наполеона к власти начинается его «долгий поединок» с законодательным органом, проявившийся в целой серии политических кризисов и столкновений: 29 января, 21 марта, 8 мая и их кульминацией – 13 июня.

С другой стороны, с самого момента открытия нового Национального собрания, то есть с 28 мая 1849 года, партия порядка начала провоцировать Гору на разного рода выступления. Контрреволюция чувствовала и осознавала необходимость покончить с демократической мелкой буржуазией в первую очередь в уличных вооруженных столкновениях, а не в парламенте. «Надо было, значит, выманить ее из Национального собрания на улицу и заставить ее самое сломить свою парламентскую силу, пока время и обстоятельства еще не упрочили этой силы. Гора, очертя голову, бросилась в западню» [Маркс, 1957: с. 148–149],

– утверждает Маркс. Западно Горе готовил и Наполеон, что, как отмечено, проявлялось в целой серии кризисов.

Первый кризис. Как пишет Маркс, «гроза, разразившаяся 29 января, подготовлялась в продолжение всего месяца. Конституанта (на тот момент законодательный орган Франции – уточнение автора) хотела своим вотумом недоверия принудить министерство Барро уйти в отставку. Но в ответ на это министерство Барро, со своей стороны, предложило Конституанте выразить себе самой окончательное недоверие, приговорить себя к самоубийству, декретировать свой *собственный роспуск*» [Маркс, 1956: с. 49]. Конституанта, как пишет Маркс, в этом конфликте не могла опереться ни на какую правомерную власть, так как речь шла о ее борьбе против законной власти, она не могла апеллировать и ко всеобщему избирательному праву, она и не могла свергнуть министерство вотумами недоверия, так как оно не нуждалось в ее доверии. «Ей оставался лишь *один* исход – *восстание*. Боевую силу восстания составляли *республиканская часть национальной гвардии, мобильная гвардия* и центры революционного пролетариата – клубы» [Маркс, 1956: с. 50].

В этот конкретный момент развития революции стало складываться интересное положение. Маркс, по существу, отмечает, что в стране стала постепенно восстанавливаться февральская ситуация 1848 года, но с качественно изменившимися актерами. В частности, после начавшихся нападков на республику стали спланироваться «учредительные элементы февральской республики», опять завязалась борьба за «неопределенную республику февральских дней» и т. д. «На мгновение (которое растянулось на месяцы, до 13 июня 1849 года – уточнение автора) партии опять заняли свои старые февральские позиции, не разделяя, однако, февральских иллюзий. Трехцветные республиканцы «National» снова стали опираться на демократических республиканцев «Reforme», снова выдвинули их в качестве застрельщиков на авансцену парламентской борьбы. Демократические республиканцы снова стали опираться на социалистических республиканцев (27 января публичный манифест возвестил об их примирении и объединении)» [Маркс, 1956: с. 51]. Иначе, обобщая изложенное, можно сказать, в стране возникла третья точ-

ка бифуркации (первая была в период февральской революции и после, вторая – в дни июньской революции).

27 января Ледрю-Роллен внес подписанное 230 депутатами предложение о предании министерства (правительства) суду за нарушение конституции. Собственно, это означало либо бестактное обнаружение бессилия судьи, либо бессильный протест обвинителя. Маркс отмечает, что подобную тактику Гора будет «пускать в ход во всякий решительный момент кризиса».

В этих условиях, как указывалось выше, совершения попыток разогнать Собрание, оно стало искать союзников для предотвращения своего разгона, просить помощи у революционного пролетариата, у пролетарских клубов (в них заговорили о близости «красной республики»). Барро рядом своих действий и заявлений, например, предложением закрыть клубы, пытался спровоцировать восстание, но восстание не начиналось. В этот день, как пишет Маркс, 29 января 1849 года «Гора обнаружила недостаток революционной энергии и политического смысла, позволив партии «National» использовать себя в качестве глашатая в этой великой комедии интриг» [Маркс, 1956: с. 53]. В последующем, как уже отмечено, стратегия и тактика Горы не изменятся: она будет поддаваться влиянию буржуазных республиканцев, следовать за ними и терпеть поражения.

Второй кризис. 21 марта 1849 года встал вопрос о существовании конституции, точнее вопрос о клубах и о праве союзов. Гора, под влиянием «National», пыталась парализовать работу Национального собрания своим уходом из зала заседаний, но вернулась вместе с ней. Маркс данные события назвал комедией и одурачиванием Горы.

Третий кризис. 8 мая 1849 года возник вопрос о внешней политике Франции, более конкретно – по поводу нападения французской армии на Рим, трактуемой Горой как нарушение конституции. Ледрю-Роллен представил обвинительный акт против правительства и Бонапарта о нарушении ими конституции, но 11 мая Собрание его отвергло.

Новый кризис начался 11 июня 1849 года по поводу внешней политики Франции. «11 июня, – как пишет Маркс, – возобновились столкновения 8 мая. Ледрю-Роллен от имени Горы

представил обвинительный акт против президента и министерства в связи с нарушением конституции, бомбардировкой Рима. 12 июня Законодательное собрание отклонило этот обвинительный акт, как отклонило его Учредительное собрание 11 мая (1849 – уточнение авторов), но на этот раз пролетариат заставил Гору выйти на улицу, – правда, не для уличной борьбы, а для уличной процессии. Достаточно сказать, что Гора стояла во главе этого движения, чтобы понять, что это движение было подавлено и что июнь 1849 года был столь же смешной, сколь и ничтожной пародией на июнь 1848 года» [Маркс, 1956: с. 62]. По оценке Маркса, это было отступление, невыразительная комедия, разыгранная мелкой буржуазией, в которой были побеждены не рабочие, а сокрушены мелкие буржуа, стоящие между рабочими и революцией.

Еще 11 июня, обвиняя правительство и Наполеона, Ледрю-Роллен в Национальном собрании им «бросил в лицо грозное заявление: «Республиканцы сумеют заставить уважать конституцию всеми средствами, хотя бы даже силой оружия!» – «Силой оружия!» – повторило стократное эхо Горы» [Маркс, 1956: с. 65]. Он также предложил предать Бонапарта и его министров суду. Как пишет Маркс, «то, что пыталась устроить Гора 11 июня, было *«восстанием в пределах чистого разума»*, т. е. чисто *парламентским восстанием*. Она рассчитывала, что большинство Собрания, напуганное **перспективой вооруженного восстания народных масс** (выделено авторами), уничтожит в лице Бонапарта и его министров свою собственную власть и значение своего собственного избрания» [Маркс, 1956: с. 66].

Изложенная ситуация дополнялась, в этот момент, народным возмущением в Париже, которое достигло такой степени, что «стало внушать тревогу», к тому же «армия не была расположена к правительству». «Если бы Горе удалось парламентское восстание, кормило правления перешло бы непосредственно в ее руки. Демократическая мелкая буржуазия, со своей стороны, как всегда, ничего так страстно не желала, как того, чтобы борьба произошла над ее головой, в облаках, между теньями членов парламента. Наконец, путем парламентского восстания как демократическая мелкая буржуазия, так и ее представительница, Гора,

достигали своей великой цели: **сокрушить мощь буржуазии, не развязывая рук пролетариату** (выделено авторами), не давая ему показаться иначе, как в отдалении; пролетариат был бы использован, не становясь опасным» [Маркс, 1956: с. 67].

Однако, собственно, возникла проблема не только парламентского, но и уличного восстания. Уже 11 июня начались встречи Горы с делегатами тайных рабочих обществ. Они настаивали на том, чтобы восстание начать немедленно, уже вечером 11 июня, но Гора отвергла этот план. Пролетариат же был связан союзом с Горой. «Она представляла в парламенте большинство департаментов, она преувеличивала свое влияние в армии, она располагала демократической частью национальной гвардии, наконец, она имела моральную поддержку лавочников. Начать восстание в этот момент вопреки воле Горы – это значило для пролетариата... бесполезно повторить июньские дни 1848 г. при отсутствии той ситуации, которая толкала его тогда на отчаянную борьбу» [Маркс, 1956: с. 67]. Рабочие делегаты все же обязали Гору выйти из рамок парламентской борьбы. 12 июня правительство приняло ряд серьезных мер, как к обороне, так и к нападению, более того, большинство Национального собрания «имело твердое намерение заставить выйти на улицу мятежное меньшинство» и вооруженным путем разгромить его и его сторонников. Меньшинство же после заявления Ледрю-Роллена уже не могло отступить. Вечером 12 июня на собрании руководства партии Горы в помещении редакции газеты фурьеристов «La Democratie Pacifique» («Мирная демократия»), выходящей под редакцией Консидерана, было принято решение не прибегать к оружию и ограничиться лишь мирной демонстрацией.

Утром 13 июня в ряде газет «Le Peuple» («Народ»), «Reforme», «La Democratie Pacifique» («Мирная демократия») появилась «прокламация к народу», которая объявляла президента, министров, большинство Законодательного собрания «вне конституции» и призывала «подняться» национальную гвардию, армию и народ, а парижских граждан выйти на мирную демонстрацию.

Мирная демонстрация представляла собой уличное шествие 30 тысяч человек, включая депутатов, в основном безоружных

национальных гвардейцев, членов тайных рабочих секций, простых граждан, многие из которых просто толпились на тротуарах. Их встретили линейные войска, среди демонстрантов возникла суматоха и хаос, которые помешали строить баррикады и сделали невозможным принятие какого-либо решения, часть депутатов была задержана, другая часть скрылась, а демонстранты разбежались.

«Если 23 июня 1848 г. было днем восстания революционного пролетариата, то 13 июня 1849 г. было днем восстания демократических мелких буржуа; каждое из этих двух восстаний было классическим чистым выражением того класса, который его поднял» [Маркс, 1956: с. 69], – писал Маркс. В течение всего 13 июня пролетариат занимал к происходившим событиям критическую наблюдательную позицию. Он «выжидал серьезной, бесповоротной схватки между демократической национальной гвардией и армией, чтобы броситься тогда в борьбу и толкнуть революцию дальше навязанной ей мелкобуржуазной цели. На случай победы уже была организована пролетарская коммуна, которая должна была действовать рядом с официальным правительством» [Маркс, 1956: с. 67]. Но схватки и чего-либо серьезного, кроме погромов войсками типографий, редакций и помещений рабочих и социалистических газет и т. д., в Париже не произошло. 13 июня сломало мелкую буржуазию. Демократическая партия лишилась своей парламентской силы, силы военной, происходил роспуск национальной гвардии, как в Париже, так и по всей стране. Во Франции начались репрессии в самой различной и многообразной форме, стала модной наглая демонстрация роялистских взглядов. «Возглас «Да здравствует социально-демократическая республика!» был объявлен антиконституционным; возглас «Да здравствует республика!» преследовался в качестве социально-демократического» [Маркс, 1956: с. 72].

Четвертая точка бифуркации: второе воскресенье мая 1852 года

В развитии французской революции 1848–1851 годов была возможна и четвертая точка бифуркации. Страна после событий 13 июня 1849 года постепенно двигалась ко второму воскресенью мая 1852 года, ко дню новых президентских выборов, выборов нового президента Франции. Несмотря на стремление бонапартистов отменить статью 45 конституции страны, запрещающую вторичное избрание Бонапарта на эту должность, она отменена не была, и не могла быть, как считает Маркс, конституционно изменена, так как этому препятствовала позиция в Национальном собрании буржуазных республиканцев. Правящая партия порядка запуталась в собственных неразрешимых противоречиях и также отвергала пересмотр конституции. Возникшая ситуация «ставила под угрозу существующий порядок, так как оставляла Бонапарту лишь один исход – исход насильственный, и отдавала Францию в решающий момент, во второе воскресенье мая 1852 г., на произвол революционной анархии, с президентом, который утратил власть, с парламентом, который давно уже ее не имел, **с народом, который намеревался ее отвоевать** (выделено авторами)» [Маркс, 1957: с. 185]. Иначе – перед революцией и участвующими в ней политическими силами встал «выбор между господством буржуазии и господством мелкобуржуазной демократии, между демократией и пролетарской анархией, между парламентской республикой и Бонапартом» [Маркс, 1957: с. 184], – писал Маркс.

Дополнительные выборы в Национальное собрание 10 марта 1850 года зафиксировали революционизирование масс: Париж выбрал только кандидатов красной (социально-демократической) партии, армия в столице голосовала за июньского (1848 года) повстанца против министра Бонапарта, а во многих провинциях поддержали монтаньяров («бунтовщиков» июня 1849 года). Собственно, как и в период, предшествующий событиям 13 июня 1849 года, Гора опять стала приобретать влияние и свое значение на политическом поле Франции этого времени. Иначе: в стране снова стала формироваться революционная ситуация,

возникла четвертая точка бифуркации. Ее отличием от третьей точки было массовое вовлечение в революционный процесс крестьянства.

Следует именно подчеркнуть, что процесс революционирования коснулся прежде всего крестьянства, не просто мелкой буржуазии, а крестьянства как основной массы французского народа, **основной массы избирателей**, основной массы участников предстоящих выборов нового президента страны в мае 1852 года.

«Все законы, изданные партией порядка в январе и феврале 1850 г., были направлены против крестьян» [Маркс, 1960: с. 349], – пишет Маркс. Особо это касалось проблемы налога на вино. Предшествующая Национальному собранию Конституанта «в припадке ненависти к своей наследнице, отменила налог на вино на 1850 год», но 20 декабря 1849 года, в годовщину провозглашения Бонапарта президентом, Национальное собрание декретировало реставрацию налога на вино. Как считает Маркс, если французский крестьянин хочет представить себе черта, он представляет его в виде сборщика налогов, но среди всех налогов налог на вино «был главным предметом народной ненависти», он ускорял как революции, так и контрреволюции (Реставрации) посредством обещаний его отмены. «Франция насчитывает приблизительно 12 миллионов виноделов. Понятна поэтому ненависть всего народа к налогу на вино, понятно в особенности фанатичное ожесточение против него крестьян. К тому же в восстановлении налога на вино они видели не единичное, более или менее случайное событие. Крестьяне имеют свои особые исторические традиции, которые переходят от отца к сыну, и в этой исторической школе установилось такое убеждение, что всякое правительство, когда оно хочет обмануть крестьян, обещает им отмену налога на вино, а как только оно обмануло их, то сохраняет его в силе или восстанавливает. На налоге на вино крестьянин пробует букет правительства, его тенденцию. Восстановление налога на вино 20 декабря означало: *Луи Бонапарт – такой же, как другие*» [Маркс, 1956: с. 83].

Постепенный переворот в настроениях крестьянства проявлялся в разных симптомах, но «это революционизирование само-

го неподвижного класса ярче всего сказалось после восстановления налога на вино. Правительственные мероприятия и законы, изданные в январе и феврале 1850 г., направлены были почти исключительно против департаментов и крестьян, что является самым убедительным доказательством их пробуждения» [Маркс, 1956: с. 86–87]. Более конкретно: французский крестьянин стал противопоставлять своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя – правительственному священнику, самого себя – правительственному жандарму, он «начал этим показывать, что ему нужно на самом деле».

Однако власть не только восстановила налог на вино, но и приняла, как уже отмечалось, ряд иных антикрестьянских законов: закон против школьных учителей, закон об образовании, издало циркуляр, поставивший жандарма в положение инквизитора по отношению к префекту и прежде всего к мэру, рассматривала законопроект против мэров и т. д. Данные законы затрагивали ситуацию на местах, не в центре, а в каждом конкретном месте и потому были особо чувствительны для крестьян. Указанные «законы и мероприятия придавали нападению (на крестьян – уточнение авторов) и сопротивлению *всеобщий* характер, делали их темой разговоров в каждой хижине, они прививали революцию каждой деревне, *они переносили революцию на места и окрестьянивали ее*» [Маркс, 1956: с. 87]. Иначе – революция стала развиваться количественно, вширь, приобретать массовость, в том числе и географически, распространяясь в провинциях, на местном, локальном уровне. До этого крестьянство и провинция были основными тормозами французской революции.

Выборы 10 марта 1850 года констатировали активизацию и революционизирование и мелкой городской буржуазии. Как пишет Маркс, она «казалось, исчезла в минуту опасности с арены борьбы лишь для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах снова появиться на ней с большими боевыми силами и с более смелым боевым лозунгом» [Маркс, 1957: с. 162].

Мелкая буржуазия, как и крестьяне, выступила против закона об образовании, даже отклонение закона о «полюбовных соглашениях» в 1848 году «не возмутило так парижского лавочника как это демонстративное кокетничание с иезуитизмом».

Не нравились представителям буржуазии различные действия президента Бонапарта и в целом его поведение. Так, например, Бонапарт «после образования собственного бонапартистского министерства, призвал к себе вновь произведенных в префекты инвалидов монархии и поставил условием их службы запрещенную конституцией агитацию в пользу вторичного избрания его президентом» [Маркс, 1956: с. 88].

В рассматриваемый период постепенно, шаг за шагом, «крестьяне, мелкие буржуа, вообще **средние слои общества** (выделено авторами), становились на сторону пролетариата, приходили к открытому антагонизму по отношению к официальной республике, которая обращалась с ними как с врагами. *Возмущение против диктатуры буржуазии, потребность в преобразовании общества, сохранение демократическо-республиканских учреждений как орудий этого преобразования, сплочение вокруг пролетариата как решающей революционной силы* – вот общие черты, характеризующие так называемую *партию социальной демократии, партию красной республики*» [Маркс, 1956: с. 89].

Вместе с тем 1850 стал годом «редкого промышленного и торгового процветания» и «парижский пролетариат имел работы вдоволь», а избирательный закон 31 мая 1850 года отстранил его «от всякого участия в политической власти». «Этот закон вернул рабочих к положению париев, которое они занимали до февральской революции. Предоставляя, в момент таких событий, руководить собою демократическим вождям, забывая о революционных интересах своего класса из-за минутного благополучия, они отказались от чести быть завоевательной силой, покорились своей судьбе, показали, что июньское поражение 1848 г. сделало их на долгие годы небоеспособными, что исторический процесс в ближайшее время опять должен совершаться *помимо* них» [Маркс, 1957: с. 164].

В рассматриваемой ситуации, как считает Маркс, часть буржуазии стала требовать «от своих представителей безропотной передачи военной силы из рук своего собственного парламента в руки претендента-авантюриста (президента Луи Бонапарта – уточнение автора)» [Маркс, 1957: с. 192]. Эти намерения буржуазии во многом совпадали с желаниями бонапартистов, возглав-

ляющих исполнительную власть. «Правительство, презираемое своими врагами, оскорбляемое и унижаемое на каждом шагу своими мнимыми друзьями, видело лишь *одно* средство выйти из этого невыносимого и шаткого положения – *мятеж*. Мятеж в Париже дал бы предлог объявить осадное положение в Париже и департаментах и таким образом **распоряжаться выборами** (выделено авторами)» [Маркс, 1956: с. 92]. Правительство и власть в целом пытались спровоцировать народ и в первую очередь пролетариат, но он «не дал спровоцировать себя на мятеж». Например, в момент принятия закона 31 мая 1850 года, как пишет Маркс, в столице сложилась специфическая ситуация. «Стопятидесятитысячная армия в Париже, бесконечное откладывание окончательного решения, призывы печати к спокойствию, малодушие Горы и новоизбранных депутатов, величественное спокойствие мелкой буржуазии, а главным образом процветание торговли и промышленности препятствовали всякой революционной попытке со стороны пролетариата» [Маркс, 1956: с. 102], но его провоцировали, желали восстания рабочего класса.

Гора, в свою очередь, вела себя весьма пассивно и, по существу, **соглашательски**. Эта ее позиция была во многом обусловлена новыми, после 10 марта 1850 года, выборами 28 апреля 1850 года. «Новая победа на выборах 28 апреля окрылила Гору и мелкую буржуазию. Гора в душе уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путем, не вызывая новой революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену; она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит с помощью всеобщего избирательного права г-на Ледрю-Роллена на президентское кресло и обеспечит Горе большинство в Собрании. Партия порядка, которую новые выборы, кандидатура Сю и настроение Горы и мелкой буржуазии полностью убедили в том, что последние решили при всех обстоятельствах оставаться спокойными, ответила на обе избирательные победы *избирательным законом*, который отменял всеобщее избирательное право (законом от 31 мая 1850 года – уточнение авторов)» [Маркс, 1956: с. 101]. Как ни пыталась Гора в рамках Национального собрания препятствовать принятию этого закона, все ее усилия оказались напрасными. По мнению Маркса, всеобщее избирательное право

выполнило свою миссию в рамках данной конкретной буржуазной революции и в рамках данного конкретного периода (этапа) развития непрерывной революции, поэтому оно должно было бы быть устранено «либо революцией, либо реакцией».

Отмена всеобщего избирательного права законом от 31 мая являлась попыткой буржуазии «законным» путем решить вопрос выборов мая 1852 года и «законным» путем разрешить указанную выше и рассматриваемую ситуацию (четвертую точку бифуркации). Как уже отмечалось, после выборов 10 марта и 28 апреля 1850 года в среде демократов (красной партии) утвердилось устойчивое мнение об их победе на предстоящих президентских выборах. Характеризуя его, Маркс писал: «Достаточно было послушать самодовольное победное тьявканье господ демократов, поздравляющих друг друга с благодатными последствиями, ожидаемыми от второго воскресенья мая 1852 года. Второе воскресенье мая 1852 г. стало в их головах навязчивой идеей, догматом, подобно дню второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства у хилиастов» [Маркс, 1957: с. 123].

Вероятно, это настроение, убежденность в победе демократов охватило, и часть буржуазии (с отрицательным оттенком). Но, как пишет Маркс, «господствующий класс никак не мог допустить законного конституционного решения вопроса – отставки Бонапарта в мае 1852 г., одновременного избрания нового президента всеми избирателями страны и пересмотра конституции особой, избранной для этого палатой в течение первых месяцев нового президентства. День новых президентских выборов был бы днем встречи всех враждебных партий: легитимистов, орлеанистов, буржуазных республиканцев, революционеров. В результате неизбежно произошло бы насильственное столкновение между различными фракциями. Если бы даже партии порядка удалось объединиться на каком-либо нейтральном кандидате, стоящем вне династических фамилий, то против него выступил бы Бонапарт» [Маркс, 1956: с. 107].

Надо отметить, что закон от 31 мая 1850 года был направлен не только против массы избирателей, народа, крестьянства, мелкой буржуазии, демократов, но и против президента Луи Бонапарта (о чем Маркс не пишет). Часть буржуазии не исключала

вероятности, вопреки многим факторам, его избрания, вопреки пока еще неизменной конституции, на второй срок и отмена всеобщего избирательного права являлась еще одним дополнительным препятствием для такой возможности. Отмена послужила одной из многочисленных причин борьбы и конкретных конфликтов между законодательным Национальным собранием и исполнительной властью, возглавляемой Бонапартом. В рамках этой борьбы Бонапарт 10 октября 1851 года заявил о своем намерении восстановить в стране всеобщее избирательное право.

2 декабря 1851 года Бонапарт, опираясь на армию, совершил в стране государственный переворот. Почему не восстал парижский пролетариат – поднимает вопрос Маркс и сам же на него отвечает: «В ночь с 1 на 2 декабря Бонапарт внезапным нападением лишил парижский пролетариат его вождей, командиров баррикад. Представляя собой армию без офицеров, не имея ни малейшей охоты после памятных июньских дней 1848 и 1849 гг. и майских дней 1850 г. бороться под знаменем Горы, пролетариат предоставил своему авангарду, тайным обществам, спасти повстанческую честь Парижа, честь, которую буржуазия оставила на произвол солдатни до того безропотно, что Бонапарт мог впоследствии разоружить национальную гвардию» [Маркс, 1957: с. 204–205].

Более конкретно: ночью были арестованы наиболее опасные «парламентские главари», противники Бонапарта, включая даже Кавеньяка и Тьера, войска заняли главные пункты столицы, здание парламента, департамент Сены (где шли наиболее ожесточенные бои с рабочими во время июньского 1848 года восстания) был объявлен на осадном положении. Утром по Парижу были расклеены плакаты, извещавшие о роспуске Национального собрания, и о восстановлении всеобщего избирательного права.

Обобщая вышеизложенный материал в качестве некоего заключения предложенных глав работы и ряда выводов, можно сказать, что французская революция 1848–1851 годов развивалась определенными волнами, сопровождаемыми всплесками и спадами в ее протекании как в целом, так и в рамках ее отдельных этапов. В эти же периоды времени, как в протекании революции, так и в обществе в целом можно выявить и прояснить два

одновременных, но противоположных, потока, направленных как на усиление революции, так и на ее торможение, спад. Поток спада, усиления контрреволюционных тенденций имеет в основном субъективный характер и проявляется посредством ряда целенаправленных мер и действий законодательной и исполнительной власти. Поток усиления революции имеет в основном объективный характер и является своеобразной, во многом стихийной, реакцией на действия реакционных сил, он проявляется в нарастании недовольства у разных социально-классовых групп населения и его в целом. Оно постепенно трансформируется в разные формы обостряющейся классовой борьбы.

Этапов революции можно выделить весьма условно и схематично несколько, хотя на данную проблему существуют различные и не совсем совпадающие точки зрения, на само понимание этапности, конкретности их содержания и хронологические рамки. Действительно, условные этапы революции различны между собой по своему качеству, длительности, основным акторам и т. д. Как правило, во французской революции 1848 года, весьма условно и схематично, выделяют: первый этап с 25 февраля 1848 года по 4 мая 1848; второй этап с 4 мая по 10 (20) декабря 1848 года; третий этап с 10 (20) декабря по 13 июня 1849 года и четвертый этап с 13 июня 1849 года по 2 декабря 1851 года.

Первый этап. Общеизвестно, что он начался с 25 февраля 1848 года. Это был период существования республики с социальными учреждениями, в рамках которой пролетариат стремился посредством митингов и манифестаций, иногда сопряженных с захватом административных зданий и вооруженными столкновениями, выйти за ограничения, накладываемые буржуазной республикой. Рабочий класс являлся основным действующим субъектом этого периода, но его требования и конкретные действия по ряду причин, в том числе и из-за влияния на него прудонизма, были ограниченными, хотя и серьезно напугали буржуазию. Да он и не мог, еще был не готов, действовать иначе в силу отмеченных выше объективных причин. Актуализируемые им акции были локальны, не имели общенационального масштаба, провинция «молчала». Кроме того, как отмечено, пролетариат и его партии совершили много ошибок, особенно в рамках подготовки

и проведения выборов, к которым он готов не был. Именно на выборах в Учредительное национальное собрание весной 1848 года (23 и 24 апреля) пролетариат потерпел первое серьезное и значимое поражение в революции. Итоги голосования «показали прочность позиции буржуазии и монархической реакции (в особенности в провинции). Из 880 человек, избранных депутатами, 500 составляли умеренные республиканцы, группировавшиеся вокруг газеты «Насьональ». Кроме того, 100 легитимистов и около 200 орлеанистов объявили себя республиканцами уже после Февральской революции. Демократический лагерь представляли менее 100 депутатов, среди которых насчитывалось несколько социалистов» [Международное..., 1976: с. 414]. Данное соотношение политических сил констатировало, что пролетариат (и силы, выражающие его интересы) не имеет массовой поддержки среди населения страны, а значит объективные условия для его успешного вооруженного выступления и завоевания им власти отсутствуют, а сам рабочий класс еще не готов к достижению этих целей. Буржуазия, принимая во внимание и используя этот политический факт, постоянно провоцировала пролетариат на восстание.

Как следствие выборов, день начала работы Учредительного собрания (4 мая) стал днем легитимации законной буржуазной республики во Франции, созданной и признанной французским народом. Именно поэтому 4 мая многими признается завершением первого этапа революции. Однако точнее завершением этого этапа логичнее считать 26 июня 1848 года как даты поражения пролетариата в Париже. Июньское восстание пролетариата или июньская революция были пиком (вершиной) развития как первого этапа, так и революции в целом. 26 июня – день второго значимого поражения пролетариата в революции, но это не было окончательным поражением рабочего класса в революции в целом. Кроме того, несмотря на то, что мелкая буржуазия сражалась против пролетариата в июне 1848 года и вроде бы «победила», она де-факто тоже потерпела поражение.

Второй этап. Он начался 26 июня с репрессий и устранения «уступок социализму». Рабочий класс, с одной стороны, был вынужден уйти в «тень» с активной и масштабной политической

сцены страны, с другой – он на время утратил свою революционную энергию и инициативу. На «задний» план была вынуждена сместиться и мелкая буржуазия. Казалось бы, у власти прочно утвердились буржуазные республиканцы или «чистые» республиканцы (умеренные буржуазные республиканцы), группировавшиеся вокруг газеты «Le National», добившиеся «победы» в июне 1848 года, они имели 300 депутатов в Учредительном национальном собрании, правительство возглавлял их ставленник и палач июньского восстания пролетариата генерал Кавеньяк. Однако на президентских выборах 10 декабря 1848 года они потерпели сокрушительное поражение: их кандидат Кавеньяк проиграл Бонапарту, собрав всего один миллион голосов, что и послужило завершением второго этапа революции. В целом этот этап, хотя и знаменовался весьма значимыми событиями, был «серым» и скорее переходным к третьему этапу: в его рамках так и не сформировался устойчивый основной субъект.

Третий этап. Фактически он начался в рамках второго этапа, с 22 августа 1848 года, с отвержения избирательным органом страны «полюбовного соглашения» между кредитором и должником – мелкой буржуазией, что вызвало ее недовольство, как и отказ от прогрессивного подоходного налога в проекте конституции и некоторых еще ранее планируемых в ней положений. По существу, это означало разрыв политического соглашения между буржуазными республиканцами и республиканцами демократическими, между буржуазией и мелкой буржуазией. С другой стороны, приход Бонапарта к власти означал реставрацию старой роялистской администрации, против которой народ выступил в феврале 1848 года, включая отмеченные выше социально-классовые и политические социальные группы.

Также приход Бонапарта к власти вызвал целую серию его конфликтов с иными властными институтами, порождая раскол «верхов». Во многом он был вызван авторитарными склонностями Бонапарта и его попытками отмены статьи конституции, запрещающей ему повторное избрание на президентский пост.

В это же время стало происходить объединение революционных сил: была создана единая «красная» партия мелкой буржуазии и рабочих, а затем и «красный» блок, в который вошли Гора,

«красная» партия, его поддерживали газеты левой ориентации, Национальная гвардия, рабочие тайные союзы, секты, клубы, иные товарищества и частью некоторые другие политические силы. Основной силой революции стала городская мелкая буржуазия. Особо это констатировалось различными выборами, проходящими в стране. Так, еще 19 сентября 1848 года в Учредительное национальное собрание на дополнительных выборах был избран представителем Парижа коммунист-узник Распайль. В новом Национальном собрании, начавшем свою работу в мае 1849 года, Гора получила более чем 200 мест (в апреле 1848 в Учредительном собрании – менее ста).

Используя свою силу и влияние в массах, «красный» блок посредством Горы неоднократно пытался (первая попытка 29 января 1849 года) отправить реставрационное правительство страны в отставку, но терпел неудачу. Начавшийся 11 июня очередной конфликт «красных» с властью утром 13 июня 1849 года вылился в мирную демонстрацию. Левые газеты в этот день выходили с опубликованной в них «прокламацией к народу», объявлявшей президента, правительство «вне конституции». Однако 30-тысячная демонстрация довольно легко была разогнана армией, не встретив никакого сопротивления. Рабочие активного и массового участия в событиях не принимали, а мелкая буржуазия, выдвинувшаяся на роль основного субъекта, потерпела свое первое значимое поражение. Многие восприняли это поражение как «уход» ее с политической сцены и утверждали, что 13 июня «сломило» мелкую буржуазию. Однако этот подход недооценивал «живучесть», «динамичность» и «адаптивность» мелкой буржуазии, отмеченные выше.

Четвертый этап. Отмеченная точка зрения была опровергнута 10 марта 1850 года, когда на дополнительных выборах в Национальное собрание в Париже победили только кандидаты от «красной» партии. Затем Гора одержала победу и на подобных выборах 28 апреля 1850 года. Выборы констатировали: «красная» партия, Гора не только не были сокрушены 13 июня, но и, наоборот, стали набирать силу и авторитет в массах. Этому способствовала «игра» власти с налогом на вино, его сначала отменили на 1850 год, а в годовщину избрания Бонапарта президентом,

20 декабря 1849 года, реставрировали, что не могло не вызвать массового недовольства крестьян. Их недовольство вызвали и иные другие законы, направленные против интересов крестьян. На революционизацию крестьянства власть ответила законом 31 мая 1850 года, который отменял всеобщее избирательное право в стране. Буржуазная власть испугалась выборов, особо предстоящих во второе воскресенье мая 1852 года, выборов нового президента Франции. «Верхи» продолжали находиться в состоянии раскола и взаимной борьбы, а революционные силы, мелкая буржуазия и рабочий класс, сохраняя единство, продолжали расширять круг своих сторонников, включая избирателей. Сомнений у многих политиков того периода в итогах выборов в мае 1852 года не было, но они не состоялись. 2 декабря 1851 года Луи Бонапарт, используя армию, совершил государственный переворот. «Красная» партия потерпела свое второе значимое и окончательное поражение в революции 1848–1851 годов.

4. АНАЛИЗ МАРКСОМ ОСНОВНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ПОПУЛИЗМА

◆

Народ (*populus*)

Выше уже утверждалось, что февральская революция 1848 года во Франции была **народной** по своим движущим силам, и приводились доводы в обоснование этого тезиса, с точки зрения Маркса. Достаточно, вероятно, повторить, что, по его мнению, именно народ совершил февраль, что в феврале именно «народ поднялся на баррикады», что в февральских событиях именно победоносный народ победил роялистов.

Однако такой подход не решает, а лишь поднимает ряд иных вопросов. Например, как пишет Маркс, вопрос, который в тот момент поставила буржуазия: «Для кого же вы, каналы, совершили февральскую революцию, для *себя* или для *нас*?» [Маркс, 1956: с. 140]. Вопрос политический.

Другой вопрос – вопрос теоретический и на поверхностный взгляд – довольно простой, а что, собственно, такое народ? Вероятно, можно сказать, что этот вопрос – один из актуальнейших, важнейших и постоянно решаемых в рамках социологии. По мнению Валлерстайна, он возник после Великой французской революции в русле решения вопроса о суверенитете и является одним из самых запутанных. Как он пишет, «с самого начала так и не было достигнуто единого мнения о том, что такое «народ». Более того, ни одно из трех идеологических учений (консерватизм, либерализм, социализм – уточнение авторов) так и не имеет четкой позиции в этом щекотливом вопросе» [Валлерстайн, 2003: с. 80].

В более широком плане этот вопрос, по мнению Валлерстайна, трансформируется в проблему поиска субъекта истории, субъекта, который воплощает в себе суверенитет народа. В более узком плане, с его точки зрения, «еще труднее понять какие «группы» составляют «народ», но «самой трудной задачей из всех является вопрос о том, как можно выяснить волю

всего народа в целом. Как узнать, в чем она заключается? Для начала надо выяснить, чьи взгляды мы будем принимать в расчет – **граждан или всех людей, проживающих в данной стране** (выделено авторами)? И почему людей следует делить именно по этому признаку?» [Валлерстайн, 2003: с. 83], – пишет Валлерстайн. Но можно поставить и иные вопросы. В целом, по мнению Валлерстайна, утвердилось положение: «народ – источник верховной власти», а суверенитет принадлежит некому субъекту, именуемому «народом».

Народ – исторический феномен, он зависит, изменяется и определяется конкретной социально-классовой структурой конкретного общества. Он имеет сложную структуру, состоящую и объединяющую в своем единстве ряд классов и довольно значительное количество разнообразных социальных групп. Как следствие в феномене «народ» присутствуют как скрытые, так и открытые противоречия, проявляющиеся в противоположных интересах составляющих его социальных акторов. Противоположными оказываются как конкретные действия составных частей народа, так и его поведение в целом. Следует также отметить, что народ не просто многосложный, но и разно понимаемый феномен, его определения не только различны, но и противоположны, они во многом зависят не только от научной точки зрения автора, но и от его идеологической и политической позиции.

На основании изложенного можно поставить в рамках исследуемой проблемы еще ряд вопросов, ответы на которые помогут более глубоко понять сущность, содержание и формы данного феномена. В частности, «Каковы основные части народа?», «Если народ сложноструктурный феномен и возможен его раскол (гражданская война), то когда, почему, в каких условиях, как и какая одна из его составных частей становится доминирующей, определяющей или решающей?», «Кто и как понимает феномен «народ» и характеризует его?», «Кто и как понимает, выражает и отстаивает интересы народа?».

Маркс пытался ответить в ходе своего анализа французской революции на эти вопросы, но ответы его на них весьма противоречивы, что неудивительно, так как во многом такой подход яв-

ляется его методом исследования [подробнее см. Казаков, 2015; 2018] и построения текстов.

Так, наиболее простой пример. С одной стороны, Маркс, по существу, отождествляет между собой народ и пролетариат. Это вытекает из изложенного выше: народ совершил февраль, пролетариат с союзниками завоевал февральскую республику. Но более конкретно и определенно Маркс, например, писал, что в ходе июньской революции «народ оказывал сопротивление объединенным силам буржуазии и военщины». Однако, следует отметить, что, собственно, делал это самостоятельно только парижский пролетариат. Маркс также утверждал, что представители Национального собрания не понимали «как это народ мог отважиться *самостоятельно* отстаивать свои *самые кровные* интересы», но свои кровные интересы в июне 1848 отстаивал и защищал только пролетариат. Маркс также отметил: «*Обе части* Собрания чувствуют, что их отделяет от народа непроходимая пропасть. Никто не осмеливается поднять голос в защиту народа» [Маркс, 1956: с. 141], то есть в ходе июньских событий – пролетариата. Маркс также утверждает, что чистые республиканцы зверски злоупотребили физической силой по отношению к народу в июне 1848 года, то есть по отношению к пролетариату.

В этом плане следует отметить, что, с точки зрения английского историка Несты, Вебстер (1921): «Именно с этого времени (с 1848 года – уточнение авторов) слово «народ» все чаще употребляется в смысле «промышленный пролетариат», в котором им широко пользовались марксисты, в значительной степени спровоцировав этим разрыв между социализмом и демократией» [Вебстер, 2001: с. 130].

Вероятно, можно сказать, что такое отождествление пролетариата с народом было сделано Марксом для оценки и характеристики его поведения, во-первых, в конкретных условиях конкретного места и времени в рамках конкретного события, в частности, происходящего в Париже, население которого во многом составлял пролетариат. Во-вторых, пролетариат в этот момент выступал в Париже в качестве доминирующей и решающей силы его населения, а сам Париж – в качестве доминирующей и решительной силы народа страны. В-третьих, в более широ-

ком плане и в целом пролетариат еще не совсем и полностью выделился из народа, шел еще лишь процесс дифференциации населения, ведь кричал же пролетариат на своей демонстрации 17 марта 1848 года «Да здравствует временное правительство!». Однако, как писал Маркс, это кричал народ, опять отождествляя народ с пролетариатом.

С другой стороны, Маркс противопоставляет народ пролетариату. Впрочем, это не оценка Марксом их взаимоотношений, а констатация им реальных фактов. 4 мая 1848 года открылось Учредительное национальное собрание Франции, законодательный орган французской республики, «республики, признанной французским народом», буржуазной республики, которая подавила в крови июньское выступление пролетариата, и разгромила его в ходе развития революции, нанеся ему жестокое поражение. Иначе можно сказать: в июне 1848 года **народ нанес жестокое поражение пролетариату**, являясь по отношению к нему не просто оппонентом или противником, но и врагом.

Еще иначе – Маркс оценивает народ с разных точек зрения, вскрывает противоречивость в его поведении, разноплановость в его понимании. Народ или его отдельные части могут сыграть решающую роль в революции, как в ее наступательном развитии, так и в ее торможении. Они могут выполнять роль как авангарда революции, так и авангарда контрреволюции.

Вместе с тем в наиболее общем плане народ – главный решающий субъект происходящих событий, а также некий арбитр истории. Так, на примере французской революции 1848–1851 годов можно сказать, что, во-первых, именно народ решает, какие социально-политические силы необходимы как сейчас, в данный конкретный момент времени, так и в тактической и стратегической перспективе. Как, например, пишет Маркс, в ходе революции старые оппозиционные силы «в конце концов были выброшены народом все вместе, в виде сплошного отвратительного месива, на мусорную свалку истории» [Маркс, 1956: с. 45].

Во-вторых, участники революционного процесса во Франции видели в народе решающую силу, способную изменить ситуацию основательным образом, только Бонапарт в итоге отказал ему в этой роли, выбрав на его место армию.

В-третьих, как уже отмечалось, разные субъекты в разных конфликтных ситуациях апеллировали к народу, надеясь на его поддержку, его силу и возможность им разрешения конфликта в их пользу. Например, 13 июня 1849 года Гора перед своим выступлением с целью свержения существующего режима опубликовала «прокламацию к народу», в которой призывала его «подняться» против власти.

В-четвертых, как уже отмечалось, многие акторы «заигрывали» с народом или отдельными его частями в самых разнообразных формах, например, стремясь посредством его возвеличивания и воодушевления, путем лести и подачек привлечь его на свою сторону. Бонапарт, например, неоднократно публично угощал солдат сигаретами, шампанским, холодной дичью и колбасой с чесноком. Кроме того, он ездил по стране в сопровождении членов Общества 10 декабря, и при их помощи устраивал триумфальные для себя шествия, театральные шоу, маскарады, напоминавшие значимые события периода императорства его дяди. Эти события освещались большим официальным вестником – газетой «Moniteur», ежедневным правительственным органом. Собственно, Бонапарт реализовывал политику «хлеба и зрелищ» и был уверен, убежден, «что ему удалось таким путем воодушевить народ». Бонапарт вообще считал «себя в противовес буржуазии представителем крестьян и народа вообще, желающим осчастливить низшие классы народа в пределах буржуазного общества» [Маркс, 1957: с. 214].

В-пятых, в буржуазных обществах большое значение имеют выборы, происходящие в них на основе всеобщего избирательного права, поэтому в них «президент – правитель народной милостью», а его выборы – крупнейший козырь, пускаемый в ход суверенным народом раз в четыре года. Подчеркивая роль народа для своего избрания, президент Бонапарт, например, в своем послании Национальному собранию, открыто, публично и официально с пафосом заявлял: «Я, избранный народом и обязанный моей властью ему одному, всегда буду подчиняться его законно выраженной воле» [цит. по Маркс, 1957: с. 171].

В-шестых, некоторые акторы **пугали народом** других участников политического процесса. Например, после июньского

1848 года восстания пролетариата, разгромившие его буржуазные республиканцы рассчитывали, что будут «постоянно держать в страхе большинство буржуазии, поставив перед ней дилемму июньских дней: *царство «National»* или *царство анархии»* [Маркс, 1956: с. 42], то есть «политическая власть народных масс». Таким путем они надеялись «увекочить» свое правление в стране и добиваться необходимых для себя решений от других акторов. В другом варианте – пугали не властью народа, а судом народа. Так, после 31 мая 1850 года, то есть отмены всеобщего избирательного права, президент Франции Бонапарт «занимался форменным шантажом. Национальное собрание, с его помощью и с его ведома (уточняет Маркс – уточнение автора), осквернило суверенитет народа. Он угрожал предать это преступление суду народа, если Собрание не раскошелится и не купит его молчание за 3 миллиона франков в год» [Маркс, 1957: с. 166].

В-седьмых, иные субъекты (но не как актеры театра) сознательно и самозвано присваивали себе имя народа, действовали и выступали от его имени или публично объявляли себя представителями и защитниками его интересов. Так, демократическая партия, представляя объективно лишь мелкую буржуазию, класс, в котором взаимно притупляются интересы двух основных классов буржуазного общества (пролетариата и буржуазии), вообразила и воображала сама себе, что она (и партия и класс) вообще стоит выше классового антагонизма. Более того, что «вместе со всеми остальными слоями нации они составляют *народ*. Они стоят за *народное право*; они представляют *народные интересы»* [Маркс, 1957: с. 151].

Вероятно, мелкобуржуазные демократы, как и иные буржуазные республиканцы, путали разные понимания народа или просто не понимали, что на «народ» существуют разные точки зрения, что феномен «народ» может пониматься по-разному. Они исходили только из его, во многом формального, политического понимания и видели в большинстве французов лишь политически равных граждан с одинаковыми интересами и взглядами, поэтому в их сознании складывался лишь образ воображаемого ими народа. «Но выборы (весной 1848 года – уточнение авторов) вместо их воображаемого народа показали действительный

народ, т. е. представителей различных классов, на которые он распадается» [Маркс, 1956: с. 26]. Иначе Маркс исходил не из политического, а классового подхода при понимании им феномена «народ».

Важно отметить, с точки зрения Маркса, в период последних полутора лет (написано в 1852 году), в период, который демократами воспринимался как период простой борьбы между республиканцами и роялистами, стали возникать так называемые **народные партии**.

С точки зрения демократов, эта борьба являлась борьбой с «реакцией», которая позволяла им (демократам) изрекать лишь банальности. Сама же «реакция», различные фракции роялистов, объединялись в своей общей ненависти к «республике» и в своей общей борьбе против нее. Конкретно, эта борьба была направлена против прессы, союзов и иных прав граждан, она проявлялась в форме грубого полицейского вмешательства бюрократии, жандармерии и суда в их деятельность. Народные партии и возникают для борьбы с «реакцией» в противоположность роялистским заговорщикам, для защиты «республики», «вечных прав человека» и для отражения перечисленных конкретных атак «реакции». Более конкретно – в тот период во Франции эти функции выполняла Гора.

Фиксируя эту точку зрения демократов об их борьбе с роялистами и властью, об атаках последних на демократов, Маркс конкретно пишет о ней: «Гора», со своей стороны, столь же непрерывно занята отражением этих атак, защитой «вечных прав человека», как это более или менее делала в течение последних полутора лет всякая так называемая **народная партия** (выделено авторами)» [Маркс, 1957: с. 144]. А далее он, оценивая отмеченную позицию демократов, уже сам утверждает: «При более внимательном анализе ситуации и партий исчезает эта обманчивая видимость, скрывающая *классовую борьбу* и своеобразную физиономию этого периода» [Маркс, 1957: с. 144].

Отметив близость этого высказывания Маркса из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» приведенному выше его высказыванию из «Классовой борьбы во Франции» и сравнивая их, можно сделать ряд выводов. Во-первых, «народными» называют

сами себя мелкобуржуазные партии, это их самооценка, самих себя. Во-вторых, к таким партиям относится Гора, как парламентская фракция (партия) или как представительница демократической партии, социально-демократической партии, красной партии и т. д. В-третьих, оценка подобных партий как «народных», не только их самооценка, но и воображаемая ими оценка, она отражает не реальную объективную действительность, а лишь некое желаемое ими, некое ими воображаемое. Эта оценка формальная, политическая, не социально-классовая, подобного рода партии не являются действительно народными партиями действительного народа.

Маркс, не специально и целенаправленно, но пишет, на примере партии Горы периода французской революции 1848–1851 годов, о целях, задачах (программе) народной (красной) партии (People's [Populist] Party), а также о путях и средствах их реализации. Выше авторами уже уделялось внимание этой проблеме, но оно не было систематизировано.

В наиболее общем плане, с точки зрения Маркса, материальные интересы мелкой буржуазии требовали и требуют существования в обществе и государстве демократических учреждений и институтов, включая выборы. Однако Маркс подчеркивает, эти учреждения необходимы ей и ее партиям не для того, чтобы уничтожить наемный труд и капитал, а для того, чтобы ослабить или превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы «революционные» меры и средства не предлагались или не применялись мелкой буржуазией и ее партиями, они не могли привести ни к воображаемому ими, ни к реальному уничтожению буржуазного общества и государства. Эти меры и средства не устранили и классовую борьбу (одна из целей мелкой буржуазии и народных партий). Они не спасали существующее общество и от пролетарских революций (другая цель красных партий). Они лишь перестраивали в той или иной качественной мере буржуазное общество демократическим путем, путем мирным и, в основном, посредством общенациональных выборов и парламентской борьбы, «парламентским восстанием» (например, блокированием его работы) или «восстанием в пределах чистого разума». В ином крайнем и нежелательном

варианте – посредством массовых, но мирных, уличных антиправительственных демонстраций и митингов (как, например, 13 июня 1849 года).

Более конкретно указанные цели проявлялись в решении ряда, по Марксу, задач. Во-первых, в постоянной борьбе против диктатуры буржуазии, особо против диктатуры контрреволюционной крупной буржуазии, проявившейся во Франции приходом к власти «партии порядка», имеющей реставрационные антиреволюционные устремления. В ином варианте – борьбы против авторитарных, диктаторских тенденций возникшей и существующей власти в любой ее форме.

Во-вторых, как уже отмечалось, в конкретном преобразовании буржуазного общества путем различных реформ посредством разнообразного законотворчества (например, законопроект о «любобвных соглашениях»), но в первую очередь принятием новой конституции, ее изменения или препятствием к ним (например, в отказе от изменения статьи 45 конституции, не предусматривающей повторное избрание Луи Наполеона президентом страны).

В-третьих, решением вопроса пролетариата. Важнейшей задачей мелкой буржуазии и ее партий, с их точки зрения, являлось **самостоятельное** сокрушение буржуазии и ее власти без помощи пролетариата, без развязывания им активности и инициативы. Пролетариат должен быть изолирован и использован только для решения задач мелкой буржуазии, без того, чтобы стать для нее опасным. В более широком плане – задачей мелкой буржуазии является и сковывание действий **действительного народа**. Как утверждает Маркс, «демократические вожди в марте и апреле (1850 года – уточнение авторов) сделали все, чтобы вовлечь парижский народ в мнимую борьбу, подобно тому как они после 8 мая (1849 года – уточнение авторов) делали все, чтобы удерживать его от действительной борьбы» [Маркс, 1957: с. 164].

Мелкая буржуазия стремилась и стремится, хочет быть полностью самостоятельной, независимой и суверенной. Она желает обладать свободой воли, сама делать свой выбор, сама принимать свои собственные решения, а не зависеть от иных акторов или быть кем-то руководимой, например, с точки зрения марк-

сизма, пролетариатом или его партиями. Мелкий буржуа – хотя и номинальный, но собственник, он воспринимает себя хозяином, он руководит и управляет, и не желает быть руководимым. Мелкий буржуа не согласен и даже против гегемонии рабочего класса в возможной или уже происходящей революции, в ней он стремится выполнять роль независимого и самостоятельного актора, решать собственные задачи и достигать собственных целей, а не целей иных игроков, хотя бы и союзников. Однако мелкая буржуазия занимала и занимает антикапиталистические позиции, она борется против существующего общества и существующего государства, но вместе с тем она и «не горит желанием» присоединиться к пролетариату и реализовывать его цель – построение социализма. Последний воспринимается ею как угроза ее собственности, угроза ее независимости и свободе. Поэтому отрицая капитализм, но не воспринимая и социализм, она ищет иной путь. Если исходить из логики Маркса, базирующейся на существовании «красной партии» и возможности возникновения «красной республики», то этот путь можно определить как «красный путь». В современной терминологии и в рамках современной логики этот путь многими исследователями квалифицируется как «третий путь»: ни капитализм, но и не социализм. Кроме того, этот путь и его идеологию, особо в советский период, часто определяли, как **популизм** (от латинского *populus* – народ). Маркс не использовал этот термин, он выкристаллизовался позже – в последней трети XIX века. Также «третий путь» можно охарактеризовать в рамках такой логики как в целом путь «не системный» или «внесистемный».

Следует также отметить, что в рамках «третьего пути», направленного на преобразование старого общества, его изменение в любых вариантах, как правило, отсутствует какая-либо четко выработанная стратегия, направленная на достижение установленных целей и идеалов. В рамках «красного пути» осуществляются в основном непосредственные действия, реализующие решение конкретных задач в рамках конкретного времени и конкретного пространства.

В-четвертых, мелкая буржуазия стремилась и стремится к сохранению завоеванных в революции демократическо-респуб-

бликанских учреждений как орудий преобразований существующего общества. Иначе – она ориентировалась на сохранение республики, особо в ее наиболее развитой форме, и на сохранение демократии, также в ее наиболее развитой и последовательной форме.

В-пятых, специфическим синтезом и фокусом указанных выше целей и задач, на решение которых были направлены усилия мелкой буржуазии, является проблема выборов и всеобщего избирательного права.

Выборы

Отношение Маркса ко всеобщему избирательному праву и выборам весьма неоднозначно. С одной стороны, оно весьма критично. Выборы не представляют собой волшебной палочки, с помощью которой можно однозначно и окончательно изменить объективную реальность (буржуазное общество и государство), считать иначе могут только республиканские простаки, включая мелкобуржуазных демократических республиканцев, красную партию. В буржуазном обществе и государстве, каковой была Франция анализируемого периода, именно «всеобщее избирательное право отдало судьбу Франции в руки номинальных собственников, составляющих громадное большинство французского народа, – в руки *крестьян* (мелкой сельской буржуазии – уточнение авторов). Разбив корону, за которой прятался капитал, февральская республика привела, наконец, к **открытому господству буржуазии** (выделено авторами)» [Маркс, 1956: с. 15]. Господству буржуазии в форме уже не февральской республики с социальными учреждениями, а реконструированной буржуазной республики. Если первую можно считать с оговорками народной, то вторую и признанную французским народом, однозначно – буржуазной, более того, результатом всеобщего избирательного права и всеобщих выборов. «Всеобщее избирательное право признало право буржуазии на эту диктатуру (диктатуру буржуазии – уточнение авторов) 4 мая 1848 г., 20 декабря 1848 г., 13 мая 1849 г., 8 июля 1849 года. Господство буржуазии как вывод и результат всеобщего избирательного права, как категорический

акт суверенной воли народа – вот смысл буржуазной конституции» [Маркс, 1956: с. 95], – пишет Маркс.

Кроме того, Маркс хорошо понимал, что власть может использовать выборы в своих целях, превращая их или в некую «игру», или в средство шантажа. Так, например, в соответствии с принятой в 1848 году конституцией ее пересмотр мог быть возможен только в 1852 году особым созданным специально для этой цели национальным собранием. Но находящаяся у власти партия порядка, партия крупной буржуазии решила пересмотреть ее при помощи избранных на местах департаментских советов. Как вопрошает Маркс, «если бы большинство департаментских советов высказалась за пересмотр, – неужели голос Франции не заставил бы Национальное собрание пожертвовать девственностью конституции?» [Маркс, 1956: с. 74]. Иначе: несмотря на конституционный запрет – пересмотреть, изменить конституцию вопреки содержанию ее самой. Но несмотря на давление, оказываемое на департаментские советы, они высказались против пересмотра конституции. Их «Громадное большинство не хотело понимать назойливых внушений. Пересмотру конституции помешало то самое орудие, которое должно было вызвать его к жизни: голосование департаментских советов» [Маркс, 1956: с. 74]. Иначе – выборы могут не всегда отражать действительную волю народа из-за позиции исполнительной власти и навязывания ею своей воли народу.

С другой стороны, Маркс подчеркивает значимость выборов и всеобщего избирательного права. В частности, с его точки зрения, они в процессе своей реализации развязывают и обостряют классовую борьбу и этим самым заставляют различные средние слои буржуазного общества быстро избавляться от своих иллюзий. Выборы принуждают мелкую буржуазию и даже крестьянство смотреть на действительность с позиции реальности. Кроме того, они срывают маски с различных акторов и раскрывают их истинную, классовую сущность. Как уже отмечалось, именно выборы вместо воображаемого народа показывают каков реальный, действительный народ. Но самое главное – выборы в буржуазном обществе устанавливают законную, официальную и легальную власть, легитимизируют ее, делают ее признанной народом.

С этой точки зрения пролетариат первоначально потерпел поражение не в июне 1848 года, а значительно раньше. Своей демонстрацией в Париже 17 марта 1848 года он не мог добиться переноса выборов в Национальное собрание и в командование национальной гвардии на более поздний срок. Иначе: представители и вожди пролетариата не смогли провести разъяснительную работу среди населения, особенно в провинции. Это событие и еще ряд иных привели к поражению пролетариата в избирательной компании весны 1848 года и формированию буржуазной республики.

Также с этой же точки зрения «избирательная победа крестьянства» 10 декабря 1848 года, как отмечает Маркс, представляла собой по форме государственный переворот и означала «свержение», отстранение от власти буржуазных республиканцев – «палачей» пролетариата в июньском восстании. Более того, крестьяне своими голосами, по существу, уже в этот момент забаллотировали не только буржуазных республиканцев, но и буржуазную республику (республику богачей) в целом. На выборы они шли со знаменами и музыкой, скандируя «Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!» [Маркс, 1956: с. 43]. Маркс указывает на ошибку буржуазных республиканцев – разработав «свое собственное детище», конституцию буржуазной республики, они, хоть и с предосторожностью, призвали ее к жизни, поспешив назначить президентские выборы, так как были уверены в победе своего кандидата – Кавеньяка. Однако первый день применения конституции, день всеобщих национальных выборов, 10 декабря 1848 года, стал днем оглашения для них смертного приговора: Кавеньяк получил лишь один миллион голосов, а Луи Бонапарт – шесть миллионов.

Проанализировав данные выборы (10 декабря 1848 года) и ряд других и на основе своего понимания, что крестьяне – громадное большинство французского народа, что оно совместно с мелкой буржуазией представляет собой подавляющую массу. Маркс приходит к весьма неоднозначному, но в большой степени значимому заключению: «Посредством всеобщего избирательного права она (конституция – уточнение авторов) дает политическую власть тем самым классам, социальное рабство которых

она должна увековечить, – пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую социальную власть она санкционирует, – буржуазию – она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в **демократические рамки** (выделено авторами), которые на каждом шагу содействуют победе противников буржуазии и ставят на карту самые основы буржуазного общества. От одних она (конституция – уточнение авторов) требует, чтобы от политического освобождения они не шли вперед к социальному, от других – чтобы от социальной реставрации они не шли назад к политической» [Маркс, 1956: с. 41].

Этим самым Маркс, во-первых, подводит теоретическую базу под один из вариантов возможного и реального «красного пути» (другой вариант, например, массовые уличные антиправительственные демонстрации), а более конкретно – указывает на значимость второго воскресенья мая 1852 года, даты новых президентских выборов (о чем речь уже шла выше). В этот день должна была измениться исполнительная власть во Франции. Вместо Наполеона должна была бы быть избрана новая историческая фигура. За кого бы проголосовали крестьяне, иные группы мелкой буржуазии и все вообще средние социальные слои населения Франции? Как уже отмечалось, ряд промежуточных выборов в Национальное собрание, произошедших в 1850 году, «окрылил» Гору и мелкую буржуазию и породил у них большие надежды. То есть, собственно, избирательное право и выборы – это объективно-реальное средство борьбы против буржуазии, но оно может быть использовано различными классами и политическими силами. Однако классами, в первую очередь имеющими большинство в населении страны, классами, представленными большинством избирателей.

Во-вторых, в более широком плане Маркс утверждает, что созданная буржуазией **демократия** своими собственными рамками, своим собственным содержанием, не только конкретно выборами, а всеми своими институтами подрывает и уничтожает политическую власть буржуазии и само буржуазное общество в целом. Более конкретно Маркс пишет: «Буржуазия правильно поняла, что все виды оружия, выкованные ею против феодализ-

ма, обращались своим острием против нее самой, что все созданные ею средства просвещения восстали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее. Она поняла, что все так называемые гражданские свободы и органы прогресса посягали на ее *классовое господство* и угрожали ему как со стороны его социальной основы, так и со стороны его политической верхушки, следовательно, стали «*социалистическими*» [Маркс, 1957: с. 160]. По мнению Маркса, как только господство буржуазии а) вполне организовывается, б) находит свое чистое политическое выражение, в чистом виде начинает выступать антагонизм буржуазии со всеми другими классами общества. Более того, он (антагонизм) принимает опасный для буржуазии характер, так как становится всеобщим и политическим: «*Всякая борьба против государственной власти превращается в борьбу против капитала*» [Маркс, 1957: с. 161].

В этом плане интересны произошедшие 10 марта 1850 года дополнительные выборы в законодательный орган страны, они состоялись для замены депутатов, которые после событий 13 июня 1849 года попали в тюрьму или оказались в изгнании. Как уже отмечалось, Париж по их результатам выбрал только кандидатов социально-демократической (красной) партии. И, как пишет Маркс, «*всеобщее избирательное право 10 марта прямо высказалось против господства буржуазии, – буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классовой борьбы*» [Маркс, 1957: с. 165].

Как следствие этого факта и иных событий буржуазия заняла весьма специфическую позицию: «*Осуждая как «социализм» то, что она раньше превозносила как «либерализм», буржуазия признает, что ее собственные интересы предписывают ей спастись от опасности собственного правления; что для восстановления спокойствия в стране надо прежде всего успокоить ее буржуазный парламент; что для сохранения в целостности ее социальной власти должна быть сломлена ее политическая власть; что отдельные буржуа могут продолжать эксплуатировать другие классы и невозмутимо наслаждаться благами собственности, семьи, религии и порядка лишь при условии, что буржуазия как класс, наряду*

с другими классами, будет осуждена на одинаковое с ними политическое ничтожество; что для спасения ее кошелька с нее должна быть сорвана корона, а защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, повиснуть над ее собственной головой» [Маркс, 1957: с. 161].

В таких условиях, во Франции они конкретно сформировались к началу 1851 года, буржуазия раскалывается на части. Во Франции, в частности, возникли две ее основные части: парламентская партия порядка и внепарламентская масса буржуазии. Первая часть «своими криками о необходимости спокойствия сама себя отправила на покой; если она, уничтожая собственной рукой в борьбе с другими общественными классами все условия своего собственного режима, парламентского режима, объявляла политическое господство буржуазии несовместимым с безопасностью и существованием буржуазии» [Маркс, 1957: с. 193]. Эта партия, желая сохранить свои властные привилегии и льготы, а также реализовать свои реставрационные устремления, в тех или иных формах противилась авторитарным тенденциям, проявляющимся у президента Луи Бонапарта.

Вторая (внепарламентская) часть буржуазии «своим хлопским отношением к президенту, поношением парламента, зверским обращением с собственной прессой вызывала Бонапарта на подавление, на уничтожение ее говорящей и пишущей части, ее политиков и литераторов, ее ораторской трибуны и прессы – и все это для того, чтобы она могла спокойно заниматься своими частными делами под покровительством сильного и неограниченного правительства (авторитарного – уточнение авторов). Она недвусмысленно заявляла, что страстно желает избавиться от собственного политического господства, чтобы избавиться от сопряженных с господством трудов и опасностей» [Маркс, 1957: с. 193]. Иначе: она желала поступиться своей политической властью в пользу авторитаризма, власти диктатора, который взял бы на себя функции «нейтрального» судьи и навел бы «порядок» в стране при существующем буржуазном «парламенте страусов» в рамках буржуазного общества и буржуазного государства. Эта часть буржуазии жертвовала своими общеклассовыми, в первую очередь политическими, интересами ради самых узких и гряз-

ных, собственных частных интересов. Она требовала «от своих представителей безропотной передачи военной силы из рук своего собственного парламента в руки претендента-авантюриста», она (эта часть буржуазии) «не стоила даже тех интриг, которые пускались в ход в ее интересах. Она показала, что борьба за ее *общественные* интересы, за ее *собственные классовые интересы*, за ее *политическую власть*, являлась помехой для ее частных делишек, лишь тяготит и раздражает ее» [Маркс, 1957: с.192].

На базе высказанных идей, изложенных выше (и иных других), Марксом формируется концепция непрерывной революции.

Непрерывная революция и ее интерпретация

В советской научной литературе утверждалось, что «идея непрерывной революции органически вытекала из взглядов основоположников марксизма на особенности революционного движения в XIX веке и перспективы его развития. Элементы этой идеи складывались у Маркса и Энгельса еще до событий 1848–1849 годов, а сам термин появился в произведениях Маркса еще раньше – в 1844 году» [История..., 1986: с. 348]. С другой стороны, высказывается точка зрения, что первые формулировки концепции непрерывной революции «появились осенью 1847 г. в работах Энгельса «Коммунисты и Карл Гейцен» и «Принципы коммунизма». Наиболее полно эта концепция была разработана в произведении «Классовая борьба во Франции» и особенно в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» [Международное..., 1976: с. 491].

Действительно в «Классовой борьбе во Франции» Маркс более определенно высказывает **идею** непрерывной революции, она весьма многосложна и неоднозначна. Указав на классовую сущность различных видов социализма, включая доктринерский социализм мелкой буржуазии, который лишь претенциозно подчеркивает один из переходных моментов социального переворота (социальной революции), Маркс, излагая сущность революционного социализма (коммунизма), обосновывает и раскрывает идею непрерывной революции.

В частности, он пишет: «*Пролетариат* все более объединяется вокруг *революционного социализма*, вокруг *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем *Бланки*. Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений» [Маркс, 1956: с. 91; 163].

Это высказывание Маркса – одно из самых фундаментальных в его теории и кратко излагающих ее сущность. Во-первых, коммунизм как конечная цель есть: а) уничтожение классовых различий вообще, уничтожение классов, но не социальных групп; б) уничтожение таких производственных отношений, на которых «покоятся» классовые различия; в) уничтожение таких общественных (социальных) отношений, которые соответствуют производственным отношениям, основанным на классовых различиях. Иначе можно сказать: коммунизм есть не уничтожение собственности, и как показывает в других своих работах Маркс, а ее обобществление. Следует также отметить, что мелкая буржуазия, как собственник, была не согласна и даже выступала, часто активно и наступательно (июнь 1848 года), против уничтожения классовых различий.

Во-вторых, коммунизм как движение или процесс есть непрерывная революция, приводящая к установлению классовой диктатуры пролетариата (социализму), как необходимой, но переходной ступени к уничтожению классовых различий. То есть непрерывная революция есть процесс, состоящий из ряда различных качественных этапов.

В-третьих, сразу же после приведенной цитаты Маркс заключает: «Рамки нашего изложения не позволяют нам подробнее остановиться на этом вопросе» [Маркс, 1956: с. 91]. Точнее, в вопросах или проблемах, касающихся революционного коммунизма или социализма, включая проблему непрерывной революции. Однако в других своих работах Маркс углубляет идею непрерыв-

ной революции рядом теоретических положений, превращая ее в концепцию.

К таким идеям следует отнести: А) идею о развитии революции по восходящей или нисходящей линии. Так, в первой французской революции (Великой французской революции 1789–1794 годов) к власти приходили и последовательно господствовали: конституционалисты, жирондисты, якобинцы. «Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии» [Маркс, 1957: с. 141]. Как считает Маркс, «обратное происходит в революции 1848 года. Пролетарская партия выступает как придаток мелкобуржуазной демократической партии. Последняя ей изменяет и способствует ее поражению 16 апреля, 15 мая и в июньские дни» [Маркс, 1957: с. 141]. После июньских дней к власти приходит буржуазно-республиканская партия, затем – партия порядка, а после нее – Луи Бонапарт, опирающийся на плечи вооруженной силы. «Каждая партия лягает напиральную на нее сзади партию (более передовую и революционную – уточнение авторов) и упирается в спину той партии, которая толкает ее назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии. Она оказывается втянутой в это попятное движение еще прежде, чем была убрана последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть» [Маркс, 1957: с. 141–142]. В таком процессе и после ряда конкретных событий или возникших ситуаций революция 1848–1851 годов в конечном итоге потерпела поражение.

Однако если исходить только из приведенной цитаты, то можно не совсем адекватно понять Маркса, так как он в духе своей методологии излагает фактически и иную противоположную точку зрения.

После июньского 1848 года восстания пролетариата (пролетарской революции, которая, по утверждению Маркса, и не мог-

ла победить) и его поражения в революцию с необходимостью активно включилась городская мелкая буржуазия, особенно парижская, так как она была вынуждена защищать свои материальные интересы. После 10 декабря 1848, поражения буржуазных республиканцев и прихода к власти, имеющей реставрационные устремления партии порядка, в революцию, как уже указывалось, активно включилась сельская мелкая буржуазия – крестьянство. Иначе можно коротко и схематично сказать: революция теряла свое качество (по целям, задачам, возможным результатам, движущим силам и т. д.), но приобретала количество, значительно расширялась ее социальная база, что открывало перед ней качественно урезанные, но более реальные и более вероятные перспективы. Вероятность установления в стране пролетарской республики, по мнению самого Маркса, была нулевой, в большей степени была вероятность утверждения «красной» республики (например, после 13 июня 1849 года), но и она не реализовалась в действительности. Не реализовалась и возможность утверждения во Франции и буржуазной республики, действительно последовательно демократической республики, но не реализовалась и возможная и реальная возможность реставрации монархии, хотя бы и буржуазной, а утвердился авторитарно-популистский режим Луи Бонапарта. В настоящее время взаимосвязь и взаимозависимость авторитаризма и популизма рассматривается как закономерность.

Б) Более конкретно рассмотренная выше идея (о нисходящей линии революции 1848 года) проявляется в другом теоретическом положении Маркса, высказанном им еще в «Классовой борьбе во Франции». В частности, он писал, что французская республика (и французская революция) пережила после июньского поражения пролетариата и снятия осадного положения с 19 октября 1848 года «беспрерывный ряд лихорадочных встрясок». К ним Маркс относит совершенно различные события, среди них и малозначимые, но все они в той или иной мере оказывали различное влияние на ход и развитие революции. Многие из данных событий и процессов, включая непрерывную борьбу между Учредительным собранием или Национальным собранием и учрежденной республикой, часто возвращали «революцию

к ее исходному пункту» (о чем речь шла выше в рамках анализа третьей точки бифуркации). События такого типа превращали победителя в побежденного, побежденного – в победителя, в одно мгновение изменяли положение партий и классов, создавали их разрывы и соединения. Как пишет Маркс, «в этом вихре движения, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны были исчислять неделями периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями» [Маркс, 1956: с. 60].

В качестве одного из конкретных примеров развития подобного рода ситуаций в ходе протекания революции этого периода Маркс приводит закон от 31 мая 1850 года – об отмене всеобщего избирательного права, определяя его государственным переворотом буржуазии. В частности, Маркс пишет: «Все ее прежние победы над революцией носили лишь временный характер. Они делались сомнительными, как только существующее в данный момент Национальное собрание уходило со сцены. Они (победы буржуазии – уточнение авторов) зависели от случайностей новых общих выборов, а история выборов со времени 1848 г. неопровержимо доказала, что моральная власть буржуазии над народными массами ослабевала по мере того, как крепла ее фактическая власть. Всеобщее избирательное право 10 марта прямо высказалось против господства буржуазии – буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классово-вой борьбы» [Маркс, 1957: с. 165].

Иначе, по Марксу, революция развивается не только в соответствии с прямолинейными восходящим и нисходящим трендами, но в конкретном варианте значительно сложнее. Она имеет временные и ситуативные резкие и постепенные подъемы и спады, многочисленные «победы» и «поражения» (временные и краткосрочные) различных классов или социальных групп. В этом плане революция имеет волнообразный и даже циклический характер.

В) – идея о роли и значимости в революции (непрерывной революции) крестьянства, точнее идея о необходимости в странах

с многочисленным крестьянством союза в процессе революции пролетариата и крестьянства для ее ускоренного и успешного ее развития. В первой публикации «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», изданной И. Вейдемейером в мае 1852 в Нью-Йорке (журнал «Die Revolution»), Маркс отмечал: «Разочаровавшись в наполеоновской реставрации, французский крестьянин расстается и с верой в свою парцеллу; все построенное на этой парцелле государственное здание рухнет, и *пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню*» [Маркс, 1957: с. 606–607]. Во втором издании работы 1869 года — это высказывание отсутствует.

Данную мысль о необходимости в пролетарской революции и непрерывной революции в частности, союза пролетариата и крестьянства, Маркс подчеркнул и в своем письме к Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 года: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» [Маркс, 1962: с. 37].

Следует отметить, что в данном высказывании Маркс пишет о союзе пролетариата не с мелкой буржуазией вообще, в целом, не со всей мелкой буржуазией, а о союзе пролетариата, только в данном случае, в рамках данной позиции, с сельской (а не городской) мелкой буржуазией, с крестьянством. В рамках данной позиции, с точки зрения Маркса, крестьянство объективно занимает (имеет) более революционно-антикапиталистическое положение чем городская мелкая буржуазия, так как последняя в силу разных причин (объективных и субъективных) в капиталистическом обществе будет эксплуатировать мелкобуржуазный крестьянский класс. В «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» (март 1850 года) К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Первым вопросом, из-за которого возникнет конфликт между буржуазными демократами и рабочими, будет уничтожение феодализма. Как и в первой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. захотят сохранить сельский пролетариат и создать мелкобуржуазный крестьянский класс, который дол-

жен будет проделать тот же кругооборот обнищания и растущей задолженности, в котором еще находится теперь французский крестьянин» [Маркс, 1956: с. 265]. Иначе несколько схематично, упрощенно и условно можно сказать, что, по Марксу, одним из основных вопросов пролетарской и непрерывной революции является крестьянский вопрос, **вопрос крестьянства**, вопрос его собственности, аренды, налога, ренты, ипотеки, кредита и т. д., то есть вопрос эксплуатации крестьянства в рамках капиталистических и даже полу- и докапиталистических отношений. Вопрос о власти, можно сказать, конкретно-исторически является вторым, он решается после положительного решения первого вопроса, вопроса крестьянства.

В концепцию непрерывной революции также входят многие иные идеи, рассмотренные выше, например, о роли и значимости всеобщего избирательного права. Как уже отмечено, в наиболее широком, но ином, качественно отличном варианте, концепция непрерывной революции изложена Марксом совместно с Энгельсом в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов».

Следует отметить, что данная работа писалась для анализа конкретной ситуации в Германии (однако многие ее положения имеют общетеоретический характер). И уже поэтому это качественно иной вариант как анализа, так и возможного конкретного протекания непрерывной революции в Германии, иная модель, качественно отличная от изложенной выше французской модели.

Например, в этой, условно говоря, германской модели совершенно иная структура демократической или красной партии, она состоит, как пишет Маркс, из трех элементов, из трех фракций. Первая – наиболее прогрессивные части крупной буржуазии, которые ставят перед собой целью «немедленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма». Вторая фракция – демократически-конституционных мелких буржуа, имеющих целью создание более или менее демократического федеративного государства. Третья – республиканские мелкие буржуа, «идеалом которых является германская федеративная республика вроде швейцарской и которые теперь называют себя «красными» и «социальными демократами» потому, что проникнуты благим

намерением уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, мелкого буржуа крупным буржуа. Представителями этой фракции были члены демократических конгрессов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет» [Маркс, 1956: с. 259]. И далее Маркс продолжает и указывает: «Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения, «республиканцами» или «красными», совершенно так же, республиканские мелкие буржуа во Франции называют себя теперь социалистами» [Маркс, 1956: с. 259].

Первая фракция красной партии в германской модели отсутствует в красной партии во французской модели. Вторая фракция ситуативно и временно могла бы войти во французскую красную партию и участвовать во французской революции в рамках четвертой точки бифуркации. И только третья фракция германской красной партии германской модели во многом идентична французской красной партии. Это принципиальное отличие во многом обусловлено различием уровней или степенью (этапами) развития французской и германской революции, которая протекала на более низком этапе, чем французская, а также различием социально-классовой структуры французского и немецкого обществ.

Мелкобуржуазно-демократическая (красная) партия имеет довольно широкую социальную базу, она «охватывает не только значительное большинство бюргерского населения городов, мелкого торгово-промышленного люда и ремесленных мастеров: за ней идут крестьяне и сельский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов» [Маркс, 1956: с. 260].

Красная партия далека от мысли произвести социальный переворот в обществе в интересах пролетариата. Мелкие буржуа «стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество (капиталистическое – уточнение авторов)» [Маркс, 1956: с. 260]. Более конкретно: немецкая красная партия требовала сокращения государственных расходов за счет «ограничения бюрократии» и переложения основных налогов на крупных буржуа и землевладельцев. Она стремилась к устранению давления на мелкий капитал в первую очередь за

счет создания государственных кредитных учреждений и законов против ростовщичества с целью получения дешевых кредитов и ссуд на льготных условиях. Мелкая буржуазия стремилась и к противодействию политическому господству крупного капитала, а также его быстрому росту путем ограничения права наследования, передачи в руки государству возможно большего количества производственных работ и функций. Наемные работники должны получать лучший заработок и более обеспеченное существование. Мелкие буржуа «надеются достигнуть этого отчасти предоставлением занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности, – словом, **они надеются подкупить рабочих** (выделено авторами) более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу временным улучшением их положения» [Маркс, 1956: с. 260–261].

Чтобы добиться перечисленных требований мелкой буржуазии, необходимо было демократическое государственное устройство, которое давало бы им большинство в законодательных органах, а также демократическое местное самоуправление, которое давало бы им в руки непосредственный контроль над общинной собственностью и выполнение ряда функций государственной бюрократии.

Как пишет Маркс, все эти меры – меры «затушевывания классовых противоречий», они не могут удовлетворить партию пролетариата. «В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы **сделать революцию непрерывной** (выделено авторами) до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев» [Маркс, 1956: с. 261].

В ходе непрерывной революции с неизбежностью возникает вопрос: каково должно быть отношение пролетариата к мел-

кобуржуазной демократии? Ответ на него, как пишет Маркс, зависит от ситуации, от этапа развития непрерывной революции, которых в данном варианте (германской модели) три. Первый этап (первая ситуация) – мелкобуржуазные демократы и мелкая буржуазия в целом находятся, как и пролетариат, в угнетенном положении. Вторая ситуация – ситуация революционной борьбы, в которой мелкие буржуа добиваются своего перевеса, «преобладающего влияния». Третья ситуация – ситуация после завершения борьбы, когда мелкие буржуа добиваются власти и имеют перевес, как над низвергнутыми классами, так и над пролетариатом.

Маркс в данном случае пишет об этапах непрерывной революции в возможной ее германской модели (варианте), но, как показано выше, французская модель непрерывной революции была совершенно иной.

Первая ситуация (германская модель). Демократические мелкие буржуа проповедуют пролетариату единение и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии (этого не было первоначально во французской модели – уточнение авторов). Единая партия должна была бы охватить все оттенки в демократической партии, т. е. мелкие буржуа стремились к тому, «чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социально-демократические фразы, за которыми **скрываются** (выделено авторами) их особые интересы, и где ради столь желанного мира (классового мира – уточнение авторов) не должны быть выставлены особые требования пролетариата» [Маркс, 1956: с. 261–262]. В этой ситуации пролетариат выступает в роли придатка официальной буржуазной демократии, он теряет свою самостоятельную позицию и опускается до роли хора, одобрительно рукоплещущего демократам. Они же к такому союзу, по мнению Маркса, относятся несерьезно, не хотят, чтобы пролетариат обладал равными с ними правами и силой, они также яростно критикуют и преследуют самостоятельно организованных рабочих. Однако, когда «необходимо вести прямую борьбу против такого (общего – уточнение авторов) противника, интересы обеих партий на время совпадают, и как бывало до сих пор, так и в

будущем сам собою возникает такой союз, рассчитанный лишь на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и во всех предыдущих, главным образом рабочим придется завоевывать победу своим мужеством, своей решительностью и готовностью к самопожертвованию. В этой борьбе масса мелких буржуа, как и раньше, будет по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя» [Маркс, 1956: с. 262].

Иначе – лишить пролетариат плодов его победы, и не во власти рабочих, с точки зрения Маркса, помешать в этом мелкобуржуазным демократам. Однако во власти рабочих «продиктовать им такие условия, при которых господство буржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно гибели и последующее вытеснение его господством пролетариата будет значительно облегчено» [Маркс, 1956: с. 261–263]. Задача пролетариата в этой ситуации – «действовать в таком направлении, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы. Напротив, они должны его поддерживать, насколько это только возможно» [Маркс, 1956: с. 263]. Кроме того, рабочие должны потребовать гарантий «лишь только демократические буржуа приготовятся взять власть в свои руки. Если будет необходимо, они должны добиться этих гарантий силой и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания» [Маркс, 1956: с. 263]. Для реализации этих требований пролетариат, во-первых, должен создать свою «самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний» [Маркс, 1956: с. 262]. Во-вторых, наряду с «новыми официальными правительствами они (рабочие – уточнение авторов) должны сейчас же учредить собственные, революционные рабочие правительства, будь то в форме органов местного самоуправления, муниципальных советов, будь то через рабочие клубы или рабочие комитеты, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утра-

тили опору в рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих» [Маркс, 1956: с. 263].

Вторая ситуация (второй этап). В ее рамках рабочие должны быть вооружены и организованы, точнее – «рабочие должны сделать попытку организовать в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с командирами и собственным генеральным штабом, избранными ими же самими, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных общинных советов» [Маркс, 1956: с. 264]. Ни в каких условиях и ни по каким причинам рабочие не должны сдавать оружие, «всякой попытке разоружения в случае необходимости следует давать вооруженный отпор». Собственно, вооружившись и используя военную силу, пролетариат должен оказать вооруженное давление на мелкобуржуазную демократию для развития и углубления революции.

Третья ситуация. Демократы в процессе непрерывной революции «в ближайшем движении», времени (в данном случае – в Германии) придут к господству (к власти) и будут вынуждены предлагать осуществить более или менее социалистические мероприятия. В свою очередь пролетариат в этот момент, в начале движения, еще не может предлагать к реализации чисто коммунистические мероприятия. Но в этой ситуации рабочие быстро уяснят себе свои собственные классовые интересы, займут как можно скорее свою собственную партийную позицию и должны не поддаваться тому, «чтобы демократические мелкие буржуа своими **лицемерными фразами** (выделено авторами) сбили их с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевой лозунг должен гласить: «Непрерывная революция» [Маркс, 1956: с. 267]. Рабочие не смогут достичь своего господства и осуществления своих классовых интересов, не пройдя полностью длительный путь революционного развития (германская модель).

Более конкретно: рабочие должны принудить демократов «вторгаться по возможности в наибольшее количество областей существующего общественного строя, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил,

средств транспорта, фабрик, железных дорог и т. д.» [Маркс, 1956: с. 267]. Кроме того, рабочие «должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, конечно, будут выступать не революционно, а лишь реформистски; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность» [Маркс, 1956: с. 267]. Иначе – рабочие должны оказывать политическое давление на демократов и двигать непрерывную революцию как можно дальше.

Вместе с тем, как отмечает Маркс, «ближайшим следствием низвержения существующих правительств будет избрание национального представительного собрания» [Маркс, 1956: с. 264]. В данной конкретной ситуации пролетариат должен добиваться того, чтобы а) «никакие придирки местных властей или правительственных комиссаров не могли привести к отстранению от выборов какого-либо числа рабочих» [Маркс, 1956: с. 264]. Иначе: рабочие должны участвовать в выборах. Более того, б) рабочие повсюду, наряду с демократическими кандидатами должны выставлять своих рабочих кандидатов, по возможности из числа членов Союза коммунистов. «Даже там, где нет никакой надежды на их избрание, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и открыто заявить о своей революционной позиции и своей партийной точке зрения. При этом рабочие не должны дать обманывать себя фразами демократов, например, о том, что это, дескать, раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы имеют своей конечной целью одурачить пролетариат» [Маркс, 1956: с. 265], – делает наиболее общее заключение Маркс.

В советской, да и зарубежной научной литературе французская революция 1848–1852 годов, ее этапы, а в более широком плане – непрерывная конкретная революция, и в целом – революционный процесс, как уже показано выше на примере французской и германской модели, определялись по-разному и неоднозначно. Так, например, с точки зрения Р. Арона, «Токвиль отлично понимал, что вначале революция 1848 г. носила социалистический характер» [Арон, 1992: с. 283]. Следует подчеркнуть, что революция, по Токвилю, была не народной и не пролетарской

(в июне 1848), а именно, хотя и только вначале, – социалистической, но именно в начале, то есть с самого начала, с февраля 1848 года, а, например, не в июне 1848 года.

В монографии, изданной Институтом международного рабочего движения АН СССР, которую можно считать фундаментальной, «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», том первый «Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса» (1976), революция 1848 года во Франции неоднократно определяется в целом как революция народная. В ее рамках «буржуазия, недовольная существующими порядками, но более всего боявшаяся **народной революции** (выделено авторами), прилагала усилия к тому, чтобы обеспечить себе руководящее положение в массовом движении, удержать его под своим контролем» [Международное..., 1976: с. 398]. С лозунгом о «всеобщем братстве» в февральские дни 1848 выступили и буржуа, и пролетарские массы, хотя и понимали они его по-разному. Как утверждают авторы монографии, идея «братства» «горячо разделявшаяся рабочими в первые недели и месяцы революции, отнюдь не означала их готовности подчинить собственные интересы интересам предпринимателей. Напротив, это было основанное на вере в свою силу убеждение в том, что буржуазия будет вынуждена поступиться своими интересами: изменения, происшедшие в характере государственной власти, якобы вполне достаточны для того, чтобы в ее рамках провести социальный переворот. Это было трагической иллюзией; она изживалась в ходе классовой борьбы. Конец такой иллюзии знаменовал начало восстания (пролетарской революции в июне 1848, по мнению Маркса – уточнение авторов)» [Международное..., 1976: с. 410]. Авторы монографии не упоминают о пролетарской революции как составном элементе революции народной и революции непрерывной, как их этапе развития.

Однако самостоятельные вооруженные выступления рабочих против буржуазии и ее государственных институтов начались раньше, сразу же после завершения апрельских выборов (23 и 24 апреля 1848 года). В конце апреля в Лиможе «негодующие рабочие – их список потерпел поражение – разоружили буржуазную Национальную гвардию. На протяжении двух недель

они фактически были хозяевами города. Муниципальными делами управлял комитет из рабочих и **демократически настроенных мелких буржуа** (выделено авторами). Ситуация изменилась только после того, как в город вступили войска: они вновь вооружили Национальную гвардию и распустили комитет» [Международное..., 1976: с. 415].

«В Руане пролетарии вместе с левыми республиканцами составили так называемый **красный список** (выделено авторами): десять из его девятнадцати кандидатов были рабочими. Однако «красный список» не прошел; избранными оказались правые республиканцы. Это породило возмущение в пролетарских кругах. Оно возросло еще больше, когда стали известны данные о махинациях с бюллетенями. В конце апреля рабочие взялись за оружие. В рабочих районах были воздвигнуты баррикады. Бои продолжались в течение двух дней» [Международное..., 1976: с. 415].

Эти события, как и последующие 15 мая в Париже, фиксировали и указывали на возможность продолжения и углубления во Франции народной революции на основе «красных списков» и формирования красного блока в условиях первой точки бифуркации. 15 мая 1848 по инициативе ряда демократических клубов Парижа на площади Бастилии собрались рабочие и направились к Учредительному собранию: «Впереди шли руководители Центрального комитета рабочих департамента Сены, демократы-социалисты Распайль и Собрие; тут же был известный в то время деятель демократических клубов Юбер. В демонстрации приняли участие и бланкисты» [Международное..., 1976: с. 416]. Демонстранты ворвались в зал заседаний Бурбонского дворца, в Собрании началась паника, многие депутаты посчитали, что повторяются события 24 февраля, когда вооруженный народ разогнал орлеанистскую палату депутатов. Юбер «**от имени народа**» объявил Учредительное собрание распущенным. «Демонстрантами был составлен список нового правительства, в которое вошли наиболее видные **коммунисты, социалисты и левые республиканцы** (выделено авторами). Некоторые из них явились в ратушу. Собрание подняло на ноги Национальную гвардию. Рабочие были разогнаны, а члены правительства, про-

возглашенного демонстрантами (в частности, Распайль, Барбес, Бланки), арестованы» [Международное..., 1976: с. 416].

Маркс в рассматриваемых работах не очень много уделяет внимания этим событиям, но они фиксировали и указывали на народный характер революции на ее первом этапе и возможность ее перерастания в революцию непрерывную и даже ее возможное начало. После этих событий стала активно происходить консолидация и мобилизация как буржуазии в целом, так и отдельных ее социально-политических групп, включая сторонников Бонапарта, а также и пролетариата. В этих условиях буржуазные власти «всячески старались обезглавить революционных рабочих, лишить их политических вождей. С этой целью была разработана целая система мероприятий. Еще до майских событий против Бланки организовали клеветническую кампанию, обвинив его с помощью фальшивки в том, что он якобы выдал своих товарищей по оружию полиции Июльской монархии. Реакционеры распускали о коммунистах дикие слухи: их объявляли сторонниками разнузданного грабежа, раздела имущества, общности жен и т. д. Реакционная буржуазная и монархическая пресса придавала слову «коммунист» бранный смысл» [Международное..., 1976: с. 417]. Позже подобные кампании будут разворачиваться и относительно слова «популист».

В рабочей среде в этот момент выкристаллизовывается идея собственного самостоятельного политического органа – **«народного конвента»**. 13 мая 1848 года газета «Коммюн де Пари» опубликовала петицию к Учредительному собранию, подписанную группой «уполномоченных труда», среди которых были рабочие, социалисты, лидеры кооперативных рабочих объединений (в тот момент – форма профсоюзов). Петиция требовала от органов власти санкционировать создание в стране представительства, которое рядом с Учредительным собранием возьмет на себя защиту всех провозглашенных прав **народа**. В состав «народного конвента» должны входить **«делегаты народа»**. В петиции, по сути, «речь шла о создании узаконенной формы двоевластия... В петиции явно выражалось желание поставить рядом с буржуазным Учредительным собранием конвент, непосредственно связанный с рабочими. Разумеется, рабочие ошибались, полагая, что

две власти, коренным образом различающиеся по социальному содержанию и классовой опоре, смогут мирно сосуществовать, не подавляя или не подчиняя одна другую. Тем не менее сама по себе организация **народного представительства** (выделено авторами) в качестве органа, контролирующего Учредительное собрание, выражала порыв к политической самостоятельности, ощущение того, что в рамках самого Учредительного собрания и его правительства интересы рабочих не получают удовлетворения. Такого рода тенденции пугали власть имущих, ибо исходили от вооруженных и все более организующихся рабочих; буржуа понимали, что идея двоевластия в условиях растущего политического самосознания рабочих означает не что иное, как стремление – пусть неясное – к рабочему единовластию» [Международное..., 1976: с. 420]. В некотором плане и в определенном смысле в петиции просматривалась некая, хотя и ограниченная программа развития непрерывной революции, особо на этапе ее развития как революции народной и ее вариантов **перехода к революции пролетарской, но не социалистической**. В частности, на заседании Центрального Комитета Союза коммунистов 15 сентября 1850 года Маркс, характеризуя ситуацию, возникшую в ходе революционного процесса 1848, как во Франции, так и в Германии, утверждал: «Пролетариат, если бы он пришел к власти, проводил бы не непосредственно пролетарские, а мелкобуржуазные меры... Луи Блан дает лучший пример того, что получается, когда **слишком рано приходят к власти** (выделено авторами). К тому же во Франции пролетарии придут к власти не одни, а вместе с крестьянами и мелкими буржуа, и будут вынуждены проводить не свои, а *их* меры» [Маркс, 1957: с. 584–585]. Собственно, Маркс прекрасно понимал, что объективное содержание ближайшего этапа революции будет состоять в борьбе за демократическую республику.

В пролетарской революции в июне 1848 года во Франции общим для всех повстанцев было требование демократической социальной республики, «они настаивали на роспуске Учредительного собрания и выработке конституции **«самим народом»**. Провозглашались лозунги «организации труда» и «права на труд» [Международное..., 1976: с. 437]. Вместе с тем у рабочих

не было четкого представления об этой республике, однако, как считают авторы монографии, в рамках решения этих задач, по сути, «выдвигалось требование последовательной демократии и **прямого народоправства**» с возможным непосредственным вмешательством вооруженных рабочих в дела управления государством и обществом.

Обобщая и синтезируя реальный объективный революционный процесс и идеи Маркса о непрерывной революции, авторы указанной работы приходят к ряду теоретических выводов. Во-первых, непрерывная революция есть не одноразовый акт (не конкретное историческое событие), а длительный процесс, имеющий стадийный характер. «Это – процесс, закономерно проходящий в своем развитии ряд определенных фаз. При этом периоды прямой борьбы за власть могут чередоваться с периодами относительной устойчивости, но эти последние сравнительно непродолжительны (тем самым намечается идея перерастания одной стадии революции в другую). У власти последовательно сменяются различные классовые силы вплоть до установления диктатуры пролетариата, которая составляет переход к бесклассовому, коммунистическому обществу» [Международное..., 1976: с. 492].

Во-вторых, одной из стадий развития непрерывной революции может или должен быть (в зависимости от конкретных условий и конкретности ситуации) приход к власти мелкобуржуазной демократии, установление ее господства. «Только после того как к власти придут демократически настроенные мелкие буржуа, сможет начаться непосредственная борьба за политическое господство пролетариата» [Международное..., 1976: с. 491]. Далее авторы подчеркивают мысль Маркса и Энгельса из «Обращения Центрального Комитета к Союзу коммунистов» (март 1850): демократические мелкие буржуа (красные) на этом этапе хотят возможно быстрее закончить революцию, задача пролетариата – продолжить ее вплоть до устранения от власти более или менее имущих классов.

В-третьих, авторы монографии утверждают, что в рамках логики взаимоотношений пролетариата и демократической мелкой буржуазии в ходе непрерывной революции и на ее определенном

этапе может возникнуть специфическая ситуация, в рамках которой пролетариат будет вынужден взять власть. В частности, они приводят точку зрения Ф. Энгельса, изложенную им в его письме от 12 апреля 1853 года И. Вейдемейру: «В одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий **вынуждена будет стать у власти** (выделено авторами), чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить **коммунистические опыты** (выделено авторами) и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны и т. д.» [Энгельс, 1962: с. 490–491].

В другой фундаментальной монографии, изданной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «История марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века – 1871 г.» (1986), указывалось и подчеркивалось специфическое положение мелкой буржуазии «как класса, занимающего промежуточное положение в буржуазном обществе, раздираемого противоречивыми – **и антикапиталистическими, и антипролетарскими** (выделено авторами) – тенденциями. В этом – главный источник постоянных колебаний мелкой буржуазии, парализующих ее революционную активность и обрекающих ее самостоятельные выступления на поражение» [История..., 1986: с. 343]. Однако авторы монографии отмечают, что, с точки зрения Маркса, во многих европейских странах в ходе протекающих в них революциях возникает некая **типичная ситуация**, «когда буржуазия превращалась в антинародную силу, а пролетариат еще недостаточно окреп, чтобы воспрепятствовать попятному движению революции» [История..., 1986: с. 347]. В этой ситуации буржуазия «утрачивала способность к завершению буржуазно-демократических преобразований революционным путем, но и в значительной мере сама превращалась в препятствие для

радикального осуществления этих преобразований. С этой задачей не могла справиться и мелкая буржуазия, обнаружившая в 1848–1849 годах свою слабость» [История..., 1986: с. 347].

Вторая часть данной позиции, собственно, несколько не адекватна точке зрения Маркса, признающего присутствие у мелкой буржуазии большого революционного потенциала как самостоятельного, так и в союзе с пролетариатом. Далее авторы монографии утверждают: «В создавшихся условиях доведение до конца буржуазно-демократической революции ложилось на плечи самого революционного класса общества – пролетариата. Ему предстояло стать не только активным участником этой революции, но и ее ведущей силой. История ставила его в центр революционного движения уже на стадии борьбы с пережитками феодализма» [История..., 1986: с. 347].

Действительно, такова позиция Маркса, но лишь такая ее интерпретация является неполной и недостаточной. Как показано выше, по Марксу возможно возникновение в революционном процессе ситуаций (поражение пролетариата, его слабость), когда ведущей силой становится мелкая буржуазия, средние слои, в более широком плане – непролетарские трудящиеся классы, их политическая организация – красная партия, популисты.

Значимость подобного рода ситуаций в том, что в их рамках на роль активного и доминирующего субъекта революционного действия историей (ситуацией) выталкивается мелкая буржуазия, красная партия, которые стремятся направить развитие общества и революционного процесса по красному пути. Следует также отметить, что для этого существуют не только отмеченные объективные условия, но и субъективные устремления непролетарских трудящихся классов. Как уже отмечено, они не хотят быть и действовать под руководством пролетариата и его партий, сопротивляются этому и часто рассматривают его не только как союзника, конкурента, но и как врага, врага их частной собственности и их свободы, независимости и суверенности.

В этом плане интересно отношение Маркса к аппарату государственной исполнительной власти. С одной стороны, он утверждает о необходимости ее слома пролетариатом в ходе непрерывной или пролетарской революций, так как это «ужас-

ный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры» [Маркс, 1957: с. 206]. Буржуа, возведенный в сан государственного мужа, высокопарен, представляет себе, что стал высшим существом, но низок в практических делах. Тьер, например, на своих различных государственных постах «был верен только своей ненасытной жажде богатства», а «его первой мерой к спасению Франции от грозившего ей финансового краха было назначение себе трехмиллионного годового оклада; это было первым и последним словом той «бережливой республики», перспективы которой он открыл своим парижским избирателям в 1869 году» [Маркс, 1960: с. 327].

С другой стороны, громадный бюрократический аппарат – это войско чиновников в полмиллиона человек, в котором «господствует такое же разделение труда и такая же централизация, как на фабрике (выделено авторами)» [Маркс, 1960: с. 206]. Иначе можно сказать, продолжая логику Маркса, низшие слои бюрократии многочисленны и уже в силу этого не могут быть все обеспечены преференциями со стороны высших слоев бюрократии (причина и условие коррупции). Кроме того, следует отметить, что условия организации их индустриального труда во многом близки по форме труду пролетариев.

Более того, последующее развитие государственного аппарата и его новые формы «не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда, увеличивающегося по мере того, как разделение труда внутри буржуазного общества создало **новые группы интересов** (выделено авторами), следовательно – новые объекты государственного управления» [Маркс, 1957: с. 206, 177]. Иначе можно сказать, что происходит не только дифференциация чиновников и иных работников государственного аппарата, но и возникают «новые группы интересов», новые социальные группы, среди которых группы лиц наемного труда – государственных служащих – непролетарские группы трудящихся, новые средние слои. Подобные новые социальные группы возникают не только в рамках государственного аппарата, но и в других сферах жизнедеятельности общества. Как сами эти новые социальные группы, так и их члены могут становиться и

становятся социальной базой красной партии, а также и социальной базой непрерывной революции.

Следует отметить, что, собственно, как сам Маркс, так и его интерпретаторы пишут о многовариативности развития непрерывной революции. Вместе с тем можно сказать, что в приведенных выше интерпретациях недостаточно внимания уделяется этой проблеме. Указывается лишь на отдельные возможные или реальные варианты развития революции, но при их описании и анализе не учитываются многие переменные. Кроме того, конкретные варианты во многом определяются конкретным уровнем развития конкретной страны, конкретной социально-классовой структурой конкретного общества, конкретной социально-политической структурой и конкретным соотношением конкретных политических сил, конкретной ситуацией и т. д., что также не принималось во внимание. В целом, отдельные конкретные варианты развития исследовались вне системно, без учета различных взаимосвязей между ними.

В рамках понимаемой проблемы (К. Маркс о «красном пути»), а также реального развития непрерывной революции в ее различных вариантах, неким синтезирующим звеном, пересекающимся со многими иными звеньями теории (например, теорией социальных изменений, социологией революции, теорией социального конфликта и т. д.), является в данном исследовании проблема соотношения пролетариата и его партий с мелкобуржуазными демократическими силами, как социально-классовыми, так и социально-политическими. В наиболее широком и схематичном плане эту проблему можно сформулировать несколько иначе, как проблему соотношения революционного коммунизма (социализма) с популизмом (при уже произошедшем решении вопросов: что такое популизм и «красная партия»?).

Из изложенного выше, в частности, идей Маркса о непрерывной революции, его описания и объяснения революций 1848–1852 годов во Франции и Германии, можно сделать несколько обобщающих заключений. Во-первых, можно сказать, что в обществах этих стран существовали, хотя и разные по качеству, непролетарские трудящиеся социально-классовые группы и социально-политические силы, которые занимали специфиче-

ские самостоятельные позиции. Они подвергались эксплуатации со стороны капитала, особенно крупного, поэтому активно выступали против банкиров, ростовщиков, фабрикантов, оптовых торговцев, налогового государственного бремени, так как опасались своего банкротства и разорения и т. д.

Во-вторых, как следствие они занимали антикапиталистические позиции и старались избавиться от эксплуатации, устранить ее посредством изменения существующего общества. Они не просто выступали против капитализма, но желали и стремились преобразовать его. На это желание накладывалось осознание и понимание нищенского существования большинства населения страны (народа) и его эксплуатации, кроме того – жизнь в его среде и постоянное общение с ним. Таким образом, «красные» приобретали и имели способность на «равных» общаться с разными группами народа, договариваться с ними и достигать компромисса. Вероятно, и поэтому, мелкая буржуазия и в целом непролетарские трудящиеся классы, составлявшие абсолютное большинство (по Марксу – подавляющую массу крестьянства и мелкой буржуазии), а также их организации сознательно и целенаправленно по разным причинам или бессознательно обозначали себя представителями народа (*populus*) или самим народом, а также защитником, выразителем его интересов.

Именно политическая позиция этих сил, как и народа в целом, также и составляющих его больших социальных групп, сельской (крестьянство) и городской мелкой буржуазии, обуславливали развитие непрерывной революции и ее вариативность, являясь ее переменными факторами, а также развитие революции пролетарской. В июне 1848 года в Париже они выступили не как союзники пролетариата, а как его враги и подавили пролетарскую революцию (по Марксу).

Иначе, к переменным факторам непрерывной революции можно отнести, во-первых, акторов революции: 1) пролетариат и его партии; 2) мелкую буржуазия (непролетарские трудящиеся социальные группы, как бы их не называли) и ее политические организации, включая красную партию; 3) коалицию пролетариата и мелкой буржуазии, политические организации коалиции, включая красную партию. Коалиция может иметь несколько

вариантов: 3а – коалиция при гегемонии в ней пролетариата; 3б – коалиция при гегемонии в ней мелкой буржуазии, непролетарских трудящихся социальных групп; 3в – коалиция при признании ее участниками равноправного партнерства, равенства прав и обязанностей; 4) буржуазию (в последующем ее позиции и роли в развитии революции внимание уделяться почти не будет). В их совокупности, 5) народ.

Во-вторых, к переменным факторам непрерывной революции следует отнести временные (этапные) цели и задачи, а также последствия их решения: 1) завоевание власти; 2) социально-классовые изменения общества, его преобразование.

В-третьих, реальные и потенциальные возможности акторов. Они 1) хотят, стремятся, например, завоевать власть; 2) они (не)могут – способны – готовы, например, организационно и т. д. осуществить преобразования; 3) вынуждены брать власть или изменять общество.

В-четвертых, условия конкретных ситуаций, в которых протекает тот или иной этап непрерывной революции, например, поражение пролетариата в июне 1848 года для событий 13 июня 1849 года, его организационная и численная слабость пролетариата, то есть, например, протекание революции в крестьянской стране (вопрос крестьянства), осознание буржуазией последствий последовательной демократии, степень (уровень) манипуляции народом, утрата буржуазией революционного потенциала и превращение ее в препятствие для развития революции и т. д.

В реальном и потенциальном развитии непрерывной революции указанные переменные (и не отмеченные выше) могут породить многочисленные варианты их комбинаций, проявляющиеся в тех или иных ситуациях. Окончательное, завершенное описание и объяснение всех возможных ситуаций просто невозможно в рамках ограниченного исследования, однако возможно выделение ряда некоторых наиболее типичных.

Ситуация А, народная революция (во Франции – февральская революция 1848 года). В настоящее время многие подобного рода революции или близкие ей определяются как демократические. Она представляет собой исходный, начальный этап революции непрерывной, в данной работе он определяется и как

первая точка бифуркации. В условиях выполнения в ней роли гегемона крупной буржуазии революция определяется и как буржуазно-демократическая. Однако в народной, а не буржуазно-демократической революции активно участвуют и добиваются своих целей, реализуют свои интересы все социально-классовые группы общества, например, во французской революции 1848 года от крупной буржуазии до крестьянства. В частности, в феврале 1848 года армия (крестьянство) и Национальная гвардия заняли пассивную позицию по отношению к восстанию. Можно сказать, что в рамках народной (демократической) революции действует специфический закон: «в единстве – против, в расколе – за». Почти все социально-классовые (или большая часть групп их составляющих) и социально-политические силы французского общества в феврале 1848 выступили против Июльской монархии, а их совместные действия были направлены на ее свержение. Собственно, революция и называется народной потому, что в ней участвует подавляющее или абсолютное большинство населения страны, народ, вне его социально-классовой и социально-политической принадлежности. Их общая на этот момент цель – свержение существующего политического режима. Уже в силу мозаичности участвующих в народной революции сил она имеет вариативный характер, еще более множественную вариативность имеет ее развитие (точки бифуркации). Кроме того, в ходе развития революции происходит дифференциация не являющихся однородной массой различных классов на многочисленные составляющие их части и различная интеграция социально-политических сил, формирующих различные коалиции, что в еще большей мере увеличивает вариативность возможного развития революции.

Потенциальные и реальные варианты развития народной революции будут в работе рассматриваться не по степени их вероятности, линейности протекания или значимости, а несколько хаотично. Кроме того, в виду их большого количества, некоторые из них останутся вне внимания автора.

Ситуация Б, революция пролетарская. Данная ситуация многовариантна. Б-1, выполняя роль гегемона в непрерывной революции (первоначально народной), пролетариат хочет и стремится

ся, но объективно не может завоевать власть и по ряду причин (организационная слабость, малочисленность, крестьянская страна и т. д.) **терпит поражение** (июньская революция 1848 года во Франции). Однако основной причиной поражения пролетарской революции является отсутствие совместных действий пролетариата с мелкой буржуазией и другими его союзниками, которые наоборот выступают как его враги и именно они разгромили пролетариат и нанесли поражение его революции (пролетарской). Мелкая буржуазия боялась намерений пролетариата (как она их понимала): ликвидировать частную собственность, ограничить ее свободу посредством установления роли руководящей и направляющей силы. Кроме того, пролетариат был должником мелкой буржуазии, например, за счет его кредитования ею на мелкие повседневные покупки (продукты и т. д.), и мог бы (с точки зрения мелких буржуа), оказавшись у власти, отказаться платить ей долги, чего также очень боялась мелкая буржуазия.

Б-2 (ситуация, о которой, как показано выше, писал Ф. Энгельс). Пролетариат по ряду причин (беспомощность, слабость и вялость иных социально-классовых групп и социально-политических сил) был вынужден, но не был готов, не стремился и не мог, но был вынужден брать власть в стране. Дальнейшее развитие непрерывной революции может протекать в рамках нескольких вариантов.

Б-2а: пролетариат вынуждено берет власть, но не может осуществить социалистические социально-экономические преобразования (мероприятия) в своих собственных интересах. Он вынужден проводить преобразования в обществе в интересах специфически мелкобуржуазных. **Это специфический и радикальный вариант «красного пути».**

Б-2б, вынуждено взяв власть, пролетариат по ряду иных причин (давление «снизу», давление масс и т. д.) вынужден и проводить социалистические преобразования, но не может осуществить их, не превращая эти преобразования лишь в социалистические опыты и эксперименты. Они не имеют широкомасштабного характера и не приводят ко всеобщему изменению общества, они локальны и региональны, как правило, – неудачны и

неэффективны. Данный вариант (Б-2б), можно сказать, практически не встречался в истории, отдельные его фрагменты в той или иной специфической форме могли существовать на локальном уровне на ранних этапах развития капитализма и реализовывался действиями предпролетариата или ремесленниками.

Б-3 (ситуация, о которой писал Маркс, как неком варианте). Пролетариат не готов, но стремится и берет, завоевывает власть, однако это происходит слишком рано, на недостаточном уровне развития общества и капитализма. Рабочий класс не способен и не может осуществить социалистические преобразования и вынужден осуществлять не пролетарские в своих собственных интересах социально-экономические изменения, а мелкобуржуазные преобразования. **Это также некий вариант «красного пути».**

Ситуация В. Революция в данной ситуации очень многовариантна по совершенно качественно различным и многочисленным причинам, поэтому она квалифицируется совершенно по-разному. На определение ее характера (теоретико-научное, политическое, идеологическое и т. д.) весьма существенно влияют политические факторы. Возникновение этой ситуации возможно при наличии ряда условий. Во-первых, поражение пролетариата, например, в пролетарской революции, более конкретно – в июне 1848 года во Франции, или его слабость, например, на низких уровнях развития капитализма, при его малочисленности и т. д. Во-вторых, утрата буржуазией своего революционного потенциала и превращение ее в контрреволюционную силу, препятствующую развитию непрерывной революции.

В-третьих, буржуазия, как показано выше, в определенных обстоятельствах сама желает избавиться от своего собственного политического (но не экономического) господства, так как она осознала, что в условиях последовательной и полной демократии она с неизбежностью теряет власть, а добровольный отказ от власти для нее более благоприятен. Следует отметить и подчеркнуть, что добровольный отказ буржуазии от власти происходит в пользу диктатора (императора, авторитарного правителя) и диктатуры, в любой ее форме, включая военную, или даже в пользу буржуазной монархии типа Июльской, свергнутой во

Франции в феврале 1848 года. Эти субъекты должны были навести «порядок» в стране в пользу и в интересах буржуазии.

Что, собственно, и произошло после июня 1848 года (поражения пролетариата) – в стране была установлена диктатура генерала Кавеньяка. 20 декабря 1848 года Кавеньяк сложил с себя свои обязанности главы исполнительной власти, а уже 29 января 1849 года была предпринята попытка государственного переворота с целью устранения избирательного органа страны (Учредительного собрания). «В этот день здание, где происходили его заседания, было занято войсками; генерал партии порядка Шангарнье, в руках которого было соединено верховное командование национальной гвардией и линейными войсками, производил большой смотр войскам в Париже словно накануне сражения, а объединенные роялисты угрожали Собранию применением силы, если оно не проявит сговорчивости» [Маркс, 1957: с. 139], – пишет Маркс. Как он считает, это был «первый скрытый призыв к военной силе против силы парламента». В этот же день (29 января 1849 года) Бонапарт сделал специфическое предложение генералу Шангарнье. В последующем разные разговоры, слухи и сообщения в средствах массовой информации о перевороте или его возможности происходили постоянно. «Парижане столь привыкли относиться к тени этого государственного переворота как к призраку, что не хотели верить в него, когда он, наконец, появился во плоти и крови. Таким образом, государственный переворот удался вовсе не потому, что шеф Общества 10 декабря придерживался строгой конспирации и Национальное собрание было застигнуто врасплох. Если он и удался, то это произошло вопреки болтливости *Бонапарта* и при полной осведомленности *Собрания* как необходимый, неизбежный результат предшествовавшего хода событий» [Маркс, 1957: с. 198].

В-четвертых, в указанных условиях, при отмеченной роли пролетариата и буржуазии на ведущую роль (гегемона) в непрерывной революции объективно с необходимостью выдвигается мелкая буржуазия со своей красной партией.

В-пятых, как отмечено выше, мелкая буржуазия стремилась избавиться от эксплуатации ее крупной буржуазией, а также стремилась преобразовать существующее общество, в том числе и посредством революции.

В-шестых, до своего поражения пролетариат, проявляя свою активность и руководящую роль, объективно защищал интересы практически всех групп мелкой буржуазии, включая крестьянство. После поражения пролетариата эту функцию вынуждена была взять на себя сама мелкая буржуазия, она должна стала вынуждено защищать себя сама.

Собственно, ситуация В представляет собой классический или «чистый» вариант «красного пути». Он осуществляется в рамках гегемонии мелкой буржуазии и под руководством ее «красной партии», представляет собой реализацию в реальности их целей и задач, а также их интересов и потребностей.

5. ОТНОШЕНИЕ МАРКСА К ПОПУЛИЗМУ

Критика Марксом красной партии (популизма)

Маркс не являлся сторонником «красной партии», «красной республики», «красного пути». Он жестко, иногда с сарказмом, критикует данные феномены, как в форме чисто теоретических проектов, так и в форме попыток их практической реализации. Кроме того, Маркс, как ему представлялось, с одной стороны, указывает на их недостатки: ограниченность, непоследовательность, противоречивость, соглашательство, маятниковость и т. д. Однако, с другой стороны, Маркс констатирует их реальную и объективную возможность и даже неизбежность в развитии непрерывной революции. Можно сказать, что он не приветствует «красную республику» («демократическую республику» или «республику для всех»), но и не выступает против нее, считая ее этапом перехода к «республике пролетарской» и «республике социалистической».

Более конкретно, Маркс, как революционный коммунист (социалист), как представитель революционного пролетариата, выражающий и защищающий его интересы, не мог не критиковать «красных», в какой бы форме они не существовали и как бы они сами себя не называли, и как бы не определяли их другие акторы. Впрочем, такая **политическая точка зрения Маркса** не удивительна, так как мелкобуржуазные демократы, включая радикальных и революционных, являлись не только союзниками рабочего класса, но и его «конкурентами» за влияние на массы (народ, население) и даже принципиальными противниками, а в ряде случаев и врагами. Революционный пролетариат и красные имели разные интересы, цели, идеалы и ценности, они использовали разную стратегию и тактику, опирались на разные социально-классовые группы, и каждая из этих двух сил стремилась использовать другую в своих интересах.

Как считает Маркс, о чем уже утверждалось выше, но повторяясь, следует отметить и подчеркнуть, что цели и задачи

красных были весьма ограничены. В частности, он писал: «Своеобразный характер социально-демократической партии выражается в том, что она требует демократическо-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности – капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижения этой цели, какими бы более или менее революционными представлениями она ни приукрашивалась, – суть остается та же: перестройка общества (только перестройка – уточнение авторов) демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности» [Маркс, 1957: с. 148]. И далее Маркс уточняет, что не следует рассматривать цели мелкой буржуазии только в рамках ограниченных представлений о ее стремлении достичь только своих эгоистических классовых интересов. В действительности **она реально верит**, «что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба» [Маркс, 1957: с. 148].

Иначе: если революционный пролетариат ставил перед собой целью уничтожение существующего современного (капиталистического) общества, то мелкобуржуазные демократы – его сохранение и спасение. В ином варианте Маркс утверждает, что целью красных является не сохранение и спасение современного общества, а его изменение, то есть его трансформация посредством реформ, а не революции.

Указанные Марксом ограниченные цели мелкобуржуазных демократов конкретизируются в **их стремлении достигать различных легальных триумфов вместо революционных**. Так, как уже отмечалось, но опять же повторяясь, следует подчеркнуть, Маркс пишет: «Новая победа на выборах 28 апреля (1850 года – уточнение авторов) окрылила Гору и мелкую буржуазию. Гора в душе уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путем, не вызывая новой революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену; она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит с помощью всеобщего избирательного права г-на Ледрю-Роллена на президент-

ское кресло и обеспечит Горе большинство в Собрании» [Маркс, 1956: с. 101]. При этом Маркс делает заключение: «Сила пролетарской партии была на улице, сила же мелкой буржуазии – в самом Национальном собрании» [Маркс, 1957: с. 148]. Демократы пытались активно использовать эту силу, например, в дни, предшествующие их выступлению 13 июня 1849 года. В частности, своими действиями 11 июня 1849. «То, что пыталась устроить Гора 11 июня, было *«восстанием в пределах чистого разума»*, т. е. чисто *парламентским восстанием*. Она рассчитывала, что большинство Собрания, напуганное перспективой вооруженного восстания народных масс, уничтожит в лице Бонапарта и его министров свою собственную власть и значение своего собственного избрания» [Маркс, 1956: с. 66]. Однако парламентская фракция демократов потерпела в Собрании поражение и демократы (красные) были вынуждены призывать выйти массы на демонстрацию 13 июня 1849 года, которая была разогнана армией. В последующем после отмены всеобщего избирательного права в 1850 году революционная и демократическая партии и вовсе сошли с официальной политической сцены Франции.

Иначе: Маркс пишет не только, с его точки зрения, об ограниченности целей и задач революционной мелкой буржуазии, но и об ограниченности средств и методов их достижения ею. Более того, как уже отмечалось, Маркс пишет об ограниченности понимания демократами своего социально-классового и социально-политического содержания (**самообман**).

Не могла не вызывать критики со стороны Маркса как представителя революционного пролетариата и антипролетарская позиция многих групп красных. В ней он видел также и их непоследовательность как противников капитализма и их устремлений к изменению существующего общества. Особенно открыто и ярко эта позиция проявилась в июне 1848 года и в непосредственно приближающийся к нему период. Когда демократические, мелкобуржуазные республиканцы (Ледрю-Роллен) вступили в заговор с буржуазными республиканцами против пролетариата, вместе с ними сражались против него в июньские дни» [Маркс, 1956: с. 33]. Более конкретно и в частности, в их позиции в отношении к национальным мастерским. Как пишет Маркс, «временное

правительство думало, что нашло в них *вторую пролетарскую армию против самих же рабочих* (первая армия против рабочих самих рабочих – мобильная гвардия; – уточнение авторов). На этот раз буржуазия ошиблась в национальных мастерских точно также, как рабочие ошиблись в мобильной гвардии. Она создала *армию мятежа* (действительную армию пролетариата – уточнение авторов)» [Маркс, 1956: с. 24]. Для буржуазии они также были первым шагом к осуществлению социализма. «*Мелкие буржуа* тоже обратили все свое недовольство, всю свою досаду против национальных мастерских, которые стали общей мишенью. Со скрежетом зубным они высчитывали, сколько денег поглощали дармоеды-рабочие, тогда как их собственное положение с каждым днем становилось все более невыносимым» [Маркс, 1956: с. 24–25]. В борьбе с пролетариатом буржуазия нашла себе ситуативного союзника – мелкую буржуазию. «В июньские дни никто с таким фанатизмом не боролся за спасение собственности и восстановление кредита, как парижская мелкая буржуазия – содержатели кафе и ресторанов, *marchands de vin*, мелкие коммерсанты, лавочники, владельцы мелких мастерских и прочие. Лавочка всполошилась и двинулась против баррикады, чтобы восстановить движение, ведущее с улицы в лавочку. Но за баррикадой находились покупатели и должники лавочника (пролетариат – уточнение авторов), перед ней – его кредиторы (мелкая буржуазия – уточнение авторов)» [Маркс, 1956: с. 36], – пишет Маркс.

В этой антипролетарской позиции Маркс видит как ограниченность, так и непоследовательность мелкой буржуазии, демократов, красных. Более того, Маркс видит в них противников и даже врагов пролетариата, которые, однако, несмотря на свою непоследовательность, могут стать союзниками рабочего класса, а он вынуждено в определенных условиях с неизбежностью должен вступать с ними в союз (коалицию) и даже сознательно и целенаправленно искать его, делая уступки мелкой буржуазии.

Среди многих причин, обуславливающих антипролетарскую позицию мелкой буржуазии, следует особо выделить ее желание **играть самостоятельную роль** во всех сферах внутривнутриполити-

ческой жизни страны, быть или стать самостоятельным и самодостаточным актором, более того – доминирующим субъектом, гегемоном, определяющим настоящее и будущее страны и общества, направляющим их развитие в соответствии с ее целями и интересами. Выше уже приводилась точка зрения Маркса, что во Франции существовала часть «сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и **силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок** (выделено авторами)» [Маркс, 1956: с. 208–209].

Маркс, хотя и не указывает прямо и однозначно (несмотря на приведенное выше) на стремление мелкой буржуазии и в целом средних слоев к самостоятельности, во многом недооценивает данное устремление. Как указывают авторы упомянутой выше монографии 1976 года, **ряд предположений Маркса выглядят «недостаточно обоснованно»**. В частности, они пишут: «Чтобы подавить рабочее движение, буржуа вступили в союз с феодалами и в конце концов снова уступили им власть. «Обращение» («Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», март 1850 года – уточнение авторов) исходило из предпосылки, что в скором времени «предстоит новая революция» (однако уже через полгода авторам «Обращения» стало ясно, что такое предположение недостаточно обосновано), Результатом такой революции будет господство мелкобуржуазной демократии. Только после того как к власти придут демократически настроенные мелкие буржуа, сможет начаться непосредственная борьба за политическое господство пролетариата» [Международное..., 1976: с. 491].

Как считают авторы, недостаточно обоснованное предположение Маркса о возможности новой революции в Германии (да и во Франции) исходило из двух положений. Первое, о том, что именно вокруг пролетариата и во главе с ним будет формироваться коалиция различных сил (социально-классовых и социально-политических) против господства капитала. Эту мысль в той или иной форме Маркс высказывал неоднократно, например, в «Классовой борьбе во Франции». В более мягкой форме он писал: «Перед лицом коалиции контрреволюционной буржуазии все уже революционизированные элементы мелкой буржу-

азии и крестьянства естественно должны были соединиться с главным носителем революционных интересов, с революционным пролетариатом (выделено авторами)» [Маркс, 1956: с. 59–60].

Второе положение, вытекающее из первого, средние слои не имеют по ряду причин (ограниченность, непоследовательность и т. д.) самостоятельности. Следует отметить, что Маркс не делает столь однозначного и четкого заключения, но и не делает противоположного. Вместе с тем в рамках концепции непрерывной революции он и не приходит к однозначному и четкому выводу, что данная революция как некая цепь конкретных событий может быть или может завершиться только отдельным определенным конкретным событием, например, завоеванием власти мелкой революционной буржуазией.

Одним из существенных недостатков красных, популистов и иных, как бы их не называли, является соглашательство этих сил с буржуазией, включая крупную и открыто контрреволюционную. В этой черте проявляется и их непоследовательность, ограниченность, а также ситуативность поведения и его противоречивость, некая маятниковость. Мелкая буржуазия может быть в некоторых моментах склонна к союзу с рабочим классом, а в других моментах – к союзу с буржуазией. Наиболее ярко и открыто это проявилось во Франции в июне 1848 года в дни пролетарской революции. Однако соглашательство красных (Горы) с буржуазными партиями происходило не только по принципиальным, значимым вопросам, но и по второстепенным, малозначимым проблемам и с самыми различными частями буржуазии. Так, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс пишет о коалиции Горы с роялистами, одной из самых реакционных (монархической) частей буржуазии.

Вместе с тем следует отметить, что буржуазия сама часто навязывалась в союзники к красным (популистам). Так, например, в преддверии событий июня 1849 года находящуюся в конфликте в Законодательном собрании Гору поддержала депутация «друзей конституции», некие «обломки» партии «National», партии буржуазных республиканцев. Вероятно, для успешного решения подобного рода задач газета «National», давшая свое имя этой

партии, в ходе развития революции переходит на сторону социализма. Соглашательство мелких буржуа в этом варианте проявлялось в том, что красные ради союза с буржуазией и ее поддержки, особенно в парламенте, добровольно шли ей на принципиальные уступки и занимали антипролетарские, а в более широком плане и антинародные позиции.

Маркс скорее не критикует, а констатирует отсутствие в рядах мелкой буржуазии политического единства. Так, Гора имела в Национальном собрании две своих фракции: социалистических демократов и демократических социалистов. После отмены всеобщего избирательного права в 1850 году каждая из них выпустила свой самостоятельный манифест, которые Маркс определяет как «свидетельство о бедности». Дифференциация красных была обусловлена их весьма многочисленной, но и весьма разнообразной социальной базой. В наиболее общем и схематичном плане ее можно определить не только как мелкую буржуазию и крестьянство, но и как средний класс в целом. Следует еще раз не просто повторить, но и подчеркнуть приведенную выше мысль Маркса о все большем разделении труда в капиталистическом обществе (включая и государственный аппарат) и о возникновении на этой базе новых групп интересов, новых объектов государственного управления, или иначе – о возникновении новых социально-классовых групп в структуре общества, которые можно отнести к средним классам. Эти новые группы с новыми интересами не являются пролетарскими, но их и нельзя определить, как буржуазные, это, например, наемные государственные работники, определяемые в настоящем как бюджетники или государственные служащие, количество которых постоянно увеличивается.

Эти новые группы рабочего класса совместно с крестьянством, мелкой буржуазией, а также классическим пролетариатом представляют собой подавляющее и даже абсолютное большинство населения страны – народ (*populus*). Социально-политические силы (политические партии, движения и т. д.), выражающие или претендующие на выражение интересов *populus* и их защиту, с конца XIX века стали определяться (квалифицироваться) как популисты.

Исключением из этих социально-классовых и политических сил является пролетариат, политические организации которого открыто провозглашают свои конкретные классовые и политические интересы и цели, отличные и иногда противоположные интересам и целям *populus* (красным по терминологии Маркса).

В целом можно сказать, что Маркс критикует не стратегические цели красных (популистов) – изменение существующего (капиталистического) общества, а критикует их тактические, во многом субъективные цели, например, абсолютизацию ими выборов и т. д. Кроме того, он критикует и указывает на несоответствие между их политическими целями (задачами) и средствами их достижения, а также на нереальность как самих целей, так и нереальность средств, что проявляется в разрыве слова и дела. **Красные исходят из своих иллюзий и мифов, они провозглашают их реальностью** (они – народ), как следствие – они бесцельны и не способны к борьбе за изменение общества.

Многие из приведенных выше и проанализированных идей Маркса, например, о социально-классовой структуре капиталистического общества, о значимой роли крестьянства, а в более широком плане – мелкой буржуазии, средних слоев и т. д. получили дальнейшее развитие в работах многих социологов, политологов, экономистов, например, Н. Кондратьева, Ф. Фанона.

Кроме того, приведенные идеи Маркса явились или могли быть прямой или опосредованной методологической основой для социальных преобразований и их понимания в Уругвае, Аргентине, Китае и многих других странах, в рамках возникших в них народных, народно-демократических, популистских и иного рода политических режимов. Также изложенные идеи Маркса могут быть использованы для исследования современных популистских движений, получивших широкое распространение в настоящий момент в развитых странах западноевропейской цивилизации.

Вторая сторона популизма

Маркс прямо не пишет о второй стороне популизма (его специфического по форме поведения), но он много внимания уделяет отдельным действиям **разных участников** анализируемого революционного процесса во Франции, многие характеристики которых в настоящее время рассматриваются как популистские.

Так, многие отдельные действия разных акторов революционного процесса или их поведение в целом часто сопровождалось самообманом или обманом иных субъектов, сопряженных с демагогией. Важнейшим проявлением обмана, в рассматриваемой ситуации – крестьянства, явилось обещание ему красной партией ранее уплаченный легитимистам миллиард. В свое время в 1825 году королевская власть выделила его аристократии в качестве компенсации за имущество, которое было у нее конфисковано во время Великой французской революции конца XVIII века. Однако оплата этого миллиарда происходила за счет крестьян.

Кроме того, как писалось выше, многие акторы, являясь представителями конкретных социально-классовых групп или социально-политических сил, сознательно или бессознательно открыто и публично провозглашали себя не представителями этих сил, а всего народа. Они также заявляли, что защищают интересы не конкретных социально-классовых групп (что, собственно, и осуществляли), а всего народа, отождествляя народ с какой-либо социальной группой или их отдельной совокупностью. Они, как показал Маркс, занимались самообманом себя и обманом других, что реально представляло собой демагогию, в связи с чем слово «народ» становилось излюбленным и часто используемым в их лексике. Можно, вероятно, даже сказать, что частое и не критичное, без конкретики, употребление этого термина может являться критерием для определения субъекта, его использующего, как популиста в негативном его понимании.

Наиболее ярко самообман и обман проявляется в отождествлении воображаемого или желаемого с реальностью. Можно даже сказать, что в основе второй стороны популизма лежит, по Марксу, желание красной партии и других субъектов увильнуть

от реального разрешения реальных проблем в действительности. Это происходило несколькими путями.

Например, посредством «воскрешения мертвых» – возвеличивания конкретных проблем прошлого и настоящего в воображении. А также посредством прибегания к закланиям, вызовом себе на помощь духов прошлого, верой в чудеса, надеждой на их возможность (чудес, духов и т. д.), базирующихся на суевериях. «Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы **обмануть себя** (выделено авторами) насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы» [Маркс, 1957: с. 122].

Можно сказать, что в этом выказывании Маркса содержится несколько ключевых указаний на отличие популизма от революционного коммунизма (социализма), как из сказанного выше.

Во-первых, популисты (красные) обманывают сами себя насчет своего собственного содержания. Это происходит посредством воображения, что они сами и их последователи, сторонники и есть народ, что именно они защищают и выражают народные интересы. Кроме того, они не хотят уяснить себе свое собственное классовое содержание, содержание мелких буржуа, представителей мелкобуржуазной революционной демократии и т. д. (как бы их не называли). В последующем Маркс поясняет данную свою мысль более полно и конкретно: «Подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, так тем более в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью» [Маркс, 1957: с. 145].

Во-вторых, самообман и обман иных акторов приводит их (красных) к замещению дела – фразой. Сама фраза, исходя из обманчивой видимости, превращается у мелкобуржуазных демократов в беспрепятственное высказывание достойных ночного сторожа банальностей, с сарказмом отмечает Маркс. Это позволило, как отмечает он, Прудону назвать демократов, сбежавших после 13 июня 1849 года за границу, – болтунами.

В-третьих, более конкретно и реально: в головах демократов происходило воображаемое уничтожение классовых отношений, провозглашалось всеобщее братание и братство. Как констатирует Маркс, по мнению Ламартина (буржуазный республиканец, в 1848 году министр иностранных дел и фактический глава временного правительства), лишь простое недоразумение раскололо общество на классы, как следствие такой идеи – доминировало идиллическое отвлечение от всех классовых противоречий. Как пишет Маркс, *fraternite* – есть «идиллическое отвлечение от классовых противоречий, это сентиментальное примирение противоположных классовых интересов, это мечтательное стремление возвыситься над классовой борьбой» [Маркс, 1956: с. 18].

В-четвертых, борьба в воображении и с воображением, как следствие, приводит к воображаемой победе, обману самих себя, по выражению Маркса, «самодовольному победному твяканью господ демократов». Так, например, они очень ожидали, как уже отмечалось, «благоприятных последствий» от второго воскресенья мая 1852 года (новых выборов нового президента Франции). Как пишет Маркс, «второе воскресенье мая 1852 г. стало в их головах навязчивой идеей, догматом, подобно дню второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства у хилиастов» [Маркс, 1957: с. 123]. В основе такой позиции – слабость демократов (популистов) и их вера в чудеса. «Слабость всегда спасалась верой в чудеса (самообмана – уточнение авторов); она считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении посредством заклинаний, и утрачивала всякое чувство реальности из-за бездейственного превознесения до небес ожидающего ее будущего и подвигов, которые она намерена совершить, но сообщать о которых она считает пока преждевременным. Эти герои, старающиеся опровергнуть мнение

о своей явной бездарности тем, что они взаимно выражают друг другу свое сочувствие и сплачиваются в особую группу» [Маркс, 1957: с. 123].

В реальности воображаемая борьба с воображением или реальным оппонентом приводит к поражениям и наглым преувеличениям (самообману) популистами своих воображаемых успехов. Как пишет Маркс, «поражения вышестоящих классов покупаются такой дешевой ценой, что побеждающей партии (если она является таковой – уточнение авторов) приходится прибегать к наглым преувеличениям (самообману и обману – уточнение авторов), чтобы вообще придать им характер событий, причем эти поражения становятся тем позорнее, чем дальше побежденная партия отстоит от пролетарской» [Маркс, 1957: с. 127]. Кроме того, Маркс утверждает: «Демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него» [Маркс, 1957: с. 151].

То есть, с точки зрения популистов, их поражения есть некое предсказание их побед в будущем, кроме того, поражения есть некое их «призвание в терпении», это (поражения, предсказания, призывание) также есть некая форма «возмещения». Несколько иначе об этом же пишет сам Маркс: своими поражениями и бессилием Гора обуславливала свое право «ограничивать свою деятельность взрывами нравственного негодования и трескучей декламацией».

Следует отметить, что как воображаемая, так и реальная борьба Горы, являясь неким театром с громом аплодисментов и функционированием оркестра, почти всегда сопровождалась «большим шумом». Как пишет Маркс, «редко какое-либо дело возвещалось с большим шумом, чем предстоящий поход Горы (демонстрация 13 июня 1849 года в Париже – уточнение авторов); редко о каком-либо событии трубили с большей уверенностью и так заблаговременно, как в данном случае о неизбежной победе демократии. Нет сомнения, демократы верят в силу трубных звуков, от которых пали иерихонские стены. И каждый раз,

когда они стоят перед стеной деспотизма, они стараются повторить это чудо» [Маркс, 1957: с. 150]. А далее Маркс продолжает: «Оглушительная увертюра, возвещающая борьбу, превращается в робкое ворчание, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают принимать себя всерьез, и действие замирает, спадает, как надутый воздухом пузырь, который проткнули иголкой» [Маркс, 1957: с. 150].

В реальности, как уже отмечено, популисты всячески уклонялись и воздерживались от реальной борьбы, например, с исполнительной властью, когда для этого имелись серьезные, настоятельные причины. Но, однако, и вместе с тем популисты принимали с нею бой по самым ничтожным поводам. Так, например, партия порядка в Национальном собрании «была вынуждена в силу своего двусмысленного положения распылять, превращать в пустую трескотню свою борьбу против исполнительной власти, сводя ее к мелочным дрызгам из-за пределов компетенции, придиркам, сутяжничеству, спорам о размежевании и делая вопросы пустой формалистики содержанием своей деятельности. Она не осмеливается принять бой в тот момент, когда борьба имеет принципиальное значение, когда исполнительная власть действительно скомпрометировала себя, когда дело Национального собрания было бы национальным делом» [Маркс, 1957: с. 174]. Иначе: популисты отказываются от борьбы в крупном масштабе и предоставляют своим оппонентам (противникам) выжидать момент, наиболее благоприятный для них. Сами же они также опять ждут момента, когда можно снова начать борьбу «по мелким, незначительным поводам, когда борьба представляет, так сказать, лишь парламентский, местный интерес». Часто в борьбе, с пафосом провозглашенной популистами, их «пафос кажется нелепым, повод к борьбе – лицемерным предлогом или вообще не стоящим борьбы. Парламентская буря оказывается бурей в стакане воды, борьба – интригой, конфликт – скандалом» [Маркс, 1957: с. 175]. Такой своей тактикой популисты «сбивали с толку» своих союзников. Например, «буржуазия вне парламента не понимает, как это буржуазия внутри парламента может тратить время на столь мелкие дрызги, подвергать опасности спокойствие столь жалким соперничеством с президентом. Она сбита с толку подобной

стратегией, при которой заключается мир, когда все ждут войны, и начинается атака в тот момент, когда все думают, что заключен мир» [Маркс, 1957: с. 175]. Собственно, реальная политика популистов строилась по формуле: вместо дела – фраза, «не дело, а фраза, даже не фраза, а акцент и жесты, оживляющие фразу», сопряженные с покаянием, просьбами о прощении, лицемерием, а также сильным шумом и нравственным негодованием, которое в действительности нередко представляло собой моральное падение.

Более конкретно Маркс пишет, что в борьбе против Кавеньяка «Ледрю-Роллен и Гора стояли на почве истинной революции, и сознание этой важной роли придавало им тем большую храбрость, что проявление революционной энергии ограничивалось парламентскими вылазками, составлением обвинительных актов, угрозами, повышением голоса, громовыми речами и крайностями, которые не шли дальше фраз» [Маркс, 1956: с. 62].

Указанная политическая позиция совершенного бессилия и беспомощности перед противником сопровождалась игрой на страхах и опасениях как своих, так и страхах иных акторов. Как пишет Маркс, «дело в том, что революционные угрозы и их демократических представителей – это не более чем попытка запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз, – то они это делают двусмысленно, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению» [Маркс, 1957: с. 150]. Запугать, в том числе шумом и громким криком, этим дезориентировать противника, породить у него растерянность, «обезоружить» его и обмануть, а не вступить с ним в реальную борьбу – такова тактика, в данном случае – Горы. Если противник не испугался и не растерялся, готов вступить в реальную борьбу, то следует «убегать» или перейти на сторону противника. Так, например, Луи Бонапарт, стремясь к своему повторному (нелегитимному) избранию посредством изменения конституции страны, вступил в открытый конфликт с партией порядка, одной из сил, выступающей против такого развития событий. Как пишет Маркс, «разногласия между партией порядка и президентом уже приняли было угрожающий характер, когда

неожиданное событие заставило его снова покаянно броситься в ее объятия. Мы говорим о *дополнительных выборах 10 марта 1850 года*... Бонапарт внезапно увидел себя опять лицом к лицу с революцией. Как 29 января 1849 г., как 13 июня 1849 г., так и 10 марта 1850 г. он спрятался за спину партии порядка. Он смирился, малодушно просил прощения, выражал готовность составить любое министерство по приказанию парламентского большинства, более того: умолял орлеанистских и легитимистских главарей – Тьеров, Берье, Брольи, Моле – словом, так называемых бургграфов, стать самолично у государственного кормила» [Маркс, 1957: с. 162]. Бонапарт, то враждовал, то обнимался со многими, то с правыми, то с более левыми, у него не было определенной, устоявшейся политико-идеологической позиции. Его позицией были – личная власть и деньги.

Маркс отмечает еще одну специфическую характеристику (тенденцию) популизма – поиск им героев. В его рамках на роль руководителей выдвигаются «странные фигуры». Так, по мнению Маркса в ходе борьбы Горы «с партией порядка должны были выдвинуться на первое место прежде всего полуконсервативные, полуреволюционные и всецело утопические реформаторы этого порядка» [Маркс, 1956: с. 62]. Позже он несколько поясняет свою мысль: «Если 13 июня устранило ее вождей (Горы – уточнение авторов), то этот же день, с другой стороны, очистил место второстепенным «talантам», которым это новое положение льстило» [Маркс, 1957: с. 151]. Иначе: активная и бескомпромиссная революционная борьба лидеров масс вызвала против них целенаправленные репрессии, что привело к исключению их из активной политической деятельности, а им на смену приходили и приходят «странные фигуры».

Одной из таких «странных фигур» французской революции 1848–1851 годов и оказался Луи Бонапарт. Следует отметить, что до 10 декабря 1848 года руководство страной (странами) и массами переходило от одного конкретного лица к другому по наследству (по крови) или утверждалось силой. Луи Бонапарт получил президентскую власть в стране в рамках буржуазной демократии на основе всеобщего избирательного права и посредством всеобщих национальных выборов. За него проголосовало, как уже

отмечалось выше, шесть миллионов, а за его конкурента Кавеньяка – лишь один миллион.

Можно сказать, что Маркс впервые описал деятельность и раскрыл сущность нового типа лидера масс, лидера-популиста.

Как уже было отмечено выше, Луи Бонапарт проводил политику «заигрывания с народом». Он неоднократно угощал солдат сигаретами, шампанским, холодной дичью и колбасой с чесноком (на современном украинском политическом сленге – «раздавал гречку»), устраивал для себя триумфальные шествия, театральные шоу, маскарады. Более того, он посещал рынки (например, по случаю закладки нового крытого рынка в Париже 15 сентября 1851 года), где очаровывал рыночных дам, рыбных торговек. Проводил различные собрания, например, он «25 ноября, увлек за собой промышленную буржуазию, собравшуюся в цирке, чтобы из его рук получить медали за лондонскую промышленную выставку» [Маркс, 1957: с. 200]. Кроме того, Бонапарт стал ездить по стране, совершать «турне по французским департаментам и, смотря по настроению осчастливленного его посещением города, более или менее откровенно выбалтывать свои собственные реставраторские планы и **вербовать голоса** (выделено авторами) в свою пользу» [Маркс, 1957: с. 167]. В ходе этих поездок его сопровождали члены Общества 10 декабря, которые нападали на противников Бонапарта и избивали их (в современном украинском политическом сленге – «титишки»).

Выше уже неоднократно указывалось, что Бонапарт всеми способами желал приобрести популярность среди масс (его надежды на чудо, выборы и избирателя, особенно крестьян). Реализовывал он эту политику посредством многих методов, во-первых, например, за счет иных политических акторов. Маркс пишет: «Национальное собрание не раз приходило в бешенство от этих несомненных попыток Бонапарта приобрести популярность за его счет» [Маркс, 1957: с. 162]. Во-вторых, посредством «детски-нелепых проектов». Например, он сообщал и намекал о существовании некоего таинственного клада («золота партии», «золота Полуботка»). По словам Бонапарта, «лишь обстоятельства пока мешают раскрыть спрятанные в нем сокровища для французского народа». В-третьих, Бонапарт активно и в разных

формах, как уже отмечалось, проводил политику «подкупа народа» и «вербовки голосов». В частности, он выдвинул «предложение повысить жалование унтер-офицерам на четыре су в день и проект «ссудного банка чести» для рабочих. Денежные подачки и денежные ссуды – такова была перспектива, которой он рассчитывал соблазнить массы. Дарить и давать займы – в этом все финансовое искусство люмпен-пролетариата, знатного и незнатного. Только эти пружины Бонапарт и умел пускать в ход. Никогда еще ни один претендент не спекулировал так пошло на пошлости толпы» [Маркс, 1957: с. 162].

Кроме того, Бонапарт, «не стяжавший себе репутации, которую стоило бы беречь», ради популярности и «подхлестываемый долгами» мог «отважиться на какую-нибудь отчаянную проделку», пойти на какую-нибудь авантюру, «детскую шалость».

Оценка Бонапарта как популиста-вождя, популиста-лидера, а президентом он был избран на основе всеобщего избирательного права, за которого было подано подавляющее число голосов (6 миллионов против одного) избирателей, а понимание популистов как красных поднимает и требует ответа на вопрос: Бонапарт был красным? Вариантов ответов можно предложить много. Современные исследователи, например, пишут о левом (красном) и правом (инога цвета) популизме или вообще об утрате популизмом своего цвета, о «слиянии» левых и правых, что и является одной из основ и одним из источников современного популизма. Исходя уже из изложенного, можно отметить, что популизм Бонапарта относится лишь ко второй стороне этого феномена. Но наиболее адекватным представляется несколько иной ответ. Он несколько упрощен, схематичен, вариативен из-за набора ряда оговорок. Иначе: популизм представляет собой некую манипуляционную технологию организации, мобилизации, управления и контроля массами, которая является необходимой и неизбежной, изменяющейся количественно качественной константы временного периода западной демократии индустриализма и постиндустриализма. Иначе и проще: с этой точки зрения, популизм – неизбежная характеристика любой политической деятельности и любого политика независимо от его ориентации, они различаются между собой в этом плане лишь уровнем или степенью по-

пулизма в приведенном выше смысле. Однако большой уровень второй стороны популизма (воспринимаемый отрицательно) объективно накладывает отпечаток и на первую содержательную сторону популизма, она теряет степень и уровень своей «народности» (populus), своей «красноты». Вероятно, исходя из этого, можно говорить о популистах типа А или «чистых популистах», «популистах по содержанию», популистах как представителях непролетарских трудящихся, как стремящихся и борющихся за изменение существующего общества в интересах «народа», точнее – средних слоев. Можно также говорить о популистах типа Б или популистах-манипуляторах, технологических популистах, популистах, лишь апеллирующих к народу, демократии, правам человека и т. д. Они сами себе присваивают право выступать от имени народа и демократии, они сами себя публично провозглашают его представителями, защитниками и т. д.

Более конкретно: Бонапарт, возможно, можно сказать, объективно даже не претендовал, но публично, официально с большим шумом провозглашал себя и представителем, и защитником, и выразителем народа (крестьян) и его интересов. Он также с большим шумом и криком апеллировал, обращался к народу, грозил своим оппонентам судом народа (хотя де-факто судил сам лично) и т. д. Объективно (что показали выборы) большинство населения страны, крестьяне, видели в нем своего представителя, и с этой точки зрения Бонапарт был в той или иной мере «красным» или «красноватым». Его так воспринимали крестьяне, но сам он субъективно не был ни «красным», ни популистом в «чистом» понимании, «чистым», содержательным популистом, популистом типа А. Он субъективно (со своей личной позиции) не собирался объективно выражать и защищать интересы крестьянства. Можно даже, вероятно, сказать, что он и не обманывал крестьян (как красные), он просто предал их мифические, иллюзорные ожидания и надежды, предал своих избирателей. Более того, он предал формирующуюся и становящуюся западную демократию с ее основными базовыми принципами, включая избирательное право и всеобщие выборы, которые и позволили ему стать «всенародным» президентом страны. В рамках такого подхода можно было уже в тот период времени сделать заключение:

популизм – угроза западной демократии и западноевропейской цивилизации. Более конкретно: западная демократия и западная цивилизация посредством популизма и через выборы приобретают тенденцию к возможному вырождению в авторитаризм и даже в тоталитаризм и фашизм (нацизм).

Вероятно, в виде заключения, можно сказать, что возможно построение некой схемы-формулы второй стороны популизма или технологического популизма типа Б. В частности, иррационализм (чудо, духи, суеверие) – воображение, отличающееся и противоречащее объективной реальности, но воспринимаемое как действительность (театр как действительность, шум, крики, заклинания) – не классовая или социально-политическая борьба, а пустая трескотня, интриги и скандалы, жалкое соперничество – опасения и страхи, обман и самообман – невыполнимые обещания и демагогия, авантюризм – соглашательство и предательство. Вероятно, можно предложить и иную формулу второй стороны популизма: использование с циничной пошлостью пошлость толпы. Собственно, из такого подхода и такого понимания следует актуализация проблемы популизма.

6. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КЛАССЫ СОВРЕМЕННОГО МАРКСУ ОБЩЕСТВА

Маркс о рабочем классе и пролетариате

Следует еще раз отметить и указать, что, с точки зрения ряда исследователей, на Западе атрибутивным признаком рабочего класса является его занятие физическим или ручным трудом [например, Гидденс, 2005: с. 273, 615]. Иногда это утверждение сопровождается ссылками на Маркса. Так, Маркузе, анализируя, как он утверждает, Марксову концепцию рабочего (пролетариата), пишет: «Для Маркса пролетарием является прежде всего работник ручного труда, чья физическая энергия расходуется и истощается в трудовом процессе, даже если он имеет дело с машинами» [Маркузе, 1994: с. 33].

Можно, вероятно, долго и бессмысленно дискутировать относительно точки зрения Гидденса (и других), но совершенно бесполезно спорить о точке зрения Маркузе, так как сам Маркс, как ему приписывает Маркузе, так не считал.

В рамках проведенного Марксом анализа можно привести множество его высказываний, опровергающих как позицию Гидденса, так и особенно Маркузе. Например, Маркс пишет: «Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения **рабочих без мускульной силы** (выделено авторами) или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами» [Маркс, 1960: с. 406]. Или – «Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности» [Маркс, 1960: с. 434]. Иначе: машинный труд (машина) отнимает у «машинного рабочего» не «духовную деятельность», которой он обладает и которую он использует, а лишь ее свободу.

С точки зрения Маркса, работник духовной сферы является наемным рабочим, производительным рабочим, рабочим, про-

изводящим прибавочную стоимость. Он, в частности, пишет: «**Школьный учитель** (выделено авторами), – если позволительно взять пример вне сферы материального производства, – **является производительным рабочим** (выделено авторами), коль скоро он не только обрабатывает детские головы, но и изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя» [Маркс, 1960: с. 517].

В высказывании Маркузе следует обратить внимание на термины «рабочий», «пролетарий» и «работник». Использует ли он их как тождественные, как отражающие один социальный феномен, или между ними существует различие? С одной стороны, этот вопрос актуализирует проблему атрибутивных признаков наемного рабочего, а с другой – проблему, которую можно, весьма условно и схематично, назвать проблемой «**промежуточных социальных слоев**».

По Камю, как отмечено выше, их существование усложняет «надуманную схему» Маркса. По Андерсону, «наличие каких-либо промежуточных слоев Маркс практически не предусматривал» [Андерсон, 1991: с. 125].

Подобного рода точки зрения или близкие им опять же актуализируют проблему атрибутивных признаков наемного рабочего (рабочего класса), пролетария, работника и ряда иных классово-социальных групп, включая промежуточные. Кроме того, возникают многие иные вопросы (проблемы), например, о каких «промежуточных слоях» идет речь, «традиционных» («старых») или «новых»? Какова структура и «старых», и «новых» промежуточных слоев? Писал ли о них Маркс и, если писал, то что? Чем отличаются и отличаются ли «промежуточные слои» от «слоев средних»? и т. д. Ответы на данные вопросы весьма разнообразны, но между ними есть нечто общее, некие стандарты, на них, например, указывает английский исследователь Джек Уоддис.

Для того, чтобы объяснить свое понимание идей Маркса и для их более глубокого уяснения читателем, Уоддис подчеркивает, со своей точки зрения, как ему представляется, основные атрибутивные характеристики рабочего (рабочего класса). Во-первых, пролетариат отличается от капиталистического класса и мелкой буржуазии тем, что он **лишен** средств производства

[Уоддис, 1975: с. 483]. Иначе: Уоддис не проводит различия между пролетарием и наемным рабочим.

Во-вторых, как следствие, **пролетариат**, как утверждает Уоддис, **вынужден наниматься** на работу к капиталисту [Уоддис, 1975: с. 483].

Данный признак можно прокомментировать следующим образом (как один из ряда вариантов): пролетария не заставляют силой работать, принуждать к труду как раба или феодального, политически зависимого крестьянина, пролетарий трудится добровольно, решение об этом он принимает в условиях свободы выбора и имеющихся у него альтернатив. Например, возможной эмиграции из Европы в Америку, а там – «уход» на Запад и изменение своей классовой принадлежности посредством фермерства.

Второй частью этого признака является не только свобода пролетария, но и свобода буржуа, он также свободен в своем выборе. И у него присутствует возможность ответа «да» или «нет» по поводу проблемы о найме рабочего на работу, но эта свобода капиталиста лишь подчеркивает свободу работника и указывает на его важнейшую характеристику, его найм, он – **наемный работник**. Пролетарий и буржуа юридически равноправные партнеры и заключают между собой договор, юридический документ о найме.

Надо отметить: Маркс действительно неоднократно и в разных вариантах писал о том, что «рабочий – свободная личность» [Маркс, 1960: с. 179], что рабочий класс – это «класс свободных рабочих» [Маркс, 1960: с. 182] и т. д.

Данное качество подчеркивали многие последователи и исследователи Маркса. Так, К. Каутский утверждал в своей работе «Экономическое учение Карла Маркса» (1886): «собственник рабочей силы – рабочий – должен быть свободным человеком, если его рабочая сила должна стать товаром» [Каутский, 1956: с. 58]. В свою очередь известный советский экономист Э. Брегель пишет: «Первое условие превращения рабочей силы в товар – это личная свобода рабочего» [Брегель, 1968: с. 70].

Следует сразу подчеркнуть: последние точки зрения, включая позицию Маркса, качественно отличаются от мнения Уодди-

са, так как он характеризует признаки пролетария (пролетарията), а иные пишут о рабочем (об их различии ниже). Кроме того, проблематичным является и качество свободы обоих субъектов – и пролетария, и рабочего.

В-третьих, с точки зрения Уоддиса, пролетарий **продает** единственный имеющийся у него товар – рабочую силу. Иначе можно сказать, интерпретируя Уоддиса: пролетариат (рабочий) вовлекается в товарно-денежные отношения. Он «уходит» из сферы натурального хозяйства, его не содержит рабовладелец, оплату труда он получает не «натурой», а деньгами посредством гарантированной (не всегда) заработной платы. Маркс, например, пишет: «Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу потому, что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь сама его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не продана капиталу» [Маркс, 1960: с. 373].

В целом изложенные положения можно синтезировать в некую сжатую формулу, предложенную Уоддисом: «**Пролетариат** (выделено авторами) отличается от капиталистического класса и мелкой буржуазии тем, что, будучи лишен средств производства, он тем самым вынужден наниматься к капиталисту, которому он продает единственный имеющийся у него товар – рабочую силу» [Уоддис, 1975: с. 483].

В-четвертых, пролетарий создает прибавочную стоимость. Уоддис отмечает: «В понятие «рабочий класс» он (Маркс – уточнение автора) включал всех, чей труд производит прибавочную стоимость или способствует тому, чтобы она попала в руки капиталистов. Капиталисту безразлично, производит ли рабочий прибавочную стоимость непосредственно, в виде товара, либо косвенно, путем создания с помощью труда условий для ее перераспределения из других секторов экономики» [Уоддис, 1975: с. 483]. Как сам данный признак (производство рабочим прибавочной стоимости), так и его интерпретация Уоддисом имеют весьма важное значение. Собственно, со ссылкой на Маркса, он указывает, что прибавочная стоимость может производиться (создаваться) разными путями. Разными субъектами и различно: а) непосредственно, прямо, производителем рабочим и

б) опосредованно, иными наемными работниками. Иначе: различные наемные работники (рабочие) по-разному производят прибавочную стоимость и, как подчеркивает Уоддис, ссылаясь на Маркса, **играют разную роль** в производственном процессе, что конкретизируется в различном отношении их труда к предмету производства.

Развивая, разъясняя (по Марксу) и обосновывая свою мысль, Уоддис приводит довольно обширную и из нескольких частей цитату Маркса из четвертого тома «Капитала» («Теории прибавочной стоимости»).

В данной цитате Маркс А) действительно указывает на то, что в рамках капиталистического способа производства среди значительного числа работников, производящих сообща один и тот же товар, у разных рабочих неизбежно возникает различное отношение их разного труда к предмету производства. Например, рабочие на фабрике, изготавливающие какой-либо продукт (вещь) не имеют прямого отношения к добыче и обработке сырья (шахта) для его изготовления. Точно также **надсмотрщик** над рабочими, которые обрабатывают сырье (шахта) или изготавливают продукт на фабрике, не имеет прямого, непосредственного отношения к процессу обработки сырья или изготовления продукта. Совершенно качественно иное отношение к этим производственным процессам у **инженера**, который работает преимущественно головой. При этом Маркс отмечает, что надсмотрщики над рабочими «стоят еще несколько дальше», чем рабочие фабрики, производящие продукт. По прямой логике Маркса следует, что «стоят еще несколько дальше» от изготовителя продукта. Но не присутствует ли в этом словосочетании иной смысл – выстраивания некой социально-производственной иерархии работников, некой цепочки производственных статусов, весьма условной: шахтер – непосредственный изготовитель – надсмотрщик – инженер – ... и т. д.? Такой смысл вполне вероятен, так как Маркс далее отмечает, что все эти работники обладают рабочей силой различной стоимости, а значит имеют и различную заработную плату. Следует отметить, что ранее Маркс в первом томе «Капитала» писал: «Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, более низкого или

более высокого порядка, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в весьма различной степени образования и обладают поэтому весьма различной стоимостью. Таким образом, мануфактура **развивает иерархию рабочих сил** (выделено авторами), которой соответствует шкала заработных плат» [Маркс, 1960: с. 362]. Эту важную мысль Маркса подчеркивает и интерпретирует советский исследователь Д. Розенберг: «Отдельные операции, на которые мануфактура разлагает объединяемые ею ремесла, предъявляют совершенно различные требования к рабочей силе, выполняющие эти операции. Одни операции проще, грубее, другие – тоньше и сложнее, и это ведет к образованию иерархии рабочих сил, которой соответствует шкала заработных плат» [Розенберг, 1983: с.174].

Б) Как бы, подводя итог изложенному, Маркс в данной цитате заключает, что все эти работники вместе, и непосредственный производительный рабочий, и надсмотрщик, и инженер выступают в качестве «одного производственного коллектива», вместе они представляют собой «живую машину» для производства неких продуктов труда.

В) Далее Маркс отмечает, что, несмотря на различия в труде и на разное отношение их труда к предмету производства, отношение каждого из них (и надсмотрщика, и инженера) в отдельности к капиталу (буржуа) остается и является отношением наемного работника, отношением производительного рабочего в его специфическом и самом широком смысле. Все эти работники обменивают свой труд непосредственно на деньги, воспроизводят свою заработную плату. Более того, они непосредственно создают прибавочную стоимость для капиталиста.

Собственно, в этой цитате Маркса из четвертого тома «Капитала» (т. 26, ч. 1, с. 421–422), приведенной Уоддисом, Маркс указывает на то, что и надсмотрщику, и инженеру (и технику, по Камю) присущи все атрибутивные характеристики наемного рабочего (пролетария), указанные Уоддисом, что позволило ему написать: «В этом отрывке К. Маркс развивает ту же мысль, которую он высказал в «Капитале», где сформулировал свою концепцию «совокупного рабочего» [Уоддис, 1975: с. 484].

Действительно в первом томе «Капитала» Маркс неоднократно обращается к проблеме «совокупного рабочего». В какой-то мере высказывания Маркса из первого тома (сделанные самим Марксом ранее) пересекаются с приведенной выше интерпретацией цитаты из четвертого тома «Капитала» (под редакцией Каутского), более емкой по своему содержанию, поэтому, вероятно, следует привести лишь несколько высказываний Маркса из первого тома. Например, он пишет: «Уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций» [Маркс, 1960: с. 517]. По-иному можно сказать: расширяется круг социальных групп, относящихся к рабочему классу (о чем, собственно, утверждалось выше).

На иных страницах первого тома «Капитала» Маркс пишет: «Мануфактурное разделение труда не только упрощает и разнообразит качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и создает прочные математические пропорции для количественных размеров этих органов, т. е. для относительного числа рабочих или относительной величины рабочих групп в каждой специальной функции. Вместе с качественным расчленением оно развивает количественные нормы и пропорции общественного процесса труда» [Маркс, 1960: с. 358]. В этом высказывании важно подчеркнуть, что «совокупный рабочий» имеет общественный характер, а в более широком плане, можно сказать, – обобществленный. Кроме того, Маркс указывает на необходимость учета «математических пропорций», «количественных норм». Собственно, он пишет о необходимости в той или иной степени планирования производства, как конкретного на отдельных предприятиях, так и всего общественного производства в целом, а также возникновения «новых» социальных групп, решающих эти проблемы. В целом приведенное высказывание Маркса имеет важное методологическое значение, оно требует отдельного специального исследования, что, однако, не является задачей автора.

Кроме того, развивая мысль о «прочных математических пропорциях», Маркс пишет: «В мануфактуре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени становится техническим законом самого процесса производства» [Маркс, 1960: с. 358]. Иначе: капиталистическое производство с необходимостью требует труда «нового» (?) производственного рабочего – инженера, имеющего специальную техническую подготовку (образование), становящегося структурным элементом совокупного рабочего.

Маркс приводит несколько различных определений «совокупного рабочего». Первоначально он связывает его лишь с мануфактурой: «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частных рабочих» [Маркс, 1960: с. 361]. Однако, следуя общей логике обобществления труда и производства, он распространяет данную идею на все капиталистическое производство в целом, как показано в интерпретации его цитаты из четвертого тома «Капитала». Можно сказать, что такое понимание следует и из высказывания Уоддиса, отмечающего, что прибавочная стоимость создается **всеми трудящимися** за счет своей рабочей силы [Уоддис, 1975: с. 492–493], а не только «совокупным рабочим» или рабочим классом.

Следует отметить еще одну мысль Маркса (отмеченную выше): анализируя функционирование «совокупного рабочего», он утверждает, что «разложение процесса труда создает новые связные функции» [Маркс, 1960: с. 363], то есть, собственно, приводит к формированию новых социальных групп, классовая идентификация которых может быть пока еще не установлена, а их классовая идентичность является проблематичной.

В целом в завершение своего анализа Уоддис делает ряд выводов (некоторые из них изложены выше). Во-первых, с точки зрения Уоддиса, «все большее число «работников в белых воротничках» становится более тесно и более непосредственно связанным с промышленным производством» [Уоддис, 1975: с. 486].

Во-вторых, «растущее число отраслей материального производства приобретает промышленный характер. В результате научно-технической революции и развивающегося обществен-

ного разделения труда ряд бытовых услуг, таких как отопление и освещение, общественное питание, различные ремонтные службы, химчистка, прачечные и т. п., превращается в независимые отрасли крупного капиталистического производства» [Уоддис, 1975: с. 386]. Далее Уоддис продолжает: «Растущее число операций в сфере распределения, такие, как развешивание товаров, упаковка, складское хранение, превратилось в продолжение производственного процесса. Все рабочие, занятые в этих отраслях экономики, являются частью промышленного пролетариата» [Уоддис, 1975: с. 486]. В итоге, как пишет Уоддис, «можно сделать вывод, что численность промышленного пролетариата, а не только пролетариата в целом, постоянно растет и его удельный вес в рабочей силе в целом повышается» [Уоддис, 1975: с. 486]. К «белым воротничкам» Уоддис относит конторских служащих, инженерно-технический персонал, инженеров и научных работников, техников, чертежников и лаборантов, других специалистов. Следует подчеркнуть, в целом, с точки зрения Уоддиса, эти «массы рабочих отнюдь не становятся частью нового «среднего класса» [Уоддис, 1975: с. 487]. Это – «новые отряды рабочего класса» пишет он в заключение. Собственно, Уоддис в первую очередь и в основном исходит из того, что «растущая армия инженерно-технических работников и конторских служащих вынуждена продавать свою рабочую силу крупным монополиям точно так же, как это делают другие слои рабочего класса» [Уоддис, 1975: с. 481].

Действительно, в соответствии с отмеченными выше признаками (по Уоддису) наемные работники указанных сфер народного хозяйства, получающие заработную плату и приносящие прибыль своему «хозяину», не являющиеся собственниками средств производства, а значит вынужденные наниматься на работу к предпринимателю или государству, являются в той или иной форме и степени наемными рабочими.

В целом довольно конструктивная позиция Уоддиса и не противостоящая теории Маркса все же имеет определенные недостатки. Например, как представляется, концепцию Маркса о «совокупном рабочем» следует понимать несколько более глубоко, то есть в ее некотором развитии и перспективе (преддверии).

Например, Маркс утверждает, что индивидуальная рабочая сила «способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. **Ставший неспособным делать что-либо самостоятельное** (выделено авторами), мануфактурный рабочий развивает производительную деятельность **уже только** (выделено авторами) как принадлежность мастерской капиталиста» [Маркс, 1960: с. 373].

Словосочетание «лишь в связи с другими» является несколько неоднозначным: «другими функциями» или «другими индивидуальными рабочими силами»? В большей степени, исходя из логики концепции совокупного рабочего и иных идей Маркса, можно сказать: Маркс пишет о том, что индивидуальная рабочая сила может существовать и реализовывать себя при капитализме лишь при совместном выполнении ею своей функции с другими индивидуальными рабочими силами. Труд рабочего является лишь трудом совместным, коллективным, общественным, обобщественным.

Собственно, этот вывод с необходимостью и неизбежностью вытекает из самой логики «Капитала» и, в более широком смысле, всего Маркса. Исключительную необходимость совместности труда можно считать еще одним из признаков наемного рабочего, как и другие отмеченные выше. Вероятно, именно в таком смысле следует понимать Гидденса, который пишет: «Труд по найму объединяет рабочих, не имеющих своих средств к существованию, а потому вынужденных наниматься на работу к собственникам капитала» [Гидденс, 2005: с. 26]. Труд объединяет рабочих как для совместного труда, так и для совместной экономической и политической борьбы, а также и в более широком смысле.

В этом плане труд наемного рабочего выступает не только как «производительный труд» «производительного рабочего», но и как «взаимообуславливающий труд», «труд взаимодействующий», труд как «интеракция», труд как «коммуникативное действие». Этот труд требует взаимопонимания для координации операций в совместном труде, трудовой интеракции. Считается: Хабермас «доказывает, что Марксу не удалось провести различие между компонентами бытия – трудом, или целенаправленной деятельностью и социальным коммуникативным действием.

По мнению Хабермаса, Маркс свел последнее к первому, т. е. к труду» [История социологии..., 1999: с. 496]. Но Маркс не ставил перед собой задачи различия труда и коммуникации и тем более их противопоставления.

Следует еще раз отметить, что, несмотря на во многом конструктивность идей Уоддиса, они имеют много существенных недостатков, на которые уже указывалось выше. Они (идеи Уоддиса) значительно схематичны, вероятно, для упрощения их изложения и, как следствие, упрощены сами. Описание многих признаков рабочего (рабочего класса) происходит во многом абстрактно, без фиксирования их деталей, но весьма значимых деталей, что не объясняет целостности феномена, «всего», и не решает проблемы, а поднимает много иных вопросов.

Самое главное – Уоддис рассматривает атрибутивные признаки рабочего (и возможные его определения) вне их становления, уже только как некий итог процесса познания, его результат в некоем статическом состоянии. Однако признаки рабочего (и он сам) возникают, развиваются, изменяют форму своего конкретного существования и проявления. При такой точке зрения ряд ранее значимых признаков рабочего может трансформироваться во второстепенные, как и их формы, а производные от основных признаков характеристики могут стать значимыми. Многие значимые признаки, например, современного рабочего возникли у него лишь на определенном этапе его развития (промышленный, индустриальный труд). Другие значимые характеристики рабочего могли существовать только лишь на ранних этапах его развития, лишь только как, например, мануфактурного рабочего или вообще еще ремесленника, как «полупролетария», «предпролетария», но которые на определенном уровне его познания могли признаваться как значимые или основные. Сама грань между ремесленником, пролетарием, мануфактурным рабочим, рабочим индустриальным весьма подвижна, а в их познании однозначно не определена.

В этом плане весьма значимым становится понимание логики Маркса, логики его исследования, логики формирования им понятий (категорий) и определений, логики построения и структурировании им своего текста. Он сам специально не пишет

и специально не указывает на эту логику, но в ее рамках, в частности, исходит из того, что определения того или иного феномена могут быть разные, **разные определения рабочего**. Они формулируются (создаются) в разное время, с разными целями, для решения разных задач, на разных уровнях (качество) и на разных этапах (количество) процесса познания.

Необходимо, например, различать определения феномена как некоего результата его познания и определения феномена (второстепенные, технические) как процесса его познания, в рамках которого предполагается и предусматривается изменение его содержания. Иначе: **определения изменяются**, кроме того, определения феномена **многочисленны** и, вероятно, не может быть некоего завершенного его определения (неизбежно объективный исследуемый феномен изменяется), определения в «последней инстанции».

Как само конкретное определение (внутренне), так и ряд из них (внешне) могут быть противоречивыми между собой, как противоречив и сам процесс познания. Они (определения) могут быть как объективно противоречивыми, так и субъективно только восприниматься как противоречивые. Собственно, противоречивость вытекает из диалектической логики Маркса: тезис – антитезис – синтез. Маркс широко использует и иной закон диалектической логики: восхождения абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, от простого к сложному. Более конкретно: в рамках восходящего и коммулятивного процесса познания на определенном его этапе могут создаваться некие определения «X» (X1, X2, X3...Xn) посредством вычленения определенных атрибутивных признаков исследуемого феномена. Они статичны и являются неким результатом происходящего процесса познания, отражают его логику и не являются завершенными, окончательными, они также отражают объективную логику развития и изменения реального объекта. Это определение X может включать в себя не только уже имеющийся итог познания, но и некое его **«преддверие»**, предполагаемый результат последующего познания, некие предполагаемые или прогнозируемые атрибутивные характеристики феномена, которые только в последующем проявятся как значимые.

Данные определения могут формулироваться (создаваться) в рамках неких «предварительных отвлечений», при игнорировании ряда объективных условий существования и признаков реального феномена, и предположения его функционирования в условиях объективно не существующих, а лишь мыслимых. Данный процесс позволяет создавать определения (идеальные типы) лишь мыслимых, предполагаемых и идеальных феноменов [подробнее: Казаков, 2018: с. 74–95], являющихся не знанием, а лишь средством познания реальности.

На каждом этапе познания могут формироваться и некие «определения У» того или иного феномена, но не претендующие на его отражение как целостности, а имеющие лишь ограниченные цели и задачи. Они, как правило, предполагают тщательное и детальное исследование лишь одного или нескольких аспектов (признаков, характеристик) анализируемого феномена.

Как следствие изложенного: существование многочисленных определений реального феномена и специфическая логика их создания являются одной из причин иной специфической логики, логики построения предоставляемого читателю текста работы, ее структуры, последовательности ее отдельных частей и т. д. Так, в рамках «Капитала» одним из важнейших объектов исследования Маркса являлся наемный рабочий (рабочий класс). Однако, начиная анализ капитала с исследования товара, денег и процесса обмена, Маркс в первых главах первого тома «Капитала», можно сказать, вообще не использует термины «рабочий» или «наемный рабочий». В этой части книги он не исследует феномен рабочего (рабочего класса), а для его обозначения использует лишь близкие понятию «рабочего» иные термины, например, «товаровладелец», «продавец», «трудящийся индивидуум» [Маркс, 1960: с. 96, 173, 182] и т. д. В этой части книги Маркс «ищет» родовое понятие для видового понятия «рабочий». К ним он, в частности, относит понятия «производитель» («непосредственный производитель»), «работник», «рабочая сила». Реальные феномены, отображаемые этими понятиями, при определенных условиях могут трансформироваться в феномен наемного рабочего, приобретать все или отдельные его качественные характеристики или характеристики (признаки) близкие характе-

ристикам рабочего. Так, Маркс, например, пишет: «Рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она **выносится на рынок** (выделено автором) или продается ее собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности» [Маркс, 1960: с. 178]. Это определение рабочей силы, по существу, совпадает с определением рабочего. В частности, Маркс пишет: «Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы» [Маркс, 1960: с. 181].

Несколько иначе можно сказать, что термины «рабочая сила» и «рабочий» («наемный рабочий») Маркс часто (не всегда) использует как тождественные и взаимозаменяемые. Следует отметить, что на этом этапе познания Маркс для раскрытия сущности этих феноменов и установления их атрибутивных характеристик постоянно использует термины «рынок», «товаровладелец», «товар», «продажа» и некоторые иные. Отображаемые ими феномены в той или иной мере связаны со **свободой** вообще и свободой личности в частности. Свобода определяет в той или иной мере сущность этих феноменов и характеризует их. Например, рынок может существовать только при условии свободы купли – продажи, а товаровладелец – только при свободе распоряжаться своим товаром. Видимо, и поэтому Маркс на этом этапе познания рабочего характеризует его как «свободного собственника», «свободного человека», «свободной личности» и т. д., но позже он отказывается от этого атрибутивного признака наемного рабочего. Определение наемного рабочего как свободного рабочего, свободного продавца своей рабочей силы – определение первоначальное, определение «X1». Отмеченные выше точки зрения Каутского, Брегеля и других лишь абсолютизировали это определение («X1»), игнорируя возможность существования иных определений, особенно противоположных. В их рамках процесс познания рабочего, по существу, признавался завершенным, завершенным признавался и объективный процесс возможной

трансформации, модернизации, изменения самого рабочего. В целом игнорировалась точка зрения о том, что феномен может и должен пониматься посредством системы его определений.

С отмеченных точек зрения весьма значимым представляется понимание Марксом такого феномена, как пролетариат, а также использование им термина «пролетариат» и попыток установления (создания) его определения. Во-первых, Маркс довольно широко использует понятия «пролетарий» и «рабочий», «пролетариат» и «рабочий класс» как тождественные и взаимозаменяемые. Например, в «Манифесте Коммунистической партии» (1848) утверждается: «Пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал» [Маркс, Энгельс, 1955: с. 430].

Однако у Маркса существует и иная точка зрения на пролетария (пролетариат) и наемного рабочего (рабочий класс). Так, в первом томе «Капитала», ссылаясь и в ссылке на свою работу «Наемный труд и капитал» (1849), Маркс пишет: «Под «пролетариатом» **в экономическом смысле** (выделено авторами) следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала» [Маркс, 1960: с. 628]. То есть, собственно, такие понятия как «пролетарий» («пролетариат»), «рабочий» («рабочий класс») имеют **экономический**, а значит и **политический смысл** (возможны и иные смыслы). Такая позиция явно прослеживается в творчестве Маркса с момента возникновения марксизма как идеологии рабочего класса (пролетариата). Уже в «К критике гегелевской философии права. Введение» (январь 1844) Маркс указывал на политическую роль пролетариата, его политическую значимость как политической силы, осуществляющей эмансипацию (революцию). В частности, он пишет: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие» [Маркс, 1955: с. 428]. Затем он конкретизирует: «*Эмансипация немца есть эмансипация человека. Голлова этой эмансипации – философия, ее сердце – пролетариат*»

[Маркс, 1955: с. 429]. В последующем подчеркивание политической значимости пролетариата и указание на нее Маркс будет осуществлять неоднократно. В «Манифесте Коммунистической партии» (1848), например, утверждается: «Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии» [Маркс, Энгельс, 1955: с. 446]. Затем эта идея получает продолжение: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс» [Маркс, Энгельс, 1955: с. 446].

В целом на основании изложенного можно высказать гипотезу: существует два различных понимания на два определения пролетариата – рабочего класса. Условно первое – политическое, в нем фиксируется лишение пролетариата политической власти, его политическое угнетение и его политическая цель – установление политического господства, превращение в господствующий класс (диктатура пролетариата). Условно второе – экономическое, в нем фиксируется лишение рабочего класса средств производства, жизненных средств и условий существования, его экономическая эксплуатация и его экономическая цель: уничтожение капиталистической частной собственности и обобществление как средств производства и производства в целом.

У Маркса есть и иное, третье понимание пролетариата. В его основе лежит одно из определений пролетариата, применяемое Марксом. В частности, он пишет о пролетариях и о пролетариате в целом как «поставленных вне закона» [Маркс, 1960: с. 728, 730, 735 и т. д.].

Раскрывая сущность данной характеристики (признака) пролетариата, Маркс пишет о нескольких причинах (этапах, волнах) его возникновения и формирования. Первая причина, первый этап начался на рубеже XV–XVI веков, когда «масса поставленных вне закона пролетариев была выброшена на рынок труда в результате роспуска феодальных дружин» [Маркс, 1960: с. 730]. Можно сказать, что в этом высказывании Маркс указывает на второй признак пролетариата – это социальная группа

выброшенных на рынок труда, но не ставших ни свободными крестьянами, ни наемными рабочими, они не сумели приобрести и какой-либо иной статус трудящегося. По Марксу: рабочая сила наемного рабочего появляется, выносятся, выходит на рынок труда, а не выбрасывается. Несколько иначе – пролетарии были лишены возможности трудиться, работать, лишены средств производства, жизненных средств и условий существования.

На втором этапе (вторая причина) крупные феодалы «создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы» [Маркс, 1960: с. 730]. Это была насильственная экспроприация, в ходе которой жилища крестьян и коттеджи рабочих безжалостно сносились, а сами они, будучи совладельцами общинной собственности, лишались права на нее, лишались права собственности. Лендлорды, уничтожая феодальный строй поземельных отношений, «присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право» [Маркс, 1960: с. 734]. Они также «сбросили» с себя всякие повинности по отношению к государству. Этот процесс начался в конце XV века и проявлялся в разных формах: от отдельных индивидуальных насилий до парламентского грабежа народной земли посредством законов об огораживании общинной земли, то есть декретов, «при помощи которых лендлорды сами себе подарили народную землю на правах частной собственности» [Маркс, 1960: с. 736]. Последствия данных изменений были различны: от возникновения мелких фермеров, арендующих землю погодно, некоего «сброда людей», рабски приниженных и зависящих от произвола лендлорда до превращения «сельского населения в пролетариат» [Маркс, 1960: с. 736], его «высвобождения» для промышленности.

Третья причина (этап) возникновения пролетариата. Как пишет Маркс, «насильственная экспроприация народных масс получила новый страшный толчок в XVI столетии в связи с Реформацией и сопровождавшим ее колоссальным расхищением церковных имений. Ко времени Реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части земли в Ан-

глии. Уничтожение монастырей и т. д. превратило в пролетариат их обитателей» [Маркс, 1960: с. 732]. С расхищаемых церковных земель сгоняли их арендующих земледельцев, у них также было отнято гарантированное право обедневших на известную часть церковной десятины.

Еще одной причиной (четвертой) возникновения пролетариата стало расхищение государственных земель. Маркс, в частности, пишет: «Государственные земли отдавались в дар, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем прямой узурпации. Все это совершалось без малейшего соблюдения законности» [Маркс, 1960: с. 735]. Капиталисты-буржуа способствовали этим махинациям, «чтобы превратить землю в предмет свободной торговли, расширить область крупного земледельческого производства, увеличить прилив из деревни поставленных вне закона пролетариев» [Маркс, 1960: с. 735].

В целом все эти методы первоначального накопления позволяли «завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата» [Маркс, 1960: с. 744], – пишет Маркс. Далее он продолжает: «Люди, изгнанные вследствие роспуска феодальных дружин и оторванные от земли то и дело повторяющейся, насильственной экспроприацией, – этот поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появился на свет» [Маркс, 1960: с. 744]. Кроме того, он отмечает: «С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг – частью из склонности, в большинстве же случаев под давлением обстоятельств» [Маркс, 1960: с. 744]. Отцы теперешнего рабочего класса – пролетарии – были, по мнению Маркса, бродягами и пауперами, а с точки зрения закона того периода – «добровольными» преступниками, «исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях» [Маркс, 1960: с. 744]. Например, в соответствии с законом от 1530 года в Англии старым и не-

трудоспособным нищим разрешалось собирать милостыню, а для трудоспособных за подобные действия предусматривалась порка и тюремное заключение. Лишь только с дальнейшим ростом и развитием «капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы» [Маркс, 1960: с. 747]. Иными словами, «слепа́я сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное принуждение, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства», т. е. зависимости от капитала, которая создается самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается» [Маркс, 1960: с. 747]. Собственно, Маркс указывает еще на одно различие между пролетариатом и рабочим классом: представителей первого необходимо заставлять и учиться работать внеэкономическими средствами принуждения, представителей второго заставлять трудиться необходимо посредством экономических средств и методов.

В итоге анализа пролетария и пролетариата Маркс заключает: «Мы рассмотрели те насилия, при помощи которых были созданы поставленные вне закона пролетарии, тот кровавый режим, который превратил их в наемных рабочих, те грязные высочайшие государственные меры, которые, усиливая степень эксплуатации труда, повышали полицейскими способами накопление капитала» [Маркс, 1960: с. 752]. Собственно, в этом своем высказывании Маркс опять же указывает на нетождественность и на различие пролетариев и наемных рабочих: первых превращают во-вторых, первые – лишь социальная база для вторых.

В более широком плане, исходя из приведенных выше высказываний Маркса, можно сказать, что пролетариат не только социальная группа (класс), поставленная вне закона, вне права, но и лишенная, а также лишаемая (эксплуатируемая) прав, средств производства, гарантий и условий своего существования. Пролетарий, выброшенный на рынок, находящийся вне права и прав не может быть товаровладельцем своего товара рабо-

чей силы как наемный рабочий. Пролетариат возникает в период кризиса феодализма, он представляет собой некую исходную и базовую социальную группу, на основе которой возникают (как будет показано ниже) иные группы: пауперы, люмпены, сельскохозяйственные рабочие, домашние рабочие, арендаторы и т. д., а в более широком плане – мелкая буржуазия, иные средние слои и промежуточные группы. Пролетариат с такой точки зрения, как промежуточная группа, существует и при феодализме, и при капитализме. Рабочий класс – класс капиталистического общества. По Марксу, рабочий класс не только и не просто «интегрирован» в капиталистическое общество, а является его основным и системообразующим классом, без рабочего класса капиталистического общества быть не может.

Бессмысленно приводить высказывания Маркса по этому поводу (об «интеграции» рабочего класса в капиталистическое общество), но некоторые из них представляют определенный интерес. Например, Маркс определяет капиталистическое общество не только как капитализм и т. д., но и как «общество наемного труда» [Маркс, 1960: с. 229], указывая этим не только на «интегрированность» рабочего класса в капиталистическую систему, но и на его значимость для ее существования. Маркс постоянно, систематически в разных формах пишет о единстве («интеграции») капиталиста и наемного рабочего и обосновывает его. Наиболее простое: товаровладелец-продавец (наемный рабочий) не может существовать без покупателя (капиталиста), а покупатель без продавца. Эта же мысль в иной форме: «Постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остается постоянным условием воспроизводства капитала» [Маркс, 1960: с. 585]. Или несколько иначе: «Накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость – капиталистическое производство, а это последнее – наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей» [Маркс, 1960: с. 725].

Собственно, указанные идеи Маркса вытекают из его диалектической логики, в рамках которой противоположности (капиталист – наемный рабочий) существуют в борьбе между собой, но также и в своем единстве («интеграции»). С такой точки

зрения, следует еще раз подчеркнуть, рабочий класс – системообразующий класс капиталистического общества, это основной его атрибутивный признак, многие иные лишь производные от него. Именно и поэтому Маркс (совместно с Энгельсом) пишет: «Общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат» [Маркс, Энгельс, 1955: с. 425]. Последний понимается в данном конкретном случае как рабочий класс в тождественном с ним смысле или в смысле только политическом, но также указывающем на их тождественность.

В рамках этой точки зрения можно предположить (высказать гипотезу): в определенных условиях рабочий класс может трансформироваться в класс привилегированный (мощные организованные профсоюзы, политические партии, представительство в парламенте и т. д.), а иные переходные социальные слои превращаются в наиболее эксплуатируемые капиталом и наиболее угнетаемые властью.

Часть отмеченных выше проблем попытался решить упомянутый советско-российский философ Карл Кантор, который не только стремился «защищать» Маркса, но и развивать его отдельные идеи. Он постоянно соотносит свою их интерпретацию или интерпретацию конкретных цитат Маркса с конкретными его высказываниями из различных его работ и этим пытается обосновать аутентичность своих интерпретаций самому Марксу.

Конкретно, анализируя исследование Марксом рабочего класса и пролетариата, Кантор утверждает о существовании многочисленных и разных определений этих социальных групп. Так, в частности, он пишет о «политэкономических и политических определениях рабочего класса», о его производственно-технических, экономических определениях. А также о возможности дать ему определение «по типу трудовой деятельности, по месту, занимаемому, а процессе производства, по некоторым его экономическим (проходит через процедуру найма, получает заработную плату), но не по глубинным социокультурным характеристикам» [Кантор, 1992: с. 60].

Кроме того, Кантор фиксирует ситуацию, в рамках которой Марксу предъявляется «совсем уж не философский упрек в том,

что идеолог пролетариата сконструировал понятие «рабочий класс» еще до того, как непосредственно столкнулся с реальными пролетариями, и, что, следовательно, **это понятие не является результатом обобщения эмпирических наблюдений** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 97]. С точки зрения Кантора, «этот упрек характерен. В нем – позитивистский скепсис по поводу возможности философско-теоретического постижения действительности» [Кантор, 1992: с. 97]. А далее Кантор заключает: «В учении Маркса «рабочий класс» действительно не выступает как простое обобщение эмпирических наблюдений экономического положения и социального поведения рабочих. Более того, **из непосредственных наблюдений просто невозможно было бы сделать вывод о всемирно-исторической роли пролетариата** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 97].

Вероятно, для более адекватного понимания идей Кантора следует повторно изложить содержание некоторых из них. В частности, с его точки зрения Маркс создал в первую очередь не столько науку, сколько **историософию**, которую следует анализировать и понимать в рамках совершенно иной системы категорий, а также иного понимания некоторых из них. В частности, категория «рабочий класс» и в историософии Маркса является «узловой категорией». Однако, по Кантору, «ошибочно искать соответствие Марксовой категории «рабочий класс» эмпирическому рабочему классу, ибо она тем самым, «изымается» из органической системы категорий целостного учения Маркса, которая именно как целостное **теоретико-проектное** (выделено авторами) знание дает объяснение действительности, какая она есть и какой она будет, и рабочему классу в этой переживающей историю тотальности материально-духовной практики» [Кантор, 1992: с. 98]. Категория «рабочий класс» у Маркса не имеет естественнонаучного (позитивистского) характера, она даже скорее не научная в строгом понимании этого слова, а историософская. Это качество в концепции Маркса она приобретает в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, как пишет Кантор, «наблюдать непосредственно законы общественного развития невозможно; для того чтобы установить их, нельзя поставить естественнонаучный экспери-

мент. То и другое должна, по словам Маркса, заменить «сила абстракции». А то знание о рабочем классе, которое дает марксизм, относится как раз к знанию *законов* общественного развития. Понятие «рабочий класс» в историософской концепции К. Маркса отражает *закон* бытия реального рабочего класса, а не непосредственность его проявлений, которые, по самой природе феноменальной среды, противоречат закону» [Кантор, 1992: с. 98]. Собственно, такая теоретическая позиция является стандартной, точка зрения Кантора лишь актуализирует в той или иной форме проблему соотношения теории (сознания) и реальности (бытия).

Во-вторых, как считает Кантор, «историческому преобразованию общества, в котором появился рабочий класс, должно было предшествовать его преобразование в сфере теоретической практики, в сфере историософской, причем такое преобразование, в которое «рабочий класс» включался как системообразующая категория. Поскольку же это было такое преобразование теоретической практики, которое призвано было выступить как целеполагание преобразования целокупной общественной практики, понятие «рабочий класс» не могло просто фиксировать фактическое положение пролетариата; оно должно было *оперезать* процесс предстоящих ему изменений» [Кантор, 1992: с. 98].

Иначе: эта позиция нацеливает, с одной стороны, на познание и фиксацию прошлого рабочего класса и пролетариата, с другой – на прогноз и установление их будущего. Коротко: чтобы познать настоящее, необходимо исследовать прошлое и создавать вариативные проекты будущего. Впрочем, в такой теоретической позиции нет нового и нечто оригинального. Оригинальность Кантора в том, что он предлагает исследовать прошлое и исследует его, а также проектирует будущее с точки зрения не только науки, но и историософии.

Будущее. Как пишет Кантор, «марксистская историософия мертва без идеи всемирно-исторической роли пролетариата, как и марксистское учение о пролетариате мертво без идеи истории. В марксизме рабочий класс и всемирная история находятся в столь тесной и нерасторжимой взаимосвязи, что если «нет истории», то «нет и рабочего класса» [Кантор, 1992: с. 101].

Далее, опираясь на Маркса, Кантор конкретизирует эту идею. С его точки зрения миссия рабочего класса отчасти заключается в «завершении» всей человеческой предыстории, то есть того, что обычно принято называть Историей или, по Марксу, совершить скачок из «царства необходимости» в «царство свободы». Такая теоретическая позиция несомненно является историософской и не подлежит эмпирической верификации, то есть она не связана со своим эмпирическим обоснованием и ее «строгая научность» может быть поставлена под сомнение.

Прошлое. Однако нахождение субъекта познания на указанной теоретической позиции порождает ряд вопросов и требует решения некоторых исследовательских задач, например, выяснения «прошлого» рабочего класса или выявления его взаимосвязей с такими социальными группами, как «ремесленники» или вообще «мелкие собственники», «рабы», «пролетарии» и т. д. В частности, Кантор вопрошает: «Если корни рабочего класса не уходят в глубь истории, не достигают ее начал, ее исходных моментов, ее парадигмы, то нечего и говорить о способности рабочего класса стать **завершителем исторического процесса** (выделено авторами), ибо он по природе своей таков, что в нем начала и концы сходятся» [Кантор, 1992: с. 101]. Или, в другом варианте, он ставит задачу: «Следует выяснить, **какова укорененность рабочего класса в Истории** (выделено авторами), сколь глубока его связь со свободой» [Кантор, 1992: с. 101]. Далее он пытается объяснить свою позицию: «Теоретическую модель всемирно-исторической роли рабочего класса нельзя строить, беря его историю с того момента, когда он выступает в качестве наемных рабочих мануфактуры» (Кантор, 1992: с. 101). При этом он отмечает, что «речь идет, конечно, не о модернизации древней истории, не о том, скажем, чтобы античные эргостерии объявить капиталистическими предприятиями, а работающих на них – современными рабочими; речь идет о выяснении того, что не будучи современным, капиталистическим, рабочеклассовым, тем не менее обусловило возможность их образования» [Кантор, 1992: с. 101]. Иначе, встает задача «о выяснении причастности рабочего класса к сути, основному содержанию исторического процесса, как он обозначался с самого начала истории, ибо эта

суть и это начало, сохранившиеся на протяжении всей истории, продолжают действовать и сегодня» [Кантор, 1992: с. 101].

Решая отмеченные задачи, Кантор, по существу, проводит различие между рабочим классом и пролетариатом, а также выявляет различия их составляющих социальных групп по разным критериям, включая исторические, социально-пространственные и т. д.

Более конкретно, во-первых, Кантор утверждает о необходимости различать рабочий класс и пролетариат. В частности, он считает: «Свободные наемные рабочие и пролетарии (неимущие свободные) понятия близкие, но не тождественные. Пролетарий может и не быть трудящимся, а наемный рабочий, хотя и непременно лично свободен, но не всегда является неимущим. Полное совпадение этих понятий принадлежит первым столетиям капиталистического общества» [Кантор, 1992: с. 102]. Иначе: пролетарий – это всегда **неимущий**, ему нечего терять, кроме своих цепей, и этот признак, по Кантору, основной из всех иных. Однако сам Кантор не совсем последовательно, четко и системно придерживается этих отмеченных признаков, особенно при различии рабочего класса и пролетариата. Кроме того, понимание Кантором пролетариата серьезно отличается от его понимания Марксом. Для последнего пролетариат – это класс, в первую очередь «поставленный вне закона», для него, вероятно, это основной, атрибутивный признак пролетариата. Маркс постоянно в разных своих работах указывает на этот признак (о чем речь шла выше). Повторяясь и подчеркивая, следует отметить: для Кантора, исходя из его текстов, основным атрибутивным признаком пролетариата является отсутствие у него средств производства или как он пишет: пролетарий является неимущим. В этом заключается его отличие от наемного рабочего, который не всегда и не обязательно, особенно современный рабочий, является неимущим. Маркс часто и неоднократно в разных своих работах писал о наличии у наемного рабочего, особенно на этапе существования его переходных форм (рабочего-крестьянина, мануфактурного рабочего-ремесленника и т. д.), разных форм собственности.

Во-вторых, и пролетарий, и наемный рабочий являются политически свободными, независимыми и суверенными, в этом их «сходство» и «близость». Однако они различны между собой по степени экономической свободы.

В-третьих, пролетарий и наемный рабочий отличаются между собой своим отношением к труду, своим участием в непосредственном материальном производстве, источниками дохода и средствами существования. Наемные рабочие **всегда вынуждены продавать** свою рабочую силу, чтобы добыть средства к существованию. Позиция пролетариата, с точки зрения Кантора, – двойственная, точнее она изменчива, переменна и неоднозначна. Более конкретно он пишет: «Пролетарии – неимущие свободные – класс, который впервые возник в Древнем Риме. Он возник в результате экспроприации крестьян – свободных мелких собственников. Но римские пролетарии не стали наемными рабочими. Римский пролетариат **полностью выключился из процесса производства, перестал трудиться** (выделено авторами). Не имея собственности, он **стал жить за счет государства** (выделено авторами). Отличие пролетариев капиталистической эры от пролетариев Древнего Рима, по замечанию Энгельса, состоит в том, что первые сами содержат, кормят государство, вторые же, напротив, живут за счет государства, за счет, следовательно, всего общества, за счет рабов и свободных тружеников» [Кантор, 1992: с. 103].

Иначе – существует два типа пролетариев: не трудящихся (не работающих) и живущих за счет государства пролетариев античности и работающих пролетариев капиталистической эры, которые уже сами содержат государство и самих себя. То есть по отмеченной логике пролетарии второго типа (работающие) должны были бы превратиться в наемных рабочих, но Кантор не признает ни этой логики, ни этой реальной (фактической) ситуации. Вместе с тем он утверждает: «Древнеримские пролетарии не были наемными рабочими, но рабочие Западной Европы, став пролетариями, неизбежно становились еще и наемными рабочими. Став наемными рабочими, они должны были оставаться пролетариями, т. е. по-прежнему неимущими или, по крайней мере, не имеющими иного устойчивого источника существования,

кроме работы по найму, чтобы смириться со своим положением наемных рабочих» [Кантор, 1992: с. 103]. Иначе: Кантор определяет пролетариев второго типа как пролетариев – наемных рабочих. Кроме того, пролетарии не просто не хотели работать, у них сложилось **презрительное отношение к труду**, сам труд они воспринимали как презренный, презренный ради куска хлеба. В целом на основе отмеченных качеств в рамках пролетариата сложилась специфическая социальная группа («люмпен-пролетариат»), характеризую которую, Маркс писал: «Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной *чернью*, более презренной, чем недавние «poor whites» («белые бедняки» – уточнение авторов) южной части Соединенных Штатов» [Маркс, 1961: с. 121].

В более широком плане: в-четвертых, как утверждает Кантор, пролетарии обладают неким **«пролетарским состоянием»**. Точнее, вероятно, было сказать, – совокупностью пролетарского сознания, психологии, чувств, специфического пролетарского поведения, образа жизни, неких их социокультурных оснований и т. д. **Это пролетарское состояние различно у разных социальных групп пролетариата.**

Кантор исходит из того, что многие индивиды, сформировавшиеся как Личности, включая представителей разных типов трудящихся, обладают (приобретают) качеством (свойством) человека быть своим собственным господином. «Этого нельзя сказать, например, о пролетарии китайском, который никогда не был в строгом смысле *наемным* рабочим, разделяя в своем пролетарском состоянии (как до того и в крестьянском) общую для всех китайцев рабскую судьбу подданных восточной деспотии. Этого нельзя сказать об африканском пролетарии, для которого его пролетарское состояние выступает порой всего лишь как новое проявление родоплеменной жизни. Ни китаец, ни африканец никогда не знали, что значит быть «своим собственным господином» [Кантор, 1992: с. 39].

То есть весьма условно можно говорить о пролетарии восточно-рабского типа и пролетарии африкано-родоплеменного типа, отличающихся от пролетария европейского типа. Более конкретно Кантор пишет (один из примеров его отождествления рабоче-

го класса с пролетариатом): «Маркс говорил о двух различных путях формирования рабочего класса: один европейский, когда пролетариат возникает в результате экспроприации независимых товаропроизводителей – мелких частных собственников – ремесленников, и свободных крестьян; другой, внеевропейский, азиатский – когда он рекрутируется из рабов, или из крепостных, или из членов общины» [Кантор, 1992: с. 59].

Представители рабочего класса (или европейского пролетариата), возникшего первым путем в результате изменений, произошедших в процессе пролетаризации, своего формирования, оказывались в положении худшем до его начала. Ранее, в качестве мелких производителей, они знали, что значит быть своим собственным господином, что такое свободная самостоятельность в труде и социальных отношениях, ранее они обладали человеческой целостностью. Именно у рабочего такого типа труд становился из неотчужденного отчужденным, а сам он становился частичным человеком, именно у рабочего такого типа «возникает естественное стремление (реализуемое в процессе многовековой борьбы) к преодолению отчужденности своего труда, к обретению утраченной человеческой целостности (если не в процессе труда, когда это невозможно, то за его пределами)» [Кантор, 1992: с. 59].

Представители рабочего класса (или внеевропейского пролетариата), возникшего вторым путем, остаются примерно в старом положении или улучшают его. «Для такого рабочего пролетарское положение – не обуза. Он в нем не потерял себя как свободная личность (ибо и прежде не был ею), его труд не «стал» отчужденным, ибо прежде не был неотчужденным. Он может и не стремиться к восстановлению утраченного положения, ибо с точки зрения социокультурной оно осталось в принципе тем же самым» [Кантор, 1992: с. 59]. Рабочий такого типа (и пролетарий) может стремиться к возвращению в прежнее состояние в первую очередь из-за того, что в новом статусе к нему стали предъявляться новые, непривычные для него требования большей самостоятельности и инициативы, новые условия труда и большей ответственности, особо за его результаты.

Существование различных социальных групп пролетариата обусловлено не только различными историческими условиями (разным историческим временем), но и различной социальной базой их формирования. Базой европейского типа пролетариата (и европейского рабочего класса) как античного, так и периода капитализма, а также современного пролетариата являются экспроприированные непосредственные производители, как правило, и в основном европейские – мелкие частные собственники, ремесленники и крестьяне. Они обладали и «обладают громадным предшествующим опытом самостоятельного, самодостаточного, инициативного существования, который стал их «второй натурой» и не мог выветриться только от того, что внешние условия прервали привычный для них образ жизни. И один, и другой оказались поставленными в положение, когда они должны были из тружеников, ценящих труд, превратиться в людей, презирующих труд как рабскую подневольную деятельность. Но при этом первый (древнеримский пролетарий) мог не заниматься презренным трудом, а второй (западноевропейский пролетарий), ненавидя свой бессмысленный труд, вынужден был трудиться, чтобы не умереть с голода» [Кантор, 1992: с. 104].

Базой «восточного пролетариата» являются не свободные граждане, а политически зависимые подданные разного рода деспотий, империй или даже некоторых авторитарных государств. Базой «африканского пролетариата» являются также не свободные, а находящиеся в кровнородственной зависимости члены родовых или племенных общин. В последних обществах и государствах отсутствует частная собственность, еще не произошло, как отмечено выше, осознание противоречия между индивидом и родом и обретения личностью самосостояния. Иными словами, такого рода «пролетарии» «становились «наемными рабочими», находясь еще в крепостном состоянии или только что выйдя из него; они переходили на положение наемных рабочих, оставаясь еще членами сельских общин или даже, как в Африке, родовых племен» [Кантор, 1992: с. 109]. Данные процессы происходили в «обществах не исторических и остающихся не историческими после того, как в них образовался «рабочий класс», который является в структуре этих не исторических обществ

заимствованной на Западе характеристикой технико-экономической организации производства, но не культурно-исторической категорией» [Кантор, 1992: с. 109].

Заключением анализа пролетариата Кантором можно считать его актуализацию проблемы об «упразднении пролетариата» (рабочего класса?), идеи, по его мнению, высказанной Энгельсом в работе «Революция и контрреволюция в Германии», опубликованной в виде ряда статей с октября 1851 года по октябрь 1852 года [Энгельс, 1957: с. 3–113]. При этом Кантор утверждает: «Энгельс ошибся лишь в сроках и последовательности событий, когда говорил: «Великая проблема XIX века – проблема упразднения пролетариата». Этого не произошло в XIX в., не произошло вполне и в XX в., но частично этот объективный процесс упразднения все идет» [Кантор, 1992: с. 57–58]. Иначе, как считает Кантор, этот объективный процесс уже идет в настоящее время. «Ни Маркс, ни Энгельс не фетишизировали пролетариат. Они полагали, что пролетариат упразднит себя, осуществив политическую революцию» [Кантор, 1992: с. 58]. Но фактически при изменившихся исторических обстоятельствах в текущий период процесс упразднения пролетариата уже начался до его революции. Он проявляется в том, что пролетариат перестает или уже перестал быть неимущим классом. Кроме того, «если обеспечивается самодеятельность для все большего числа рабочих как в процессе труда, так и, особенно, за его пределами, если, далее, происходит сокращение промышленного рабочего класса (а в последние годы и рабочего класса вообще)» [Кантор, 1992: с. 58]. В приведенных высказываниях Кантора опять же проявляется его отождествление рабочего класса с пролетариатом.

Вместе с тем следует отметить, что данная идея об «упразднении», во-первых, несколько «глубже»: после становления неизбежности столкновения между предпринимателем и наемным рабочим, «тогда выступает, наконец, во всей своей полноте и со всей ясностью великая проблема XIX века – проблема упразднения пролетариата» [Энгельс, 1957: с. 11]. Иначе: «упразднение пролетариата» начинается не с политической революции, а значительно раньше – с осознания пролетариатом различия или противоположности интересов пролетариата и предпринимателей.

Во-вторых, идея «упразднения» значительно «шире» и высказывалась Марксом несколько раньше отмеченного периода и вообще ее можно считать классической в марксизме. В его рамках она – не исключение, а стандарт, хотя и формулируемый в разных формах. В наиболее общем виде ее высказал, например, Маркс в своей работе «Наемный труд и капитал», основу которой составили лекции, прочитанные им в Немецком рабочем обществе в Брюсселе в декабре 1847 года. В ней он, в частности, утверждал: *«Капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга»* [Маркс, 1957: с. 444]. Затем Маркс конкретизирует: «Капитал может увеличиваться, лишь обмениваясь на труд, лишь вызывая к жизни наемный труд. Наемный труд может обмениваться на капитал лишь при том условии, если он увеличивает капитал, усиливает ту самую власть, рабом которой он является. Поэтому увеличение капитала есть увеличение пролетариата, т. е. рабочего класса» [Маркс, 1957: с. 445]. Иначе: пролетариат (рабочий класс) есть класс капиталистического (индустриального) общества или как минимум класс переходного к капитализму общества. Он имеет ограниченные временные рамки своего существования, рамки существования капитализма, капитала.

В-третьих, идея «упразднения пролетариата» является специфической формой проявления рассмотренной выше идеи «интеграции» рабочего класса в капиталистическое общество.

В целом Кантор пишет о некой **пролетарской сущности**, которая «сближала» и «объединяла» древнеримских пролетариев с современными наемными рабочими. Она включала в себя «свое (пролетариата – уточнение авторов) презрение к системе наемного рабства, свое нежелание заниматься материальной деятельностью, которая не создает их индивидуальность, но, напротив, разрушает ее, не утверждает их свободу и независимость, но, напротив, наносит им непоправимый ущерб» [Кантор, 1992: с. 104]. С другой стороны, «пролетарская сущность западноевропейского наемного рабочего толкала его на борьбу против наемного труда, на борьбу за такие формы социального, государ-

ственного устройства, которые бы сделали возможным его существование без наемного труда» [Кантор, 1992: с. 104].

Кантор также уделяет много внимания различным проблемам рабочего класса, некоторые из них связаны с его возникновением, существованием, а также в основном с его структурой и его различными типами. В частности, исходя из вышеизложенной логики, можно говорить о «восточном» и «африканском» рабочем классе, то есть о его «неевропейском» и «европейском» типах. Последний также имеет несколько своих исторических вариантов. С точки зрения Кантора, первым из них были свободнорожденные наемные рабочие Древней Греции. Хотя в ней господствующим был рабовладельческий способ производства, на «подсобных работах» в ремесленном производстве использовались и свободные. Он, ссылаясь на Платона и цитируя его, утверждает: «Чернорабочими могли быть и свободные, не способные к ремеслу, но достаточно сильные и выносливые. О них Платон писал: «духовный их склад таков, что с ними не очень-то стоит общаться, но они обладают телесной силой для тяжелых работ. **Они продают в наем свою силу и называют жалованьем цену за этот наем** (выделено авторами): потому-то я думаю, их и зовут **наемниками** (выделено авторами)» [Кантор, 1992: с. 102]. Сам Кантор, характеризуя наемного рабочего данного типа и указывая на его основные признаки, пишет: «Античный «наемник» напоминает современного наемного рабочего. Он также лично свободен, он равноправный гражданин, он продает свою рабочую силу и получает заработную плату, как и значительная часть современных промышленных рабочих, тем более чернорабочих, разнорабочих; он выполняет рутинную, физическую работу» [Кантор, 1992: с. 102]. Более того, Кантор задается вопросом: «Можно ли такого «наемника» считать *прототипом* наемных рабочих капитала? Полагаю, что в какой-то мере и каких-то (не всех, и не всюду, не в каждой культуре) – несомненно. Но можно ли о «наемнике» сказать, что он прототип того типа наемного рабочего, которого описывали Маркс и Энгельс? По-моему, нельзя» [Кантор, 1992: с. 102].

Иначе коротко можно сказать: античный «наемник» как наемный рабочий отличается как от современного рабочего в раз-

личных его вариантах, так и от рабочего, которого описывал Маркс. Еще короче: все эти отряды наемных рабочих качественно отличаются между собой.

Кроме отмеченных выше, Кантор указывает и на иные многочисленные отличия между отмеченными группами наемных рабочих. Во-первых, античный «наемник» и рабочий класс Маркса существовали в разное историческое время, в разные исторические эпохи, в разных социально-экономических и политических условиях, при разном уровне развития производительных сил. Кантор, ссылаясь на Маркса, в этом плане конкретизирует, что, как уже отмечено, с его точки зрения рабочий класс Маркса стал возникать **заново** со второй половины XIV века «вне прямой связи с предшествующей многовековой историей наемного труда» [Кантор, 1992: с. 108]. Более того, он считает, опять же ссылаясь на Маркса, что XV век является исходным пунктом истории рабочего класса в Англии (не упоминая при этом античных «наемников»).

Во-вторых, деятельность этих отличающихся между собой социально-классовых групп и их политических сил имела совершенно разные качественные социальные последствия и приводила к различным социальным изменениям. Более конкретно: при «античных наемниках» и в рамках их деятельности возник и существовал рабовладельческий способ производства, при рабочем классе Маркса – капиталистический способ производства. Обосновывая свою позицию, Кантор приводит мнение Маркса: «Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам» [Маркс, 1961б: с. 121].

В-третьих, одной из основных причин различия между отмеченными отрядами рабочего класса и еще одним из их отличий является их различный источник, различная их социальная база. Для одних социальных групп рабочего класса – это пролетариат в его различных вариантах, для других – это непосредственные производители, мелкие частные собственники в их различных вариантах (крестьяне, ремесленники и т. д.), для третьих – это члены родоплеменных, кровнородственных или семейных общин, а также рабов или свободнорожденных.

В-четвертых, отмеченные отряды рабочего класса отличаются между собой своими социокультурными основами и уровнем их развития. При этом, как отмечает Кантор, речь идет «не о культуре как характеристике сознания и поведения индивида, а о тех коренных, устойчивых ценностях и нормах, которые являются едиными для всех членов данного общества, пронизывают все проявления жизнедеятельности этого общества и позволяют рассматривать его как нечто цельное, какие бы внутренние противоречия ни были ему присущи» [Марксизм-..., 1988: с. 133]. С его точки зрения существуют не только политическая и экономическая основы социалистической революции, но и более глубокая и во многом латентная ее социокультурная основа. В частности, он пишет: «Противоречие между развитым у **трудящихся** (выделено авторами) индивидов сознанием своей свободно-творческой сущности, потребностью в универсальном развитии и реальностью односторонней, исполнительской, управляемой деятельности – это *социокультурная* основа социалистической революции» [Кантор, 1992: с. 79]. Без нее не возникли бы противоречия в экономической сфере и не возникла бы экономическая основа социалистической революции. Вместе с тем из-за длительного существования капитализма, по мнению Кантора, «третья группа противоречий (социокультурных – уточнение автора) на долгий срок как бы опустилась «на дно» общественной жизни, в глубины сознания, тогда как «вторая» (в экономической сфере – уточнение автора) стала ведущей, причем в массовом пролетарском сознании она получила «превращенную» форму» [Кантор, 1992: с. 84]. А именно, конкретизирует и уточняет Кантор, «как показывает история забастовочного движения рабочего класса Западной Европы на протяжении XIX и XX столетия вплоть до 80-х гг., пролетариат вел борьбу не за отмену капиталистической частной собственности, а за справедливость в области распределения материальных благ, за достойное вознаграждение труда» [Кантор, 1992: с. 84].

Объясняя этот феномен, Кантор утверждает, что «обеспеченная часть рабочего класса стала как объектом, так и субъектом «массовой потребительской деятельности». Точнее, что «рабочие не собирались отказываться от требования улучшения сво-

его материального положения», и, «что они проявляли «равнодушие» к материальным благам, к улучшению условий труда, увеличению заработной платы, пенсий, пособий по безработице, к дальнейшему сокращению рабочего времени и т. п.» [Кантор, 1992: с. 77].

С другой стороны, качественно изменились требования и отношение к своему труду наемного рабочего. Ссылаясь на Маркса, Кантор утверждает, что отличительной чертой его сознания стало равнодушие к содержанию труда. По его мнению, Маркс утверждал, что так как «цель труда наемного рабочего только заработная плата, деньги, определенное количество меновой стоимости, в которой исчезает всякое своеобразие потребительной стоимости, то он совершенно равнодушен к *содержанию* своего труда и поэтому к особому роду своей деятельности, между тем, как эта деятельность при цеховой или кастовой системе считается деятельностью по призванию» [Кантор, 1992: с. 38]. Иначе можно сказать: уровень развития социокультурных основ социалистической революции у отдельных отрядов или социальных групп рабочего класса был относительно низок или вообще отсутствовал, это особо касается групп, имеющих своей социальной базой разные части пролетариата (презрение к труду) или семейные и родоплеменные общины.

В соответствии с приведенной выше логикой Кантор также утверждает, что рабочий класс боролся не за утверждение своей власти (диктатуры пролетариата), а за последовательную реализацию принципов буржуазной демократии. В частности, он писал: «Что касается «первой» группы противоречий (в политической сфере – уточнение автора), то и здесь рабочие за редкими исключениями (хотя и такими яркими, как Парижская коммуна или Ноябрьская революция в Германии в 1918 г.) выступали не против капиталистических основ государственной власти, а за последовательное осуществление политических принципов буржуазной демократии, которая в условиях капитализма наиболее благоприятна для самоорганизации пролетариата, для ведения им политической и экономической борьбы против буржуазии» [Кантор, 1992: с. 84].

В соответствии с этой же логикой речь, вероятно, необходимо вести не о всем рабочем классе, а об отдельных его социальных группах или отрядах, не имеющих тех или иных основ для борьбы за изменение политической власти или имеющих их низкий уровень развития. Обосновывая такую свою точку зрения, Кантор утверждает, что «определенные слои рабочих (выделено автором) становятся в оппозицию к этатистским, коллективистски-обезличивающим тенденциям социального прогресса, они проявляют себя как «почва» западноевропейской культуры» [Кантор, 1992: с. 48]. Иначе коротко: наемные рабочие в некотором смысле становятся «консервативными». «Правые» мотивы в их сознании сочетаются с «левыми», а само оно является многослойным и многофакторным, продуктом всей социальной и культурной истории рабочего класса, в рамках которой рабочий был и коллективистом, и индивидуалистом. Как считает Кантор, важно «понять, что «поправление» рабочего класса – не результат «происков» его классовых врагов, не результат его «податливости», «внушаемости», «несознательности» («не внесли» социалистическое сознание и т. п.); оно, это «поправление» в настроениях рабочего класса и всего общества, коренится в особенностях сознания самого рабочего класса, оказывающего влияние на все общество, ибо он поистине, повторим это еще раз, образует его «почву» [Кантор, 1992: с. 48]. В целом происходит и «поправление» государственной, как внешней, так и внутренней, политики капиталистических стран.

Кроме того, Кантор утверждает о «неподатливости» рабочего класса социалистической пропаганде, «если она делает упор только на равенство, но не на свободу, его отказ от политической революции, когда она не сулит ему сохранения хотя бы тех свобод и прав, которые он уже имеет, его переход на позиции неоконсерватизма, когда политика правительства превращается в политику социальной опеки, в благотворительность, подменяющую индивидуальную, достойную свободного человека «борьбу за существование» [Кантор, 1992: с. 109].

Собственно, Кантор в своих работах сквозной линией проводит, как уже отмечено, несколько важных мыслей. Относительно рабочего класса это, во-первых, идею о том, что рабочий класс не

является однородной массой, имеющей одинаковые, идентичные интересы, социально-классовые и идентичные политические позиции, одну идеологию, один уровень социокультурного развития и т. д.

Во-вторых, рабочий класс – не всегда единая и целостная совокупность качественно и количественно различающихся между собой социальных групп различных наемных рабочих. Их атрибутивные признаки (критерии) как относительно постоянные, так и переменные, а также часто ситуативные, постоянно или периодически изменяются. Одни из них по разным причинам теряют свою значимость, атрибутивность, другие приобретают ее на какой-то период социального и физического времени. Изменяются и совокупности основных, постоянных, атрибутивных признаков наемного работника (рабочего) в его определениях, изменяется и его общее видовое название. Так, например, еще в 1990 году Элвин Тоффлер писал о том, что в новой системе создания материальных ценностей пролетариат заменяется «когнитариатом». Название которого происходит от английского слова «cognition» – познавательная способность; знание, познание [Тоффлер, 2001: с. 45]. Более конкретно он пишет: «Чисто физический труд находится в нижней части спектра и постепенно исчезает. С малым количеством занятых физическим трудом в экономике «пролетариат» сейчас находится в меньшинстве и больше заменяется «когнитариатом». По мере становления суперсимволической экономики пролетарий становится когнитаристом» [Тоффлер, 2001: с. 103].

В-третьих, как уже отмечалось, по мнению Кантора, не только по отмеченным, но и по ряду других причин (о которых речь шла выше) дать определение рабочего класса весьма затруднительно, если вообще возможно. В теоретическом плане, вероятно, необходимо вести речь о создании идеального типа рабочего класса [Казаков, 2018], а в практическом, вероятно, можно сказать, что необходимо ставить не вопрос о том, «что такое рабочий класс?», а вопрос о том, «о каком конкретном рабочем классе идет речь?». Этот довольно широкий вопрос конкретизируется в целой совокупности иных более узких вопросов. Например, «В каком социальном времени и социальном пространстве су-

ществует этот конкретный рабочий класс?», «Какова социальная база его происхождения?», «В каком конкретном обществе он функционирует, каковы его потребности, интересы и ценности (идеология)?» и т. д. и т. п.

Определенные группы рабочего класса по некоторым и разным критериям и признакам весьма близки не только разным группам пролетариата, мелким собственникам, но и так называемым «переходным» или «промежуточным» группам, которым Кантор не уделил должного внимания в своих работах.

Промежуточные социальные слои

Для рассмотрения данной проблемы необходимо обратить внимание на выступающее в качестве методологического высказывание Маркса: «Политическая экономия (буржуазная, с точки зрения Маркса, – уточнение автора) принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой – на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первого, но и вырастает лишь на его могиле» [Маркс, 1960: с.774].

Проблема промежуточных социальных слоев в понимании их Марксом весьма сложна и объемна, она неоднозначна и многоструктурна, требует специального отдельного тщательного исследования, поэтому не может быть адекватно проанализирована в отдельной главе одной работы. Данная ситуация обусловлена рядом причин.

Во-первых, объективно исследуемые социальные группы значительно многообразны и разнообразны, между ними нет четких критериев их различия. Кроме того, сами группы во времени качественно изменяются, «перетекают» друг в друга, совмещаются, сливаются или распадаются, они не просто двойственны (рабочий-крестьянин, крестьянин-арендатор и т. д.), а и мозаичны. Их представители могут одновременно входить в разные промежуточные слои, обладать их характеристиками и реализовывать их производственные функции, пытаться одновременно достичь их различных целей и интересов, включая

политические. Иначе: они как внутренне, так и внешне противоречивы.

Во-вторых, субъективно Маркс, особенно в первом томе «Капитала», не ставил перед собой специальной задачи исследования этих групп, поэтому его высказывания о них отрывочны, присутствуют в разных частях тома, а сами его идеи относительно этих групп не систематизированы, не объединены им в некое единое целое. Кроме того, Марксом еще не предлагаются некие четкие критерии их различия. Например, для их обозначения он использует разные термины (понятия): «промежуточные формы», «промежуточные состояния», «переходные формы», «переходная ступень». Как следствие, весьма различны определения этих «форм» и «состояний», а также групп в них входящих.

Отсутствие четких критериев различия рассматриваемых групп проявляется и в том, что, исследуя период, когда капитал еще не овладел непосредственно процессом труда, Маркс относит к «промежуточным формам» ростовщика (ростовщический капитал) и купца (торговый капитал). Они, как «паразиты», пишет Маркс, эксплуатировали самостоятельного производителя (ремесленника, земледельца и т. д.). «Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, она может составить переходную ступень к нему, что было в конце средних веков» [Маркс, 1960: с. 518], – пишет Маркс.

В этих высказываниях важно отметить: а) он фактически в тождественном смысле использует термины «промежуточные формы» и «переходная ступень». Б) к входящим в них Маркс относит не только группы «низов», но и «верхов», которые еще не стали капиталистическими, в частности, ростовщиков, еще не ставших банкирами, ростовщический капитал еще не ставший капиталом финансовым. В) возможность эксплуатации одной из промежуточных групп другой. В более широком плане – возможность двойной и тройной эксплуатации какой-либо промежуточной группы не одним, а многими субъектами.

Как Маркс постоянно «ищет», создает, формирует, используя разные логики, определения и атрибутивные признаки наемного рабочего, так он и «ищет» определения и атрибутивные призна-

ки разных промежуточных социальных групп, а также критерии их различия.

Как уже отмечено в данной работе выше и на примере пролетариата, одним из таких критериев Маркс использует форму эксплуатации, а также ее субъектов. На его основе он решает ряд вопросов: кто кого и как эксплуатирует?

Более конкретно, он, например, пишет: «Достаточно простого указания на промежуточные формы [Zwitterformen], при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения, но не наступило еще и его формальное подчинение капиталу» [Маркс, 1960: с. 518]. Иначе: существует спектр различных форм эксплуатации, от прямого принуждения до формального подчинения, от внеэкономического, непосредственного принуждения (политического, силового, вооруженного и т. д.) до подчинения власти «естественным законам производства». Существует также широкий спектр субъектов эксплуатации.

Другим важнейшим критерием является тип и формы собственности. По Марксу, существует два основных типа собственности: общественная, коллективная и противоположная ей частная собственность, она частная потому, что средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Каждая из них имеет множество своих оттенков, которые становятся определяющими для возникновения той или иной конкретной промежуточной социальной группы.

В рамках частной собственности важнейшей и определяющей является характеристика ее принадлежности или вопрос: кому она принадлежит, какому субъекту? Одним вариантом ответа на данный вопрос, по Марксу, является: работникам или не работникам. Частную собственность, покоящуюся на собственном труде работника, Маркс называет индивидуальной частной собственностью [Маркс, 1960: с. 773]. В настоящее время ее также определяют как трудовую частную собственность, а ей противоположную, основанную на эксплуатации чужого труда, можно назвать нетрудовой (эксплуататорской) частной собственностью. Указывая на значимость этого критерия, Маркс, в частности, пишет: «Бесконечные оттенки частной собственности, которые

открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обоими этими крайностями» [Маркс, 1960: с. 771].

Конкретно используя этот критерий, Маркс отмечает: «Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства» [Маркс, 1960: с. 771], то есть производства мелкого частного собственника (ремесленника, земледельца и т. д.), включая мелкого предпринимателя (мелкого капиталиста).

При этом Маркс отмечает, что не всякая произвольная сумма денег или стоимостей может быть превращена в капитал, «напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров» [Маркс, 1960: с. 317]. Эта «минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, **изменяется** (выделено авторами) на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития **различна** (выделено авторами) в различных сферах производства в зависимости от их особых технических условий» [Маркс, 1960: с. 319]. Несколько иначе: для владельца денег существует **некий «коридор» возможностей** для использования денежных средств и иных ресурсов параллельно с неким **«коридором» реальных последствий**.

Несколько конкретнее: необходим некий постоянный капитал и минимум переменного капитала, который представляет собой цену «издержек на одну рабочую силу, употребляемую изо дня в день в течение всего года для извлечения прибавочной стоимости» [Маркс, 1960: с. 317]. Понимаемый в таком смысле минимум переменного капитала является одним из критериев (границ) деления мелкого частного собственника от капиталиста.

Однако необходимо, чтобы мелкий собственник соответствовал еще ряду признаков (условий своего существования). Во-первых, как уже отмечено, он должен иметь свои собственные средства производства или некую сумму денежных средств для приобретения какого-либо материально выраженного постоянного капитала.

Во-вторых, он должен довольствоваться жизнью работника, расходующего на себя лишь затраты, необходимые для воспроизводства его жизненных средств. Они есть нечто близкое, но не тождественное минимуму переменного капитала, включающего в себя и прибавочную стоимость, создаваемую одной рабочей силой. В этом отличие мелкого собственника от капиталиста, заставляющего наемного рабочего трудиться больше, и необходимых затрат, и минимума переменного капитала. Капиталист нуждается в добавочных денежных суммах для приобретения добавочных средств производства для добавочных новых наемных рабочих (добавочного переменного капитала), в чем не нуждается работник в указанном выше понимании статуса мелкого частного собственника. Изложенное представляет собой не что иное, как предположение Маркса для создания им идеального типа мелкого частного собственника.

В-третьих, таким же предположением Маркса для решения той же задачи создания идеального типа мелкого частного собственника является следующее его высказывание, продолжающее изложенное: «В этом случае целью его производства было бы просто поддержание жизни, а не увеличение богатства; между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее» [Маркс, 1960: с. 318]. В этом еще одно отличие мелкого собственника от капиталиста.

В-четвертых, в отличие от капиталиста мелкий собственник может прилагать и прилагает свои руки непосредственно в процессе производства.

В целом Маркс делает вывод из им изложенного и на его основании: «Тогда он (мелкий собственник – уточнение авторов) и будет чем-то **средним** (выделено авторами) между капиталистом и рабочим, будет «мелким хозяйчиком» [Маркс, 1960: с. 318]. Далее он пишет: «Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого труда» [Маркс, 1960: с. 318]. В этом высказывании от противного указываются и некоторые дополнительные характеристики (признаки)

мелкого частного собственника: он не присваивает чужой труд, а использует свой, продает продукты не чужого, а своего труда, персонифицирует не капитал вообще, а самого себя, контролирует не чужой, а свой труд. Более того, как указывает Маркс, над его трудом надзор совершенно не нужен, в таком надзоре нет необходимости [Маркс, 1960: с. 344].

В рамках изложенной логики Маркс как на одно из возможных последствий «коридора последствий» трансформации мелкого производителя-собственника указывает на исторический и логический исходный пункт капиталистического производства. По форме это – мануфактура, организующая действия «многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста» [Маркс, 1960: с. 333]. В этом заключается отличие даже в зачаточном виде мануфактуры от цехового ремесленного производства, «мелкого хозяйчика» от капиталиста. Более конкретно: начиная с мануфактуры, при одновременном применении в производстве многих рабочих каждый из них «приводит в движение средний общественный труд» «среднего общественного качества» «средней рабочей силы» и производит общую норму прибавочной стоимости. Несколько иначе: отклонения индивидуального труда отдельных рабочих по их производительности (работоспособности) в некоторой их массе уравниваются, однако отклонения уравниваются для всего общества, но не для отдельного хозяина или «мелкого хозяйчика». Еще иначе: труд мелкого производителя (собственника) индивидуален по своей работоспособности (производительности). Труд же наемного работника (наемного рабочего) в своей массе стандартен, усреднен, можно даже схематически сказать – универсален.

То есть можно сказать, что Маркс опять же ищет те границы и условия, критерии, которые разделяют мелкого производителя-собственника и капиталиста (мелкого буржуа), а также атрибутивные признаки обоих (о некоторых из них речь шла выше). Весьма условно и предположительно он указывает на варианты количественного различия, сопряженные с различием качественным. Индивидуальные отклонения в работоспособно-

сти трудящихся и получение прибыли собственником сохраняются при их количестве до дюжины. Следует отметить, что сам Маркс этого не утверждает, но на ряде примеров анализа деятельности «многих рабочих» как у «мелкого хозяйчика», так и у капиталиста в указанных выше интерпретациях он наиболее часто использует термин «дюжина». Это число имеет исторический и изменяющийся характер в рамках конкретного времени. Кроме того, оно предположительно и выдвигается лишь в качестве гипотезы. Упрощая, весьма условно, значительно упрощая и схематизируя, можно, вероятно, сказать следующее: если у «мелкого хозяйчика» трудятся, кроме него, до дюжины человек, то он пока еще не трансформировался в мелкого буржуа, а трудящиеся у него не трансформировались еще в наемных рабочих как представителей рабочего класса, они – наемные работники. Они, как и «мелкие хозяйчики», – представители «промежуточных форм».

Работник. В рамках первого тома «Капитала» Маркс довольно широко использует понятие «работник», а также и «производитель», «рабочая сила» как родовые с целью поиска и установления атрибутивных признаков наемного рабочего и формирования его определения, однако его (работника) понимания различны и неоднозначны. В наиболее общем плане работник является производителем, который ежедневно потребляет и ему необходимы жизненные средства. На их производство он должен и может затрачивать необходимое или излишнее рабочее время. Работник может быть свободным или несвободным, а его труд – принудительным, насильственным, чрезмерным или свободным, иметь своей целью главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей или производство жизненных средств (в любой форме) для иных субъектов. Например, Маркс пишет: «Работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства» [Маркс, 1960: с. 246]. Работник может быть независимым, но раздробленным, самостоятельным, но изолированным, частным, но зависимым лицом. В этом плане работник может «являться свободным част-

ным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник – инструментами, которыми он владеет как виртуоз» [Маркс, 1960: с. 771]. Он сам ведет свое самостоятельное хозяйство и не отделен еще пока от условий своего труда.

Оценивая развитие мелкого производства, Маркс пишет: «Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы» [Маркс, 1960: с. 772]. Этот процесс проявляется в превращении работников в пролетариев, а условия их труда (например, земля) – в капитал, то есть в превращении работников – в буржуа. При других вариантах работник как мелкий собственник может так и оставаться таковым, а может, как отмечалось выше, стать наемным работником. Можно сказать, что работник представляет собой одну из наиболее основных переходных форм, если не вообще наиболее всеобщей формой. Однако следует еще раз отметить: работник имеет много своих разнообразных и широко распространенных в обществе видов, а одной из них является ремесленник.

Ремесленники. Рассматривая развитие производства, Маркс указывает на ряд этапов этого процесса, в частности, на ремесленный, мануфактурный, а затем и на машинный его периоды. Он, например, пишет: «Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические часы» [Маркс, 1960: с. 361]. Этому периоду был присущ «ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства» [Маркс, 1960: с. 381], который характеризовался «узким техническим базисом» и пожизненным прикреплением работника (не всегда) к выполняемой им функции. Последнее проявлялось, например, в обособлении ремесел, подчинению их законам, близким естественным, которые как в прошлом, так и в настоящем «совсем исключают разделение труда внутри мастерской или развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно» [Маркс, 1960: с. 369].

Как следствие, во-первых, ремесленник «срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной» [Маркс, 1960: с. 371]. Во-вторых, как пишет Маркс, «в мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там (ремесле – уточнение авторов) движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за движением орудия труда» [Маркс, 1960: с. 433]. Иначе и проще: ремесленник – «господин» средств производства, их «хозяин», владелец. В-третьих, в результате производственных операций, труд в целом приобретает «ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом. Базисом остается ремесло» [Маркс, 1960: с. 350].

Развивая мысль о специфике ремесла, Маркс отмечает: «Лишь накопленная из поколения в поколение и передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка сообщает индийцу (Маркс анализирует ремесло на примере сохранившихся общин в Индии – уточнение авторов), как и науку, его виртуозность. И все же по сравнению с большинством мануфактурных рабочих такой индийский ткач выполняет очень сложный труд» [Маркс, 1960: с. 352]. А далее в этом же плане Маркс уточняет: «Характерно, что вплоть до XVIII века отдельные ремесла назывались *mysteries* (*mysteres*) [тайнами], в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный» [Маркс, 1960: с. 497]. Иначе: труд ремесленника во многом – труд виртуозный, таинственный, высоко профессиональный и очень сложный, его освоивший может и должен за свою работу получать большую оплату. Кроме того, следует отметить особую специфику «самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков» [Маркс, 1960: с. 356]. В более узком и исключительном плане Маркс неоднократно пишет о ремесле как «ремесленном искусстве» [Маркс, 1960: с. 351, 380 и т. д.]. Следует подчеркнуть, ремесленное производство требует обученного работника. Маркс констатирует: «Умение читать и писать было для всех необходимым условием для занятия ремеслом» [Маркс, 1960: с. 496]. При этом он уточняет: «Хотя разложение ремес-

ленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен» [Маркс, 1960: с. 380]. Иначе: для ремесленной деятельности с неизбежностью было необходимо не только обучение и образование, но и их достаточный уровень, который жестко контролировался.

Необходимо отметить и подчеркнуть важнейшее качество ремесленного производства, которое характерно многим переходным формам – его исторический характер (на что указывалось выше) и видоизменение его конкретных форм во времени, его воспроизводство в новых типах.

Общинное ремесленное производство. Возникло и существовало в «более ранних формах общества», то есть в докапиталистических. С точки зрения Маркса, оно прошло несколько этапов своего развития. Первоначально в общинах происходит обособление ремесел, которое происходит естественно, затем оно кристаллизуется, а потом данное обособление закрепляется законом. Наиболее характерные его черты Маркс выявляет посредством анализа все еще сохранившихся к тому времени мелких первобытных индийских общин. Они «покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочнившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины служит готовым планом и схемой. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое» [Маркс, 1960: с. 369]. В общинах наиболее простого типа обработка земли происходит совместно, а вот такими видами работ как прядение, ткачество и т. д. «занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом» [Маркс, 1960: с. 370]. В общинах этого же типа и в общинах более высокого типа появляются лица, выполняющие функции «кузнеца и плотника, которые изготавливают и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготавливающего посуду для всей деревни; цирюльника; прачечника, стирающего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта (и представителей всех других видов искусств – уточнение авторов), который в одних общинах замещает серебряных дел мастера, а

в других – школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины» [Маркс, 1960: с. 370].

Далее Маркс продолжает: «Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немыслимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д.» [Маркс, 1960: с. 370]. Несколько иначе и собственно: «Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной силой закона природы: каждый отдельный ремесленник, например, кузнец, и т. д., выполняет все относящиеся к его профессии операции традиционным способом, однако совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакой власти в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем» [Маркс, 1960: с. 370–371]. Собственно, общинный ремесленник находится в зависимости от общины, а его деятельность регулируется и контролируется ею.

Специфическим вариантом общинного ремесленного производства можно считать кастовое ремесленное производство. Обособление ремесел может приобрести крайние формы – в стремлении «прежних обществ сделать ремесла наследственными, придать им окаменевшие формы каст» [Маркс, 1960: с. 352].

Цеховое ремесленное производство является специфической формой в исторически изменившихся условиях кастового ремесленного производства. Эти два типа ремесла имеют много общего между собой. В частности, Маркс пишет: «Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует образование в животном и растительном мире видов и разновидностей, – с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируются как общественный закон» [Маркс, 1960: с. 352]. Различие их также, вероятно, и в том, что в рамках касты ремесло является наследственным, а в рамках цеха – пожизненным и

исключительным, как «пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции» [Маркс, 1960: с. 369].

Более конкретно: негативная роль цеховой организации проявлялась в том, что «цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению его в капиталиста. Равным образом мастер мог использовать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, – этой единственной свободной формы капитала, противостоящей цехам» [Маркс, 1960: с. 371]. В своей борьбе с противостоящими силами «существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду со старыми основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской» [Маркс, 1960: с. 371]. В такой ситуации цехи продолжали сохраняться обособленными, изолированными организациями, возрождаясь и воспроизводясь в своем старом традиционном виде.

С другой стороны, цеховое ремесло является некой формой докапиталистической ремесленной кооперации, которую следует отличать от капиталистической ремесленной кооперации в рамках возникновения и существования капитализма. Вместе с тем, по мнению Маркса, цеховое ремесло в своем некоем виде также и уже являлось независимым ремесленным производством, о котором, характеризуя его, он писал: «Все равно, имеет ли это последнее цеховую форму или нет» [Маркс, 1960: с. 346].

Независимое ремесленное производство. Постепенно в ходе исторического развития ремесленники, особенно в городе, освобождались от своей зависимости как от общины, так и от цеха. Если ранее только избыток их продукта превращался в товар, переходя при этом отчасти в руки государства или общины в виде натуральной ренты, то постепенно как избыток, так и некая другая часть продукта посредством рынка стала «оседать» в руках ремесленников. Они становились все более самостоятельными, налаживая свое индивидуальное и самостоятельное ремесло. Возникает традиционное или старое, классическое в современном понимании ремесло, в рамках которого самостоятельный ре-

месленник, выполняя многие операции, создавал индивидуальный продукт, становящийся товаром. В этом плане работа обособляется и превращается в исключительную функцию одного лица, но лица самостоятельного, независимого и обладающего индивидуальностью. В рамках такого понимания ремесленник не тождественен одностороннему частичному рабочему мануфактуры, не тождественен он и комбинированному совокупному рабочему мануфактуры. Ремесленное производство отличается от мануфактурного в первую очередь и в основном отсутствием разделения труда и числом работников (о чем речь шла выше). Именно посредством этих новых условий производства мануфактура стала разлагать ремесленное производство, но одновременно она стала и его новой формой.

Мануфактурное ремесло. Маркс неоднократно отмечает, что при определенных условиях мануфактура может сохранять ремесленный характер. Так, например, он пишет: «Машины уничтожают кооперацию, основанную на ремесле, и мануфактуру, основанную на разделении труда, сохраняющего ремесленный характер» [Маркс, 1960: с. 470]. Собственно, иначе и в более широком плане: мануфактура имеет «ремесленные зачатки» или «ремесленные основы», что проявляется в двух способах возникновения мануфактуры. «В первом случае в одной мастерской под командой одного и того же капиталиста объединяются рабочие разнородных самостоятельных ремесел, через руки которых последовательно должен пройти продукт вплоть до того, пока он не будет окончательно готов» [Маркс, 1960: с. 348]. То есть в одном месте, в одно время при изготовлении одного продукта многими рабочими возникает разделение труда. Во втором случае «многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, например делающие бумагу, шрифт или иголки, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (быть может, с одним или двумя подмастерьями) изготавливает весь товар, т. е. совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер» [Маркс, 1960: с. 349]. Однако постепенно эти многие ремесленники, исходя из рациональности, начинают двигаться по первому пути,

пути разделения труда, специализируясь на отдельных операциях. Кроме того, ремесленник, как пишет Маркс, «теряет мало-помалу привычку, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объеме» [Маркс, 1960: с. 348]. То есть ранее обладавший неким «ремесленным духом» и навыками к «ремесленным способам деятельности» работник постепенно утрачивает их и трансформируется в наемного мануфактурного рабочего. Следует также отметить, что мануфактура создает «в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которые строго исключались ремесленным производством. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность отсутствие всякого развития. Наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных» [Маркс, 1960: с. 363]. Иначе: в основе мануфактуры лежал кадровый состав и потенциал ремесленников, а также их «ремесленный дух» и ремесленные навыки к производственной деятельности.

Новое ремесленное производство. Разрушение старого ремесленного производства мануфактурой продолжила машина. Вместе с тем Маркс уточняет: «Когда отдельная рабочая машина замещает кооперацию или мануфактуру, она, в свою очередь, может сама сделаться базисом **нового ремесленного производства** (выделено авторами). Однако это **воспроизведение ремесленного производства** (выделено авторами) на основе машин является лишь переходом к фабричному производству» [Маркс, 1960: с. 470]. Крупная промышленность производит полную революцию традиционного строя мануфактуры, ремесла и работы на дому. Те отрасли промышленности, которые возникают в последнее время и с самого начала не обуславливали своей природой производства в крупном масштабе «обыкновенно проходят сначала через ремесленное, а потом через мануфактурное производство как короткие переходные фазы к фабричному производству» [Маркс, 1960: с. 471]. Вероятно, это отчасти происходит и потому, что крупное производство и дальнейшее «разложение процесса труда создает новые связанные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели

место в ограниченном размере» [Маркс, 1960: с. 363]. Именно эти «новые связные функции» и могут стать основой для возникновения в соответствии с указанной логикой нового ремесленного производства.

Более конкретно: «старые» ремесленники или работники мануфактур, имеющих ремесленный характер, как представители мелкого производства могли «связать себя с механической двигательной силой посредством аренды пара, как это наблюдается на некоторых мануфактурах Бирмингема» [Маркс, 1960: с. 470]. Еще более конкретнее: в шелкоткачестве Ковентри возникли «фабрики-коттеджи». «В центре квартала, образуемого рядами коттеджей, строится так называемое engine house [машинное здание] для паровой машины, которая посредством валов соединяется с ткацкими станками в коттеджах» [Маркс, 1960: с. 471]. В них размещалось от двух до шести ткацких «станков, принадлежащих рабочим, или купленных в кредит, или временно арендованных» [Маркс, 1960: с. 471]. За их использование каждую неделю уплачивалась арендная «плата за пар», независимо от того, работали эти станки или нет. Маркс отмечает особенности (отличия) нового ремесленного производства: оно «ведется мелкими ремесленными мастерами, которые, однако, работают уже не на индивидуальных потребителей, как раньше, а на мануфактуры и магазины» [Маркс, 1960: с. 482]. Более того, «новые мастерские» становятся внешними отделениями фабрик, мануфактур и магазинов. В данном рассмотренном варианте новый ремесленник становится весьма близким работнику домашней промышленности.

Работник домашней промышленности. По своему социально-классовому положению, типу труда, технологии производства и ряду иных критериев работник домашней промышленности был очень близок то ремесленнику, то работнику мануфактуры или наемному рабочему, то мелкому производителю, то люмпену и пауперу и т. д. Вместе с тем он и отличен от их, от ремесленника, например, тем, что работает не на себя, а на капиталиста, от классического наемного рабочего тем, что рассеян в физическом и социальном пространстве, а не сконцентрирован в нем на крупном предприятии и т. д.

Это вызвано тем, что многие производственные процессы изготовления готового продукта могут состоять из некоей совокупности частичных работ. Как пишет Маркс, «расщепление производства на массу гетерогенных процессов почти исключает совместное применение средств труда» [Маркс, 1960: с. 355], а значит и совместной производственной деятельности и капиталист, рассеяв производство в пространстве, может избавиться от издержек на фабричные здания, склады и т. д. Такого рода частичные работы «могут выполняться в виде отдельных самостоятельных ремесел» («живучесть» ремесла), а могут передаваться работникам, «работающим на дому». Как правило, это самая дешевая, «незрелая» и наиболее эксплуатируемая рабочая сила, состоящая в основном из женщин, детей и необразованных работников.

В работе на дому участвуют члены своей семьи. В другом варианте в работе могут участвовать и посторонние рабочие или вообще работать только они, работать в «каморках» или «мансардах» по десять-пятьдесят человек. Ими могут использоваться механические машины, например швейные, но в карликовых масштабах. Домашние работники их покупают, берут напрокат или в длительную аренду, продают, сдают напрокат или в длительную аренду, приобретают не одну машину, а больше – две, три... избавляются от части из них или всех, получают прибавочный продукт или теряют его и т. д. При этом они, по существу, постоянно изменяют свой социальный статус от работника домашней промышленности до мелкого производителя-собственника или внешнего наемного рабочего мануфактуры, от арендующего до арендодателя или наемного рабочего фабрики. Спектр возможностей очень широк, он во многом ситуативен и зависит от разных и многих обстоятельств. Более того, этот процесс обратим и недаром Маркс называет работу на дому последним убежищем «избыточных» рабочих и предохранительным клапаном всего общественного механизма [Маркс, 1960: с. 512].

В частности, он пишет: сфера работы на дому «рекрутируется постоянно из избыточных рабочих крупной промышленности и земледелия, в особенности же из рабочих погибающих отраслей промышленности, в которых ремесленное производство по-

беждается мануфактурным, а мануфактурное – машинным производством. Размер ее (работы на дому – уточнение авторов) увеличивается по мере того, как с увеличением размеров и энергии накопления прогрессирует создание «избыточных» рабочих. Но она образует в то же время самовоспроизводящийся и самоуверковечивающийся элемент рабочего класса – элемент, принимающий относительно большее участие в общем приросте рабочего класса, чем все остальные элементы» [Маркс, 1960: с. 657–658]. Исходя из этой цитаты, следует отметить, во-первых, что Маркс считает современного работника на дому представителем рабочего класса со всеми указанными выше последствиями. Во-вторых, классический представитель рабочего класса, работник машинного производства может стать «избыточным» рабочим, а затем и работником домашней промышленности как переходной формы, то есть представителем промежуточного социального слоя. В-третьих, уже отмечено, но необходимо специально подчеркнуть: по Марксу, домашняя промышленность является переходной или промежуточной формой, она не является фабрикой (крупной промышленностью) или хотя бы мануфактурой, а работник домашней промышленности является представителем промежуточной социальной группы, а не наемным рабочим предприятия крупной промышленности. В-четвертых, Маркс неоднозначен и, можно сказать, даже противоречив, высказывая противоположные тезисы, но, с одной стороны, это – его логика, о которой уже писалось выше, а с другой – противоречив сам исследуемый феномен, он постоянно диалектически изменяется, адаптируясь к изменяющимся условиям в изменяющемся социальном времени. Уже выше отмечалось: работник домашней промышленности – это и мелкий собственник, и арендатор, арендодатель и наемный работник, наемный рабочий и т. д.

Пытаясь разрешить, вероятно, отмеченную противоречивость, Маркс различает современную и старинную домашнюю промышленность. В частности, он пишет: «Так называемая современная домашняя промышленность, кроме названия, не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей

семьи. Теперь она превратилась во **внешнее отделение** (выделено авторами) фабрики, мануфактуры или торгового заведения» [Маркс, 1960: с. 472]. В таких отделениях работает «целая армия домашних рабочих», рассеянных в больших городах и деревне, точнее, в самых «захолустных деревнях» на «задворках крупной промышленности». Последняя активно использовала и использует свои «внешние отделения», поставляя им массу предметов труда, сырья и полуфабрикатов, а также созданную собой массу «дешевого человеческого материала» – дешевую рабочую силу. Собственно, домашний работник оказывается в зависимости от капиталиста и контролируется им.

Дешевизна и возрастающее удешевление производимых «внешним отделением» товаров постоянно расширяли рынок сбыта и масштабы производства прибавочной стоимости. Именно и поэтому крупная промышленность, «мануфактуры допускали рядом с собой дальнейшее существование раздробленного ремесленного производства и домашнего производства **в качестве своего широкого основания** (выделено авторами)» [Маркс, 1960: с. 482]. Иначе и кратко: капиталист был заинтересован в существовании и сохранении домашней промышленности (как и раздробленного ремесла).

Более конкретно Маркс исследует современную домашнюю промышленность на примере «wearing apparel», производства предметов одежды в Англии. Оно осуществлялось, например, «либо в так называемых «mistresses houses» [домах хозяек], либо в частных квартирах женщин, которые работают одни или со своими детьми. Женщины, которые содержат «mistresses houses», сами бедны. Мастерская образует часть их собственной квартиры. Они получают заказы от фабрикантов, владельцев магазинов и т. д. и нанимают женщин, девушек и маленьких детей в количестве, соответствующем размеру их комнаты и колебаний спроса в данной отрасли промышленности» [Маркс, 1960: с. 477]. Конкретно: число занятых работниц и их детей в мастерской могло колебаться от 10 до 20 или от 20 до 40 человек, а минимальный возраст работающих детей от пяти до шести лет. Их рабочее время обычно продолжалось с 8 часов утра до 8 часов вечера с полуторачасовым перерывом. Однако существовали и иные ва-

рианты: с 6 часов утра до 10–12 часов ночи, а работать они могли и на чердаке. Для ускорения и «стимулирования» работы детей использовался метод «длинной палки», для них же создавались так называемые «lace schools» (школы вязанья кружев), которые содержались бедными женщинами в их хижинах и куда брали детей с пяти лет. Такими же были «straw plait schools» (школы плетения из соломы), но в них брали детей с четырех, а то и трех лет.

Можно сказать, что изложением приведенного выше эмпирического материала и некоторых теоретических положений, сформулированных на его базе, Маркс указывает на некоторые важнейшие и значимые особенности не только домашней промышленности, но и на особенности многих, если не всех «переходных» форм. Наиболее существенной из них является некая «живучесть» или «жизненность» непосредственного производителя – мелкого собственника. Выше уже неоднократно в той или иной форме и мере рассматривался этот феномен. Следует еще раз подчеркнуть, что он характерен для многих «переходных» или «промежуточных» форм социальных групп как бы их не называли или не определяли. Их, по Марксу, значительное количество, многие из них меняют свою форму, «переходят» из одной своей формы в другие, а в рамках этого перехода порождают новые, часто ситуативные, промежуточные формы, которые, с одной стороны, могут быть недолговечными, неповторяемыми и уникальными, поэтому, с другой стороны, они могут быть непредсказуемыми и необъяснимыми. Маркс, например, пишет о неких «промежуточных формах» «между мануфактурой и работой на дому, и самой работы на дому» [Маркс, 1960: с. 486], которые сами являются «промежуточными» формами. Какие это «промежуточные» формы?

Следует отметить, что в более широком плане Маркс относит, по существу, к «промежуточным формам» социальные группы кооператоров, сельскохозяйственных рабочих, пауперов, люмпен-пролетариат, мелких лавочников, фермеров, капиталистов, арендаторов, арендующих, батраков, артельщиков и т. д., включая в этот перечень, как уже отмечалось, даже ростовщиков и купцов. Выделение этих групп и придание им какого-либо названия (определения) процесс сложный, конкретный, а их описа-

ние Марксом хотя бы только в первом томе «Капитала» требует специальных исследований.

«Жизненность» или «живучесть» переходных форм

В рамках своего анализа непосредственного производителя – мелкого собственника Маркс не использует термины «живучесть» или «жизненность» (как и термины «красный путь», «популизм»), он использует категорию «воспроизводство», вероятно, как в большей степени научную, строгую и определенную.

В основе такого понимания Марксом воспроизводства лежит ряд некоторых аксиоматических методологических положений, используемых им при исследовании иных проблем, но имеющих некий всеобщий характер для всего его анализа. Они помогают осознать содержание и сущность воспроизводства.

Например, Маркс пишет: «Условия производства суть в то же время условия воспроизводства» [Маркс, 1960: с. 578]. То есть можно сказать, что, если не все, то многие разнообразные проблемы как самого производства, так и его исследования в той или иной мере сопряжены с воспроизводством. Оно же само по себе представляет из себя сложноструктурный, разноплановый феномен. Маркс, в частности, пишет о «различных элементах воспроизводства» [Маркс, 1961: с. 445], о его различных видах: об общественном воспроизводстве, воспроизводстве капитала, о воспроизводстве «с точки зрения возмещения как стоимости, так и натуральной формы отдельных составных частей T*» [Маркс, 1961: с. 442].

Более определенно Маркс пишет о воспроизводстве субъектов капиталистического производства и отношений эксплуатации между ними. В частности, в ходе своего исследования он приходит к выводу: «Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, – капиталиста на одной стороне, наемного рабочего – на другой» [Маркс, 1960: с. 591]. Или

– «капиталистический процесс производства самим своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Тем самым он воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего. Он **постоянно** (выделено авторами) принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и **постоянно** (выделено авторами) дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться» [Маркс, 1960: с. 590].

Структурная сложность воспроизводства и многоаспектность его анализа с разных точек зрения и для достижения разных исследовательских целей, в свою очередь, порождают множество определений воспроизводства, используемых Марксом. Некоторые из них можно назвать **частичными**, неполными или фрагментарными, в рамках которых он указывает лишь на отдельные характеристики (признаки) воспроизводства. Так, он, характеризуя простое воспроизводство, пишет, что «оно есть **простое повторение** (выделено авторами) процесса производства в неизменном масштабе, тем не менее эта **простая повторяемость или непрерывность** (выделено авторами) придает процессу новые черты, или, скорее, устраняет те, которые кажутся характерными для него только как единичного акта» [Маркс, 1960: с. 579]. Иначе, во-первых, воспроизводство есть простое повторение, повторяемость, непрерывность, во-вторых, несмотря на это, воспроизводство создает нечто новое, придает старому измененный вид. В-третьих, оно также устраняет единичное и этим проявляет (вскрывает) некую тенденцию развития как воспроизводства, так и производства в целом, оно устраняет единичное, не являющееся закономерным, а представляющее собой нечто случайное.

В рамках подобного рода определений воспроизводство Марксом связывается с процессами возмещения, замещения, возобновления, сохранении, поддержании жизни или поддержании вообще существования и функционирования указанных выше феноменов. Например, Маркс пишет: «Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно **замещаться** (выделено авторами) по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил» [Маркс, 1960: с. 182]. Или – «потребление включает в себе воспроизводство (т. е. сохранение) как класса капиталистов, так и рабочего класса, а потому включает в

себе также и воспроизводство капиталистического характера всего процесса производства» [Маркс, 1961: с. 441].

В наиболее общем и широком плане Маркс, определяя воспроизводство, пишет: «Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть **непрерывным** (выделено авторами), т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии. Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и **в непрерывном потоке своего возобновления** (выделено авторами), является в то же время процессом воспроизводства» [Маркс, 1960: с. 578]. Далее Маркс в определенном плане объясняет свою мысль: «Ни одно общество не может **непрерывно производить, т. е. воспроизводить** (выделено авторами), не превращая непрерывно известной части своего продукта снова в средства производства, или **элементы нового производства** (выделено авторами). При прочих равных условиях оно может воспроизводить свое богатство или поддерживать его на неизменном уровне лишь в том случае, если средства производства, т. е. средства труда, сырье и вспомогательные материалы в натуральном выражении, потребленные в течение, например, года, **замещаются равным количеством новых экземпляров того же рода** (выделено авторами)» [Маркс, 1960: с. 578]. Иначе: воспроизводство, во-первых, есть непрерывный и постоянный поток производства. Во-вторых, в его рамках происходит создание нечто нового. В-третьих, уничтоженное (потребленное) старое замещается новым подобного же рода.

Однако, как представляется, в рамках использования категории «воспроизводство», а не «жизненности», утрачивается некий экзистенциальный аспект термина «живучесть», указывающий на некую внутреннюю силу и неисчерпаемую энергию мелкого собственника, постоянно отстаивающего свои частные, личные интересы. Вместе с тем следует отметить, что в определенной степени Маркс указывает на данный аспект воспроизводства. «Живому труду по **самой его природе присуща способность, создавая новую стоимость, сохранять старую** (выделено авторами). Поэтому с ростом эффективности, размеров и стоимости

средств производства, т. е. с ростом накопления, сопровождающим развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увеличивает все в новых формах постоянно увеличивающуюся капитальную стоимость. Эта **естественная способность труда представляется как способность самосохранения** (выделено авторами), присущая капиталу, который овладевает трудом» [Маркс, 1960: с. 62–621].

Методологической основой исследования «жизненности» мелкого собственника может послужить ряд высказываний Маркса. В наиболее общем плане он, например, утверждает: «На западе Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее завершился. Капиталистический режим или прямо подчинил себе здесь все национальное производство, или, **где отношения менее развиты** (выделено авторами), он, по меньшей мере косвенно, контролирует те **продолжающие еще существовать наряду с ним и погибающие общественные слои** (выделено авторами), которые относятся к устаревшему способу производства» [Маркс, 1960: с. 774]. Несколько иначе, принимая во внимание и иные высказывания Маркса, можно сказать, что он среди «переходных» форм («промежуточных» состояний) и общественных слоев выделяет «погибающие» и, условно говоря, – «перспективные». Кроме того, «усредненные», менее развитые, локальные, существующие лишь кое-где.

Такая точка зрения основывается на общей логике Маркса, в рамках которой капиталистический способ присвоения (в более широком плане – капиталистический способ производства) есть первое отрицание, отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. «Но капиталистическое производство, – пишет Маркс, – порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а **индивидуальную собственность** (выделено авторами) на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и **общего владения землей** (выделено авторами) и произведенными самим трудом средствами производства» [Маркс, 1960: с. 773]. Несколько иначе, уточняя, можно сказать,

во-первых, происходит восстановление не капиталистической частной собственности, и тем более не феодальной собственности или общинной, ограниченной узкими первоначальными рамками раздробленного производства и общества, или еще каких-либо ранних форм собственности, а индивидуальной собственности.

Но, во-вторых, что такое индивидуальная собственность? Это собственность, основанная на собственном труде производителя? Это собственность частного лица? Это присвоение предметов потребления кем, каким субъектом: индивидом, обществом, Человеком, частным или публичным лицом и т. д.? Но в современном понимании развитого общества любой свободный индивид является как частным, так и публичным лицом или их специфическим синтезом в форме гражданина. Четких и однозначных ответов на эти вопросы Маркс не дает, однако, вероятно, по ряду причин он их и не мог дать, и была ли в этом в рамках его конкретного исследования необходимость? Данные вопросы лишь указывают на необходимость дальнейшего исследования в рассматриваемом плане.

Как представляется, в-третьих, более важной является дальнейшая часть приведенной цитаты, раскрывающей условия восстановления индивидуальной собственности. Это использование достижений капиталистической эры, а более конкретно: б) кооперация; в) общее владение землей; г) средства производства, произведенные самим трудом, точнее – самим непосредственным производителем.

Важнейшим из отмеченных условий, как представляется, является **условие «в»** – общее владение землей. В частности, раскрывая его значимость, Маркс писал: «Мы видели, что экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии (США, Канада и т. д. – уточнение авторов), напротив, заключается в том, что **масса земли остается еще народной собственностью** (выделено авторами), и потому каждый поселенец может превратить часть ее в **свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства** (выделено авторами), не препятствуя этим позднему поселенцу поступить таким же

образом. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала» [Маркс, 1960: с. 777–778]. То есть несколько иначе: наличие свободной земли в больших размерах (особенно в Северной Америке), считающейся еще народной собственностью, и возможность ее превращения в собственность частную как средства индивидуального производства, представляет собой один из механизмов не просто **формирования** мелкой собственности непосредственного производителя, но и одним из основных средств ее **воспроизводства** в специфических условиях. Объясняя это условие («в»), Маркс пишет: «Сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство **крестьянином или ремесленником** (выделено авторами). Он исчезает с рынка труда, но только не в работный дом. Это **постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей** (выделено авторами), которые работают не на капитал, а на самих себя, и обогащают не господина капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рынка труда» [Маркс, 1960: с. 779]. Как следствие возникает не только отличие поведения американского наемного рабочего от европейского, но качественное отличие возникающего американского фермерского хозяйства от хозяйства крестьянского западноевропейского. Эти обстоятельства являлись также одними из причин принципиальных различий развития и существования капитализма в Западной Европе и США. В целом это обусловило различие антикапиталистических (левых) движений в Европе и Америке, возникновение, в частности, в конце XIX века в США мощного популистского движения.

Другие отмеченные условия («а», «б», «г») также касаются новых форм возникновения новых мелких собственников – непосредственных производителей. Маркс, в частности, пишет: «Когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает **новую форму** (выделено ав-

торами). Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих» [Маркс, 1960: с. 772]. Эта экспроприация, продолжает Маркс, происходит совместно с «централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими». В этот период также «развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда» [Маркс, 1960: с. 772].

Выше уже шла речь о кооперативах и кооператорах как о «промежуточных» состояниях. Также отмечались, как идеи самого Маркса, так и его интерпретаторов (Уоддис), о «новых группах интересов», «новых объектах государственного управления» [Маркс, 1957: с. 206, 177], о «новых связанных функциях» [Маркс, 1960: с. 363], об организации работы во многих государственных учреждениях «как на фабрике» [Маркс, 1960: с. 206], о смещении сферы услуг в область индустриального производства (Уоддис). Все отмеченные феномены, действия тех или иных указанных социально-классовых и политических сил могут рассматриваться как элементы или составные части «красного» пути.

Более конкретно методологическая значимость для анализа воспроизводства мелкого собственника проявляется и в других более частных высказываниях Маркса. В частности, например, он писал: «Как показывает пример современной работы на дому, **промежуточные формы воспроизводятся** (выделено авторами) кое-где и на почве крупной промышленности, **принимая, однако, совершенно измененный вид** (выделено авторами)» [Маркс, 1960: с. 518]. Несмотря на то, что в данном конкретном случае Маркс писал конкретно о работе на дому, как уже отмечено, данные характеристики работы на дому можно и необходимо распространять на все «переходные» формы. То есть, можно сказать, что, по Марксу, во-первых, «переходные» («промежуточные») формы не уничтожаются, несмотря на существование для этого ряда объективных причин, не исчезают вообще. Они,

проявляя «живучесть», постоянно воспроизводятся. Во-вторых, «промежуточные» формы возникают вновь, в новых исторических условиях и даже на несоответствующей для этого базе, но при этом приобретают новый измененный вид, новую конкретную форму, возможно одну из невероятных и неожиданных. Например, искусный ремесленник может стать в настоящее время успешным реставратором, уникальным художником или архитектором, современным «Левшой» и т. д.

В рамках иного более конкретного варианта высказывания идеи «живучести» Маркс утверждал, что «в Англии колоссальные сферы производства «wearing apparel» (предметов одежды – уточнение авторов), равно как и большая часть других производств, переживают в настоящее время **революцию перехода** (выделено авторами) мануфактуры, ремесла и работы на дому в фабричное производство, но **еще раньше** (выделено авторами) этого перехода все упомянутые формы под воздействием крупной промышленности **совершенно изменились, разложились, получили искаженный облик** (выделено авторами) и давным-давно воспроизвели и даже превзошли всю чудовищность фабричной системы, не усвоив ее положительных моментов» [Маркс, 1960: с. 485]. Иначе, во-первых, можно сказать, что приобретение новых видов «переходными» формами, их нового искаженного облика происходит особенно активно в периоды революций (социальных, политических, технологических и т. д.), в периоды переворотов в общественном способе производства. Это периоды «пестроты переходных форм», то есть чрезвычайной и необычной их многочисленности и разнообразия.

Во-вторых, отмеченные изменения «переходных» форм происходили и происходят и вне указанных периодов, иначе постоянно и систематически, а революции в этом плане не являются исключением.

В-третьих, воспроизводятся не только материальные основы и условия производства, его кадровый потенциал, но и социокультурные и иные духовные элементы производства.

Собственно, в целом можно сказать, что воспроизводство представляет собой одновременное и постоянное повторение уничтожения старого и создания нового при сохранении и изме-

нившего старого, то есть проявление действия закона диалектики – отрицания отрицания.

Более конкретно и относительно воспроизводства мелкого собственника это происходит по многочисленным конкретным причинам, о некоторых из которых речь уже шла выше. Среди них можно выделить экономические, технологические причины и т. д. Однако, вероятно, как представляется, можно указать и на некую основную, базовую причину. Представители «переходных» форм, «промежуточных» состояний или социальных групп являются **абсолютным большинством населения** страны, общества.

Исследуя социальную структуру работников в сфере производства предметов одежды в Великобритании, происходившего в основном в рамках работы на дому, Маркс приходит к выводу, что их численность равна занятым в земледелии и животноводстве. В частности, он пишет: «Если мы возьмем приведенные сейчас цифры (количество работающих мужчин и женщин разных возрастов – уточнение автора), как они есть, то для одних только Англии и Уэльса по переписи 1861 г. получается общая сумма в 1 024 267 человек, т. е. почти столько же, сколько занято в земледелии и животноводстве» [Маркс, 1960: с. 481]. При этом надо принять во внимание, что эти регионы того периода продолжали оставаться еще во многом аграрными, а занятое в земледелии крестьянство само, по Марксу, являлось одной из «переходных» форм («промежуточным» состоянием). Кроме того, как уже отмечалось, по Марксу, французское сельское население составляло более двух третей жителей страны [Маркс, 1956: с. 84]. Следует принять во внимание (повторяясь) и оценку Марксом крестьянства как «громادного большинства французского народа».

Иначе, в некотором довольно узком понимании все рассматриваемые выше социальные группы («промежуточные» формы, состояния, слои и т. д.) в их совокупности можно трактовать как «народ», французский или английский. В более широком плане понимания «народа» к этим группам необходимо присоединить и рабочий класс.

Если сила рабочего класса проявляется в его концентрации и сосредоточенности на крупных промышленных предприяти-

ях и в крупных городах, то сила указанных социальных групп проявляется в их **рассредоточенности** по всей стране и **повсеместности** их присутствия. Они как паутина, как некая сеть опутывали и опутывают все общество, страну, используя свои специфические средства коммуникации (храмы, рынок и т. д.) и институты культуры в целом. Протестные выступления рабочего класса «вспыхивали» открыто, мощно и организовано в центрах страны, уже это во многом предопределяло условия и возможности для их подавления в относительно короткие сроки. Крестьянские протесты латентно «тлели» повсеместно, превращаясь в открытую «партизанщину» или «махновщину». Они были малоэффективными, локальными, но трудно подавляемыми и продолжительными: невозможно у каждого крестьянского дома поставить жандарма.

Существенной особенностью «переходных» форм («промежуточных» групп) их **«гибкость»**, **«пестрота»** существования и сосуществования различных, качественно отличающихся между собой по классовому и историческому характеру многих из них. Одновременно в одном социальном пространстве и времени могут сосуществовать разные исторические формы ремесла, домашней промышленности, сельхозпроизводителей и т. д. В этом «пестром хаосе переходных форм» [Маркс, 1960: с. 484] по разным причинам и при различном ряде многочисленных и разнообразных конкретных эмпирических условий одни из них могут трансформироваться в другие или третьи. Во многом это обусловлено, например, разнообразием способов применения швейной или иной машины, самой ее «гибкостью».

Как отмечает Маркс, с одной стороны, возникает перепроизводство швейных машинок, с другой стороны, происходит постоянное изменение их конструкций, их усовершенствование, что все приводит к удешевлению «старых» машин. Их могли и могут приобретать (покупать) и использовать многие субъекты (акторы). В крупномасштабном производстве «старые» обесцененные машины могли применять только крупные капиталисты. Но «как это вообще бывает со всеми машинами (выделено автором), поскольку они не образуют расчлененной системы и могут применяться в карликовых размерах (выделено автором),

ремесленники или домашние рабочие, при помощи своей семьи или немногих посторонних рабочих, применяют принадлежащие им самим швейные машины» [Маркс, 1960: с. 484]. Кроме того, иные акторы могут брать или сдавать их в аренду, превращаясь в арендатора или арендодателя. Иначе: актор «X» сегодня – работник домашней промышленности, завтра он – арендатор швейной машины, послезавтра – владелец швейной машины, самостоятельно работающий на ней, затем – он арендодатель, а в последующем и капиталист. Такая схема не уникальна, но и не закономерна, закономерностью будут некие хаотичные изменения социально-классового положения «X» в ее пределах, от одного из них к другому и обратно.

Важнейшим качеством мелкого собственника, обуславливающим его «жизненность», является уникальность как его производства, труда, так изготовленных им многих продуктов (товаров). В противовес массовому производству фабрики, многие мелкие собственники ориентируются на производство и изготовление продукции единичной, рассчитанной на индивидуальные (личные) потребности и интересы конкретного потребителя (покупателя) и удовлетворяющего их. Более того, процесс изготовления подобного рода товаров сопряжен с общением производителя и потребителя, в ходе которого возможен учет всяких замечаний и «капризов» последнего. Мелкий собственник при этом совмещает функции конкретного изготовителя и конкретного продавца конкретной продукции.

Такого рода индивидуальное обслуживание конкретного потребителя в условиях массового производства фабрики невозможно, и вообще вряд ли необходимо. Указанные производители – разные, у них разный тип собственности, а главное – при формальной близости их целей у них разные способы и средства их достижения. Выше уже отмечалась гибкость применения (разные цели и последствия), например, швейной машины.

Следует отметить, что Маркс об отмеченном выше прямо не писал, однако данные идеи в той или иной мере следуют из излагаемого им материала и его логики. Он, исследуя производство предметов одежды в Великобритании, например дамских шляп и колпаков, галстуков и воротничков и т. д., неоднократно отмечал,

что оно протекает в рамках домашней промышленности и «многих мелких отраслей», которые «бесчисленны» [Маркс, 1960: с. 483, 481]. Для изготовления этой продукции необходимы работники самых разных и многочисленных специальностей, так как их работа не одинакова, не однородна, не монотонна: корсетницы, перчаточники, белошвейки, башмачники и т. д. Более того, Маркс указывает на связь такого рода производства с модой. Он не развивает подобного типа идеи, но обобщая и развивая их, можно сказать, что, по Марксу, производство одежды все более усложняется и дробится, индивидуализируется, производство модных товаров становится массовым, но оно не происходит и не может происходить в рамках массового фабричного производства.

Вероятно, можно также сказать, что, по Марксу, различные «переходные» формы возникают, существуют и активно развиваются около крупных промышленных центров и в ряде иных регионов. Так, он пишет о металлообрабатывающих мануфактурах в Бирмингеме и его окрестностях [Маркс, 1960: с. 473], о домашней работе, которая «раздается на 80 миль вокруг Ноттингема» [Маркс, 1960: с. 478]. Несколько иначе: крупные индустриальные центры с необходимостью и неизбежностью порождают вокруг себя некие сферы по их «обслуживанию» кадрами, сырьем, полуфабрикатами, оказанию разного рода услуг (кафе – «пивнушки», прачечные, парикмахерские, транспорт, иного рода коммуникации и т. д.).

В более широком плане, хотя Маркс и не пишет прямо и отчетливо в форме кратких формулировок, выводов и заключений, но, повторяясь и подчеркивая, из предложенного им материала, можно сказать, вытекает вывод о том, что капитализм и индустриализм (индустриальное производство) порождают с неизбежностью потребность в массовом оказании услуг населению. Ее удовлетворение происходит как в массовом индустриальном порядке, так и в рамках индивидуальных, личностных взаимоотношений, имеющих договорный характер и базирующихся на рыночной экономике и возникающих на базе мелкой частной собственности.

Обобщая изложенный материал, можно сказать, что Маркс исследует и пишет о двух противоположных тенденциях изме-

нений в существующем обществе. Первая тенденция, на которой обычно акцентируется и концентрируется внимание исследователей с целью обоснования и доказательства «правдивости» – истинности теории Маркса или ее опровержения, доказательства ее ошибочности, недостоверности, определяется как «историческая тенденция капиталистического накопления». Она проявляется в ряде аспектов, среди которых можно указать на два основных. А: растет «возмущение рабочего класса, который **постоянно увеличивается по своей численности** (выделено авторами), который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства» [Маркс, 1960: с. 772]. Этим самым создаются условия и увеличиваются возможности и степень необходимости пролетарской революции. Б: как пишет Маркс, «пестрота переходных форм не скрывает, однако, тенденции (их – уточнение автора) к превращению в собственно фабричное производство» [Маркс, 1960: с. 484]. Это высказывание обосновывает положение «а», так как, исходя из него, можно сказать, что переходные социальные группы и классы превращаются в фабричный пролетариат. Собственно, это одно из основополагающих теоретических положений Маркса, высказываемое им неоднократно в разных вариантах (формах).

Вторая тенденция. Ей исследователи не уделяют достаточного внимания, если вообще не игнорируют ее, что обусловлено рядом причин. Во-первых, она не получила своего четкого определения в качестве отточенной формулировки как первая тенденция. Во-вторых, сам Маркс в своих работах, включая и первый том «Капитала», описывает, раскрывает ее содержание и сущность отрывками, не систематизировано. Отдельные идеи, ей посвященные, «разбросаны» по тексту, они имеют скорее не прямой, а латентный характер. Такое отношение Маркса к данной проблеме вполне понятно, исходя из его целей (капитализм, рабочий класс) и логики исследования. В-третьих, исследователи воспринимали эту тенденцию (и идеи о ней Маркса) как противоречащую и опровергающую теорию Маркса и марксизм в целом, особо обычному и привычному пониманию первой тенденции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная работа представляет собой часть основы исследовательской программы современного социального конфликта, более узко и конкретно – популизма как его (конфликта) специфической формы. Считается, что Лакатос, один из лидеров исторической школы, видел среди целей исследовательских программ реконструкцию процессов **изменения знания**, в более узком понимании – логико-нормативную реконструкцию развития науки. Лакатос рассматривал развитие («рост») «зрелой» науки как смену ряда непрерывно связанных теорий посредством предписывания наиболее перспективных путей для дальнейшего исследования. Несколько иначе: развитие науки – это «положительная эвристика», как совокупность и набор приемов и методов (и даже методологий), облегчающих и упрощающих решение познавательных, конструктивных (и практических) задач.

Проведенное исследование и указывает на необходимость изменения знания в интерпретации и понимании как марксизма (идей Маркса о революции), так и популизма («красной партии»). Изменение знаний о популизме происходит посредством изменения знания (изменения интерпретации) теории революции Карла Маркса. Данная ситуация фиксирует исследовательскую программу популизма. Это следует из того, что прежде всего (следует подчеркнуть отмеченное выше) как сами идеи Маркса, так и предложенная выше их интерпретация, являются некой базой для переоценки (изменение знания) многих социальных изменений, революций, конфликтов, конкретных событий, действий и деятельности различных субъектов, включая отдельные личности.

Так, например, в Китае периода Второй мировой войны, гражданской войны и революции не было развитого массового движения промышленного пролетариата, как следствие, не было и не могло быть массовой коммунистической партии в марксистском понимании. Не было в стране и социально-классовых, а также политических сил, способных осуществить пролетарскую или социалистическую революцию, построить социализм

при руководящей роли рабочего класса и его марксистской партии.

По некоторым оценкам, к которым надо относиться с долей критичности, в 1904 году в Китае число промышленных и железнодорожных рабочих составляло всего 250 тысяч человек [Коваль, 1987: с. 91]. Более конкретно профессор Б. И. Коваль пишет: «В Китае рабочий класс перед революцией 1925–1927 гг. представлял **небольшую часть трудового населения** (выделено авторами): в городах насчитывалось от 8 до 16 млн кустарей, около 2 млн мануфактурных рабочих, на фабриках и заводах было занято не более 600 тыс. человек, причем преобладали не кадровые, а сезонные и временно законтрактованные работники, дети и подростки» [Коваль, 1987: с. 159]. Несколько ниже Коваль уточняет: «Огромные массы людей относились к люмпен-пролетариату и полупролетарским группам (рикши, слуги, поденщики), являлись безработными и полубезработными. Эта масса достигала 30 млн человек. Сельскохозяйственный пролетариат в Китае практически отсутствовал, а удельный вес всех категорий рабочих в общем населении страны не превышал и 2,5%. Такое положение создавало огромные трудности для формирования собственно рабочего течения в общей структуре общедемократического антиколониального движения» [Коваль, 1987: с. 160].

Председатель ЦК КПК Мао Цзэ-Дун в своей речи, произнесенной 27 февраля 1957 года на 11-м расширенном заседании Верховного государственного совещания, утверждал, что Китай «все еще является очень бедной страной» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 44]. Уточняя этот тезис, он констатировал: «В 1949 году производство стали во всей стране составило всего лишь немногим более ста тысяч тонн. Но вот всего лишь за семь лет, прошедших после освобождения всей страны, производство стали достигло четырех миллионов и нескольких сотен тысяч тонн в год. Ныне созданы машиностроительная промышленность, которой почти не было в старом Китае, и автомобилестроительная и самолетостроительная отрасли промышленности, которых вообще не было» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 15]. Иначе: в Китае в рассматриваемый период (первая половина XX века) не было индустри-

альной промышленности, особо тяжелой, то есть **не было и не могло быть** развитого и организованного массового рабочего движения промышленного пролетариата, а также марксистской коммунистической партии, нацеленной на построение социализма, понимаемого по Марксу.

Коммунистическая партия Китая (КПК) возникла в 1921 году на базе объединения марксистских кружков, существовавших в крупных городах страны. Первоначально, можно сказать, она представляла из себя «клуб интеллектуалов». Как пишет профессор Коваль, «в Китае перед национальной революцией 1925–1927 гг. партия насчитывала также около 1000 членов, но к 1927 г. ее ряды выросли до 58 тыс. человек. Рост громадный, но в масштабах страны и по сравнению с массовой базой Гоминьдана это была еще весьма малочисленная величина» [Коваль, 1987: с. 160]. По другой его оценке, относящейся к периоду I съезда Гоминьдана (1924), «число членов партии выросло в 10 раз (с 400 до 4 тыс. человек)» [Коваль, 1987: с. 163]. Однако к VIII съезду КПК (1956) число членов партии и кандидатов выросло до 10,7 млн человек. «Среди них лишь ок. 14% были рабочими, крестьяне составляли более 69, интеллигенция – 12, прочие – 5%. Учитывая состав партии и социальную обстановку, VIII съезд особое внимание обратил на опасность **засилья мелкобуржуазной стихии** (выделено авторами) и влияния великоханьского шовинизма и национализма в КПК» [Политические партии, 1986: с. 176].

В этих условиях партии грозила не только ее малочисленность, но и ее «растворение» в массовых организациях своих союзников (бывших или настоящих, путем перехода их членов в КПК) или в громадной крестьянской массе, особенно после поражения революции 1925–1927 годов. В это время «начался процесс перемещения центра деятельности партии из города в деревню» [Политические партии, 1986: с. 175]. В целом можно предположить, что многие члены партии, особенно крестьяне, и после победы революции присоединялись не к коммунистической идее или марксизму, а к органу власти, к организации власти, и этим самым включались в нее.

Несмотря на указанные обстоятельства и существующую объективную ситуацию, руководство КПК еще в 1925 году на IV съезде партии «одобрило резолюцию о реакционной роли национальной буржуазии и необходимости в связи с этим любыми путями **добиваться гегемонии пролетариата** (выделено авторами). Такова была линия ЦК КПК накануне движения 30 мая 1925 г., положившего начало национальной революции 1925–1927 гг. в Китае» [Коваль, 1987: с. 164]. В последующем эта идея (о гегемонии пролетариата в китайской революции) будет высказываться в рамках КПК неоднократно, особенно Мао Цзэ-Дунем, как руководителем партии. К его высказываниям следует относиться весьма и весьма критически, пытаясь ответить на ряд вопросов: насколько он адекватно знал и понимал марксизм и работы (идеи) самого Маркса, насколько он искренен в своих высказываниях? Не носили ли они лишь ритуальный и лишь политический характер по своей форме?

Следует отметить, что Мао исходил, системно и постоянно утверждал ряд тезисов: в Китае произошла социалистическая революция, в стране утверджен социалистический строй и возникло социалистическое общество. Эти успехи достигнуты на базе союза рабочего класса и крестьянства при гегемонии первого и при руководстве его политической партии, коммунистической партии. В частности, в отмеченной выше своей речи («К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа») в 1957 году Мао заявлял: «Наше государство является государством демократической диктатуры **народа** (выделено авторами), руководимым рабочим классом и основанным на союзе рабочих и крестьян» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 6]. Примером подобного рода является и иное его высказывание из этой речи: «Основная сила власти находится в руках **трудового народа** (выделено авторами), руководимого пролетариатом. Коммунистическая партия имеет могучую силу и высокий авторитет» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 35]. Понимал ли Мао, о чем он говорит, понимал ли именно в марксистском смысле?

Впрочем, подобного рода заявлений в речи Мао было относительно мало, однако он постоянно и систематически, буквально через каждое слово или высказывание говорит о **народе**, апел-

лирует к нему, к народу, а не пролетариату. Мао также говорит о диктатуре народа, а не пролетариата, о народном правительстве и т. д. Для Мао народ – главный, основной субъект социальных изменений, революции, осуществляемых преобразований и построения нового общества, нового Китая.

Иначе, характеризуя демократическую диктатуру народа, Мао заявлял. Она «означает, что внутри народа осуществляется демократия, а **все обладающие гражданскими правами** (выделено авторами) люди, сплоченные рабочим классом, **в первую очередь крестьяне** (выделено авторами), осуществляют диктатуру по отношению к реакционным классам, реакционерам и к элементам, которые сопротивляются социалистическим преобразованиям и выступают против социалистического строительства» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 7].

Исходя из вышеприведенного понимания Мао феномена народа, вероятно, необходимо обратить на него особое внимание, оно весьма интересно. Он, по существу, указывает, что понятие «народ» имеет неодинаковое содержание в разные исторические периоды и зависит от противостоящих ему акторов. Так, во время «войны против японских захватчиков **народ составляли все** (выделено авторами) стоявшие за сопротивление Японии классы, прослойки и общественные группы, а японские империалисты, национальные предатели и прояпонские элементы были врагами народа» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 4]. Во время освободительной войны против помещиков, бюрократической буржуазии, гоминдановских реакционеров и американских империалистов «**народ составляли все** (выделено авторами) выступавшие против этих врагов классы, прослойки и общественные группы» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 4]. Далее Мао продолжает: «На нынешнем этапе, в период строительства социализма, к народу относятся **все классы, прослойки и общественные группы** (выделено авторами), которые одобряют и поддерживают дело социалистического строительства и принимают в нем участие» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 4]. В несколько ином варианте Мао раскрывал понятие народа путем перечисления: «Коммунистическая партия, демократические партии, беспартийные демократические деятели, интеллигенты, промышленники и торговцы, рабочие, крестьяне

и кустари, словом, **все мы** (выделено авторами) – шестисотмиллионное население Китая» [Мао Цзэ-Дун, 1957: с. 45].

То есть понимание Мао «народа» не имеет классового характера, что с точки зрения Маркса, как отмечено выше, присуще «красной» партии (популистам). Для Мао, народ – это все, кто против врагов. По существу, для него все социальные группы и классы, составляющие народ равнозначны, только в отдельных случаях Мао выделяет «в первую очередь крестьян», но не пролетариат.

Следует повторить, что марксистское понимание феномена «народ» самим Марксом качественно отличается от понимания народа «красными» (популистами). В советской научной литературе это различие не актуализировалось или вообще игнорировалось. Как следствие в советской литературе, посвященной событиям в Китае, во многом по форме (но во многом не по содержанию) фактически дублировались во многом отмеченные выше тезисы Мао. Например, профессор Коваль пишет: «Чанкайшисты стремились повести послевоенный Китай по пути капитализма, коммунисты рассчитывали довести до конца дело народно-демократической революции и взять курс на социализм» [Коваль, 1987: с. 318]. Далее он утверждает: «Основную роль в победоносном развитии революций в Китае, Корее, Вьетнаме сыграли рабочий класс и его коммунистические партии. Именно они шли во главе антияпонского сопротивления и потому на деле заслужили место политического авангарда революции. Их политика обеспечила последующее перерастание демократической освободительной революции в **революцию социалистическую** (выделено авторами)» [Коваль, 1987: с. 320]. В более широком плане (не только относительно Китая) пишет Г. Ким: «Под народно-демократическими революциями применительно к странам Азии и Африки следует понимать осуществляемые коалицией трудящихся слоев во главе с организацией марксистов-ленинцев антиимпериалистические, антифеодальные, демократические революции, в ходе которых проводятся демократические преобразования, подготавливающие целенаправленный переход к социализму» [Ким, 1982: с. 146]. Далее Ким несколько более «радикально» уточняет: «В социальном же плане народно-де-

мократические революции в Азии и Африке являются формой социалистической революции в странах с относительно низким уровнем общественно-экономического и культурного развития» [Ким, 1982: с. 147].

С другой стороны, в наиболее широком плане в литературе утвердилась точка зрения о том, что Китай является социалистическим государством, а КПК является партией коммунистической. Например, в учебном пособии для университетов марксизма-ленинизма «Коммунистическое движение и борьба за общественный прогресс» (1988) Китай входит в список социалистических стран, Коммунистическая партия Китая (КПК – в список коммунистических и рабочих партий [Коммунистическое..., 1988: с. 157]. Однако последняя, если исходить из Маркса, является «красной» партией, под руководством которой произошла «красная» революция, а страна (Китай) стала развиваться по «красному» пути. Намерения (как объективные, так и субъективные) «красной» партии, несмотря на слова ее руководства, заключались в том, чтобы построить «красный социализм», а точнее, «социализм с китайской спецификой» или «китайским лицом» («популистский социализм»?).

Данная теоретическая позиция дает возможность объяснить и понять многие «шараханья», «отклонения» или «недостатки», сложившегося в Китае политического режима рассматриваемого периода, его политическую и особо экономическую неэффективность и в целом неадекватность. Например, «отклонения» конкретно проявились в великоханьском шовинизме (национализме), политике «большого скачка», «народных коммун» и особо «культурной революции». В ходе ее «были подвергнуты репрессиям лучшие кадры партии. За годы «культурной революции» в Китае было уничтожено от 8 до 10 млн человек, а преследованиям подверглись более 100 млн человек» [Международное..., 1983: с. 81].

Следует еще раз отметить и подчеркнуть, что многие феномены и термины их отображающие, например, такие как «народ», **понимаются** «красными» и марксистами, как показал Маркс, по-разному. Это касается и такого термина, как «демократическая диктатура народа» и близкого ему по форме тер-

мина «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства под руководством рабочего класса» [Политические партии, 1986: с. 175]. Это же относится и к терминам «социалистическая революция», «народно-демократическая революция» и т. д.

Некоторые из «красных» лидеров («популистов», «народников» и т. д.) понимали отдельные отмеченные различия и открыто говорили о них. Так, например, Ахмед Бен Белла (с сентября 1962 года – председатель Совета министров Алжирской Народной Демократической Республики, с сентября 1963 года – Президент страны) в своих речах и выступлениях неоднократно, если не постоянно, с одной стороны, утверждал, что в Алжире произошла, происходит социалистическая революция и в стране строится социализм. В частности, в своей речи на площади Павших борцов в городе Алжире 1 ноября 1962 года он заявлял: «Чтобы быть верными памяти наших погибших героев, мы должны в короткий срок совершить аграрную революцию и выполнить все другие задачи **нашей социалистической революции** (выделено авторами)» [Бен Белла, 1964: с. 69]. В другом своем выступлении на митинге в Ар-Риате 3 апреля 1963 года он говорил: «Работая вместе, партия и национальные организации как раз и будут теми орудиями, с помощью которых мы сможем **выполнить социалистические задачи нашей революции** (выделено авторами)» [Бен Белла, 1964: с. 109]. При этом он конкретизировал: «Главная задача – это аграрная революция, хотя бы потому, что мы не сможем **построить социализм в нашей стране** (выделено авторами) без коренного преобразования ее экономической структуры, структуры сельского хозяйства прежде всего, поскольку мы унаследовали экономику, основой которой является в первую очередь сельское хозяйство» [Бен Белла, 1964: с. 99–100].

Однако, с другой стороны, Бен Белла в этой же своей речи прямо и неоднозначно говорил: «**Мы не коммунисты, мы не марксисты** (выделено авторами). Мы только маленький десяти-миллионный **народ** (выделено авторами), который не хочет быть раздавлен этими толстыми господами-капиталистами, у которых полно-полно денег и грандиозных планов и которые для нас – чудовища» [Бен Белла, 1964: с. 106]. Более того, он, по существу, «хвастается» и «гордится» тем, что «мы распустили коммуни-

стическую партию. В этом пытались усмотреть произвол, некий антикоммунизм. Повторяю, дело вовсе не в этом» [Бен Белла, 1964: с. 105].

Следует отметить, Бен Белла, как и Мао Цзэ-Дун, а еще ранее и Луи Бонапарт, а также многие другие претендуют на статус субъекта, выражающего интересы народа (а не пролетариата, рабочего класса) и защищающего их. Более того, все они самозвано присваивают его и публично, самозвано объявляют себя в этом качестве.

Кратко, повторяясь и подводя некий итог, можно сказать, в разных идеолого-политических конструкциях упомянутые термины качественно различны по содержанию. Кроме того, действительно, это содержание исторично и изменяется во времени, географическом и социальном пространстве, имея свою универсальную конкретность. Качественное различие, как уже отмечено выше, заключается в том, что как Маркс, как и его авторская интерпретация, указывают на гегемонию пролетариата в протекании и существовании отмеченных феноменов. Гегемонию рабочего класса отрицают «красные», они выступают и борются против нее, пытаясь утвердить свое собственное руководство, что и происходит в рамках «красной» революции. Маркс в своих работах указывает не только на такую возможность, но и на ее неизбежность и даже необходимость. Он, по существу, создал основы теории «красной революции», которая может стать и стает, как и ее интерпретация частью базы, как уже отмечено, исследовательской программы современного популизма. В ее рамках происходит не только **изменение знания** (Лакатос) в форме количественного увеличения, но и его качественное изменение, намечающие перспективы и тренды для дальнейшего исследования («положительная эвристика»). Более конкретно: в рамках исследовательской программы популизма появляется возможность и необходимость изменения оценок и классификации (пересмотра характера) многих феноменов, исторических событий, конкретных личностей, таких, например, как Мао, социалистическая революция в Китае, Коммунистическая партия Китая и т. д.

С точки зрения Елены Симончук, частью содержания исследовательской программы являются включенные в нее «исследо-

вательские вопросы», некоторые из них она определяет как «узловые». Среди последних она выделяет «первостепенный узловый вопрос», «второстепенный узловый вопрос», подчиненный первостепенному, «дополнительный вопрос», не являющийся основным вопросом [Симончук, 2015: с. 32].

Более конкретно, анализируя исследовательскую программу классового анализа Райта, Симончук фиксирует «шесть узловых вопросов, в ответах на которые слово «класс» играет определяющую роль» [Симончук, 2015: с. 28]. Как считает Симончук, «каждому определению класса Райт поставил в соответствие определенную исследовательскую программу, наглядно отразив связь между набором узловых вопросов и различными подходами классового анализа» [Симончук, 2015: с. 31]. При этом «Райт отмечает, что его идея – представить альтернативные каркасы классового анализа как организованные вокруг различных комбинаций узловых вопросов – может нейтрализовать «идеологически заряженный характер многих дебатов о классе» и позволит исследователям не примыкать всецело к тому или иному лагерю (марксистов, веберянцев, бурдьеанцев или дюркгеймианцев), а выбирать тот или иной подход в зависимости от конкретной эмпирической исследовательской программы» [Симончук, 2015: с. 31–32]. Симончук цитирует Райта: «Исследователь может стать веберянцем для изучения классовой мобильности, бурдьеанцем для изучения классовых детерминант жизненных стилей и марксистом для критики капитализма» [цит. по Симончук, 2015: с. 32]. Иначе исследовательская программа пытается, с одной стороны, освободить и освобождает теорию от идеологической нагрузки, а с другой – объединить и объединяет различные, иногда противоположные теории, концепции, чтобы рассмотреть исследуемый объект с различных точек зрения.

Анализируя «новую классовую карту» Майка Сэвиджа и его коллег, Симончук пишет: «Отмечая, что концепцию класса невозможно привязать какой-либо одной парадигме, авторы констатируют, что вопросы определения природы класса и его современного картографирования жестко оспариваются в рамках главенствующих академических парадигм» [Симончук, 2015: с. 33]. Кроме того, Симончук считает, что авторы проанализиро-

ванных ею классификаций, «концептуализаций класса и методологий его исследования, поневоле обнаруживают и демонстрируют идеологическую напряженность академических дебатов о классе и довольно жесткую конкуренцию и нетерпимость в исследовательских стратегиях. Между тем среди классовых аналитиков сложился и определенный консенсус, заключающийся в признании множественности значений понятия «класс» и разнообразия классовых концепций по уровню объяснительной компетенции, в осознании необходимости упорядочить имеющиеся определения класса и использовать их в зависимости от теоретических предпочтений и предметного фокуса исследователя» [Симончук, 2015: с. 35]. Это и происходит в рамках исследовательских программ.

Как одно из следствий: авторы проанализированных Симончук концепций с ее точки зрения «не претендуют на создание какой-либо общей (универсальной) программы классового анализа, тем не менее из сделанных ими обобщений можно без труда эксплицировать перспективные направления и конкретные задачи для будущих исследований. Причем претензия на монополию исследовательской стратегии подрывается самими грандами исследования классов, например, такого рода прагматизм проглядывает в совете Эрика Олина Райта молодым социологам не втягиваться в идеологические дебаты и не стремиться всецело примкнуть к одному из конкурирующих лагерей теоретиков, а выбирать «концептуальное меню», руководствуясь конкретными исследовательскими задачами, а не идеологическими предпочтениями» [Симончук, 2015: с. 35–36], – делает заключение Симончук, ссылаясь на Райта.

С данной точки зрения можно сказать, что в рамках рассматриваемого аспекта теории революции (социальных изменений) Маркс ставит «первостепенный узловой вопрос»: «Почему и при каких условиях «красные» социально-политические силы и их базовые социально-классовые группы могут временно стать гегемоном социальных изменений в существующем обществе, а более конкретно – гегемоном в антикапиталистической или демократической революции?». «Второстепенный узловой вопрос»: «Почему «красные» в отдельные периоды времени ста-

новятся потенциально более революционными, чем коммунисты или иные политические силы пролетариата?» То есть в чем их сила? К дополнительным вопросам вероятной исследовательской программы Маркса, которая может быть положена в основу современной исследовательской программы, можно отнести следующие: «Какова роль всеобщих, свободных и равных выборов и их последствий в современном (капиталистическом, индустриальном, массовом и т. д.) обществе?». «Какова конкретная изменяющаяся социально-классовая структура базовых социальных групп «красных» социально-политических сил?».

Более широко характер, формы, сущность и функции исследовательских программ анализирует украинский социолог Павел Кутуев. С его точки зрения формирование и использование для анализа разнообразных феноменов реальности исследовательских программ – это одна из основных тенденций современного социологического теоретизирования. Это положение он обосновывает рядом обстоятельств. Во-первых, Кутуев отмечает: исследовательские программы являются формой существования научных (не политических, идеологических и т. д.) идей. Они «не сводятся к ментальным состояниям, отражающим интересы и «обслуживающим» социальное действие, ориентированное на оптимизацию ресурсов» [Кутуев, 2009: с. 161]. Конкретизируя такую позицию, он уточняет ее на примере работ Романа Шпорлюка, исследовательская программа которого «служит примером успешного сочетания изучения развития социально значимых идей и их влияния на общественную динамику с углубленной интерпретацией эмпирических данных» [Кутуев, 2003а: с. 67].

Во-вторых, «социологические концепции и, шире, исследовательские программы руководствуются собственной динамикой, имеющей избирательное сродство с институциональной динамикой академического сообщества и социума в целом» [Кутуев, 2009: с. 161]. Иначе – исследовательские программы есть изменяющийся (в определенной мере) результат коллективного творчества научного сообщества. В целом, не отрицая роли отдельного конкретного ученого в создании исследовательских программ, например, Романа Шпорлюка или Андре Гундера Франка, Кутуев все же пишет о готовности сообщества обще-

ствоведов отречься от гегемонии индивидуалистически-рационалистических и структуралистско-экономических схем в объяснении социального мира [Кутуев, 2009: с. 161].

При этом, в-третьих, Кутуев отмечает отличие исследовательских программ от просто исследований, так как первые являются единством теоретических и методологических идей, единством знаний о мире и их практическим использованием как в теории, так и в реальности (что, собственно, и показано выше на примере идей Маркса).

В-четвертых, с точки зрения Кутуева, последнее, на примере трудов Шпорлюка, фиксирует постоянное взаимодействие исследовательских программ с ценностными ориентациями, которые обуславливают выбор предмета исследования и возможные подходы к нему [Кутуев, 2003а: с. 59]. Собственно, такой подход вполне согласуется с точкой зрения М. Вебера [Вебер, 1990: с. 389–399], который указывал на роль культуры при установлении значимого в процессе бесконечного исследования реальности и его ограничения.

В-пятых, более конкретно, по Кутуеву, опять же на примере Шпорлюка, предположения или идеи исследовательских программ позволяют идентифицировать адекватный аналитический инструментарий для осознания влияния неких конкретных идей на конкретные социальные изменения реальности, их динамику и последствия, особенно в условиях проблемности взаимодействия различных теорий, их противоречивости или даже противостояния.

В-шестых, в рамках исследовательских программ формируются и существуют некие исследовательские императивы, предписания, требования, являющиеся производными от детального исследования динамики идей и интересов, формирующих картину мира. Императивы в рамках такого подхода позволяют отразить региональную специфику, дают возможность преодолеть ограничения, накладываемые устаревшими, не совсем адекватными универсалиями [Кутуев, 2003а: с. 60].

По Кутуеву, на примере творчества Шпорлюка, целью и задачей исследовательских программ является поиск нового в старых идеях, его создание, формулирование в идеях новых.

В частности, он пишет: «Новаторство исследовательской программы Шпорлюка заключается в том, что он идентифицирует национализм (последний можно рассматривать как идеологию, социальное движение и политику) как фактор общественного развития, значимость которого может конкурировать с влиянием либерализма и ленинизма» [Кутуев, 2003а: с. 61]. Это самое можно сказать и о «красных» социально-политических силах в их трактовке Марксом, то есть о «красных» популистах.

В целом, по мнению Кутуева, в рамках исследовательских программ должно происходить и происходит сочетание объективности и эксплицированных ценностей при достижении гармонии между ними [Кутуев, 2003а: с. 67]. Созданный набор аналитического инструментария в рамках исследовательских программ дает аналитикам адекватные теоретические и методологические ориентации для понимания многих феноменов, позволяет выйти за ограничения, которые накладываются априорным применением категорий.

Еще одним из условий успешности исследовательских программ и решения ими отмеченных задач является наличие формируемого в их рамках «синтетического теоретизирования (последнее в этом контексте противопоставляется конфликтному стилю «теоретического строительства»), которое стремится не столько отрицать парадигмы-конкуренты, сколько инкорпорировать их достижения – данная позиция позволяет исследователю избежать однобокости своих пресуппозиций» [Кутуев, 2003а: с. 67]. В более широком плане – синтетическое теоретизирование включает синтезирование теоретических положений и эмпирических данных ряда различных, но и многочисленных отраслевых наук, а не просто, например, социологии и политологии или социологии и истории, социологии и политической экономии и т. д.

Следует отметить, что, по Кутуеву, существуют некоторые исследовательские программы, которые требуют необходимости своего эмпирического или, в крайнем варианте, своего теоретического обоснования. В частности, он пишет: «В программе Шпорлюка социальные факты приобретают свое значение и содержание в зависимости от контекста, а потому ни в коем случае не подлежат априорному толкованию» [Кутуев, 2003а: с. 65].

Обобщая анализ Кутуевым ряда конкретных исследовательских программ (Франка, Шпорлюка и т. д.), можно сказать, что с его точки зрения они создаются, конструируются и поэтому имеют фазы своего формирования и развития, на них присутствуют некие императивы, которые могут быть разными на отдельных фазах и между ними может возникать конфликт. На первой фазе присутствует ряд несовпадающих, качественно различающихся между собой и изменяющихся идей, концепций, которые могут даже не иметь общего объекта, перспектив и трендов исследования. Так, например, как показано выше, анализируя движущие силы революции во Франции 1848–1851 годов, Маркс, устанавливая ее гегемона, задается вопросом и пытается дать на него ответ. Гегемон – это народ (народная революция), пролетариат (пролетарская революция), крестьянство и другие «промежуточные» классы и социальные группы («красная» революция)?

На второй фазе формирования исследовательских программ происходит развитие, анализ не одной отдельной идеи, а некой их синтетической и взаимосвязанной совокупности, проявившейся, например, у Маркса в концепции непрерывной революции. На этой фазе, по мнению Кутуева, может возникнуть качественно «новая» исследовательская программа, как это произошло, например, в рамках творчества А. Г. Франка [Кутуев, 2007: с. 17]. П. Кутуев пишет и о возможности третьей фазы формирования исследовательских программ, которую он характеризует как многомерную, преодолевающую ограничения своих предшественников, например, евроцентризма [Кутуев, 2016: с. 51].

Вместе с тем следует отметить, что взгляды Кутуева на сущность, формы и функции исследовательских программ также прошли, можно сказать, несколько этапов своей эволюции, это особенно проявляется при его анализе исследовательской программы Франка, то есть на базе ряда работ последнего.

Собственно, иначе – первоначально Кутуев, анализируя содержание конкретных исследовательских программ отдельных аналитиков, например Шпорлюка или Франка, немного уделяет специального внимания форме, структуре, целям, задачам и функциям самих исследовательских программ. В последующем это внимание постепенно возрастает до намерения (2009) на-

писать отдельное учебное пособие по обзору и классификации исследовательских программ [Кутуев, 2009: с. 145]. В первый момент его интересовало современное состояние общей проблематики теоретизирования в рамках социологии, в основном социологии развития и модернизации, которые являются основным объектом его анализа, более конкретно – теории Шпорлюка, Франка, Эйзенштадта и других. В этот период он использует понятие «исследовательская программа» в системе с иными взаимосвязанными с ним понятиями, часто как идентичными и взаимозаменяемыми. По форме это: «общая проблематика теоретизирования», «исследовательская проблематика», «теоретико-методологические ориентиры» [Кутуев, 2003б: с. 111], «теоретическое движение», «школа», «дискурс» [Кутуев, 2016: с. 41, 49, 50] и т. д. По содержанию (на примере Франка): «концепция развития недоразвития», «теория зависимости и развития недоразвития» (ТЗРН), «социология развития недоразвития», «исследовательская программа Франка» и т. д. Несколько иначе можно сказать: как сам термин «исследовательская программа», так и объективный феномен им отражаемый, не являются однозначными, существует ряд различных по содержанию и форме исследовательских программ или их вариантов. По этому поводу, анализируя взгляды Рябчука и ссылаясь на его точку зрения, Кутуев утверждает: «идентичность не является окаменевшей сущностью, а имеет гибкий, контингентный характер» [Кутуев, 2003а: с. 66]. Хотя в контексте работ как Рябчука, так и Кутуева, речь идет о национальной идентичности, вероятно, можно и нужно рассматривать такой подход шире. Как показано выше, в подобном плане его широко использовал Маркс: такие понятия, как «пролетариат», «рабочий класс» и многие другие имеют у него в зависимости от целей их использования и контекста совершенно разное содержание.

Более того, Кутуев фиксирует подобного рода смысл в рамках влияния Франка на Валлерстайна, а в последующем Валлерстайна на Франка, которое он определяет как «интеллектуальную конвергенцию». «Если в начале 1970-х Валлерстайн был обязан Франку своим интеллектуальным развитием (в программных эссе, очерчивающих основания мир-системного анализа, Валлер-

стайн неоднократно ссылается на работы Франка периода ТЗРН и использует его аргументы как точку отсчета для собственного теоретизирования, что подтверждает, в частности, общий обоих ученых тезис о капиталистической природе современной мир-системы, возникшей в XVI веке), то в конце 1970-х годов Франк начинает активно использовать концептуальный словарь своего коллеги (трехуровневая структура мир-системы, понятие полупериферии). Такая **интеллектуальная конвергенция** (выделено авторами) реализовалась в совместной работе этих двух авторов (к которым на разных этапах присоединялись С. Амин, Дж. Арриги и другие мыслители левого направления) над несколькими коллективными монографиями» [Кутуев, 2003б: с. 120].

Интеллектуальная конвергенция проявляется, по Кутуеву, и в более широком плане. В частности, он утверждает: «Развитие ленинских режимов после 1917 года подтвердило тезис Шпорлюка об интеллектуальном взаимодействии марксизма и национализма – поскольку марксизм национализировался, а национализм стал более чувствительным к социальным проблемам. Однако это взаимодействие не привело к уничтожению их своеобразия» [Кутуев, 2003а: с. 62]. Исходя из подобного рода логики и продолжая ее (она реализуется в рамках исследовательских программ), Кутуев приходит к заключению: «Обычные интерпретации, основанные на дихотомическом мышлении – капитализм против коммунизма; либерализм против религиозного фундаментализма; рынок против государства; государство против гражданского общества, – **исчерпали себя** (выделено авторами)» [Кутуев, 2003б: с. 128].

Академические дисциплины, ставящие своей целью установить, раскрыть и понять господствующий Дух эпохи, переживают кризис, констатирует Кутуев [Кутуев, 2003б: с. 128], предлагаемые ими варианты «выхода» из него «не являются адекватным теоретическим и политическим ответом на вызовы нынешнего дня. Ответ следует искать на пути синтеза, задачами которого являются переформулирование пресуппозиций «традиционной» социологической теории и развитие концепций, сочетающих теоретическую адекватность с чувствительностью к социальной справедливости» [Кутуев, 2003б: с. 128]. Более конкретно, по

Кутуеву (на примере творчества Франка), – хотя Франк и провозгласил смерть ТЗРН и призвал отказаться от нее, как утратившей свой потенциал, «его мышление продолжало оставаться под ощутимым влиянием категорий, разработанных во время предшествующего периода, поэтому данное исследование (новая исследовательская программа Франка – уточнение авторов) можно считать *логическим продолжением ТЗРН*, хотя и с определенными модификациями» [Кутуев, 2003б: с. 119].

Отмеченные обстоятельства (причины возникновения, условия существования, цели, задачи, функции исследовательских программ, их характер, формы, фазы и т. д.), а более конкретно – необходимость синтеза и синтетического теоретизирования, интеллектуальная конвергенция, исчерпанность роли дихотомий, кризис академических дисциплин и т. д. проявляются, во-первых, в различных определениях исследовательской программы или их набросках, предлагаемых Кутуевым. Они весьма многочисленны и разнообразны по своей форме, структуре, содержанию, объему, степени абстрактности и т. д., но их совокупность предлагает и предполагает некое целостное понимание исследовательских программ. К такого рода определениям, не претендуя на их исчерпывающее изложение, можно отнести следующие (изложены в форме интерпретаций авторами идей Кутуева):

– как вариант общей социологической теории, новое теоретическое движение, опирающееся на переосмысленные идеи классиков социологии, теоретизирование высшего уровня, служащие базисом дальнейших рассуждений, подкрепленных классической традицией, адаптированного к современным требованиям и определяющим границы интеллектуального пространства социологов [Кутуев, 2009: с. 155];

– как вариант общей теории, новое теоретическое движение, признаком которого стало стремление к синтезу различных исследовательских программ, сосредоточенных на решении конкретных проблем развития и функционирования социума, являющихся элементами широкого вопроса – происхождения, формирования и дальнейших перспектив современного общества [Кутуев, 2009: с. 156];

– в рамках исследовательской программы предлагается не только общая схема функционирования социума, но и предпринимаются попытки найти ответы на вызовы, возникающие в процессе его развития. В течение этого процесса общее теоретизирование отделяется от постижения отдельных и более узких социальных проблем, то есть происходит отделение анализа социума в его тотальности (предмет исследования) от анализа отдельных подсистем общества [Кутуев, 2009: с. 154];

– исследовательские программы – идеальная репрезентация объединения и синтеза объединенных фундаментальных проблем социума (например, развития и модернизации), которая выполняет «важную функцию обеспечения академической и политической общностей контекстом для совместных дискуссий. Они также служат основанием как для размышлений о современном социуме, так и для разработки политики, направленной на реализацию общественного блага» [Кутуев, 2009: с. 148];

– осознанное отрицание сознательного доминирования обычных и знакомых парадигм, например, привычных «советских» взглядов на идеи Маркса и положений марксизма;

– в рамках исследовательских программ происходит «смена вех» теоретико-методологических ориентиров, например, произошло социально-политическое исчезновение ленинизма и «перенесение ленинско-сталинских процедур прочтения Маркса на его «буржуазного» оппонента – М. Вебера. Место «пролетариата-идола», наделявшегося сакральными характеристиками и лишённого каких-либо «профанных» черт, связанных с его эмпирическим существованием, теперь занимают другие социальные образования» [Кутуев, 2003б: с. 111]. В частности, российский веберолог-веберианец Ю. Давыдов считает, что такой общественной силой становятся низшие слои среднего класса.

Существуют и иные определения исследовательской программы, но среди них, как и ряда приведенных, многие обладают некой односторонностью. Так, на основе анализа исследовательской программы модернизации Кутуев приходит к заключению, что способность «азиатских тигров» «найти выходы с периферии продемонстрировала многовариантность социального развития и

невозможность создания универсальной формулы «поступательного движения», которая, ко всему прочему, имела бы жесткую географическую «привязку» и ассоциировалась с единым культурным контекстом» [Кутуев, 2009: с. 157]. Это же самое можно сказать не только по отношению к модернизации, но и к теории Маркса, она не может представлять собой универсальной формулы. Подобное можно сказать и о роли Запада: «Многие ученые поняли, что евроцентристская иллюзия о Западе как единственном источнике социального динамизма в мире, динамизма, который противопоставляют застывшим деспотиям остального мира, бесосновательна теоретически и опасна практически» [Кутуев, 2009: с. 157]. В более широком плане, ссылаясь на французского социолога науки Бруно Латура и его анализ модерна, а более конкретно – его анализ судебного процесса против монопольных практик компании «Майкрософт», Кутуев утверждает: «Попытка четко определить даже такой объект – икону модерна, как компьютер, оказалась бесплодной, поскольку технологии не являются чем-то нейтральным, это предмет острых диспутов» [Кутуев, 2009: с. 160]. Иначе, обобщая изложенное и несколько схематизируя, можно сказать, попытки дать однозначное и четкое определение феномена, в частности – исследовательской программы, бессмысленна, но она не бесплодна и не бесполезна, более того – она необходима, а исследовательская программа представляет собой открытый вопрос.

Указанные обстоятельства, приведенные выше определения исследовательской программы и их интерпретация, сравнение перечисленного с идеями Маркса и т. д., во-вторых, указывают, что они во многом, если не идентичны, то значительно сходны, близки, поэтому, вероятно, можно говорить об этих идеях как исследовательской протопрограмме Маркса «красных» социально-политических сил французской революции 1848–1851 годов. Эта исследовательская протопрограмма Маркса может служить методологической основой для разработки современной исследовательской программы существующего в настоящее время популизма. Эта задача будет реализована во второй книге с предполагаемым названием «Популизм как проявление кризиса и угроза современной западноевропейской цивилизации». «Пер-

востепенным узловым вопросом», конструируемой авторами современной исследовательской программы, может быть (становится) вопрос: «Почему и при каких условиях многочисленные и различные социальные группы «среднего класса» и их социально-политические силы («красные», популисты, народники и т. д.) становятся «революционнее» рабочего класса, а они сами трансформируются в основную движущую силу социальных изменений существующего общества?».

ЛИТЕРАТУРА

◆

1. Андерсон, П. (1991). Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма / Пер. с англ. Москва: Интер-Версо. 272 с.
2. Арон, Р. (1992). Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича; пер. с франц.: А. И. Рычагов, В. А. Скиба. Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 608 с.
3. Арон, Р. (1993). Демократия и тоталитаризм / Пер. с франц. Москва: Текст. 303 с.
4. Валлерстайн, Иммануэль. (2003). После либерализма / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. Москва: Едиториал УРСС. 256 с.
5. Бек, У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. Москва: Прогресс-Традиция. 384 с.
6. Беликов, Е. (2008, 18 октября). Маркс снова бродит по Европе. *Комсомольская правда в Украине*, с. 3.
7. Бен, Белла Ахмед. (1964). Речи и выступления / Пер. с франц. Москва: Прогресс. 179 с.
8. Бернштейн, Э. (1910). Маркс под седлом. *Новое время*, № 29, с. 42–43.
9. Библер, В. (1990). О гражданском обществе и общественном договоре. *Через тернии* / Сост. А. А. Проташик. Москва: Прогресс. С. 335–361.
10. Бирнбаум, Н. (1994). Кризис в марксистской социологии. *Американская социологическая мысль: Тексты* / Под ред. В. И. Добренькова. Москва: Изд-во МГУ. С. 94–120.
11. Брегель, Э. Я. (1968). Политическая экономия капитализма. Москва: Международные отношения. 640 с.
12. Буртин, Ю. (1989). Ахиллесова пята исторической теории Маркса (Окончание). *Октябрь*, № 12, с. 3–48.
13. Вартанова, Е. (1994). Станет ли бестселлером «Экономика Украины»? *Зеркало недели*, 12 ноября.
14. Васильев, Л. (1990). Кризис социализма. *Через тернии* / Сост. А. А. Проташик. Москва: Прогресс, 1990. С. 9–59.
15. Вебер, М. (1990). Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. Москва: Прогресс. 808 с.

16. Вебстер, Неста. (2001). Всемирная революция. Заговор против цивилизации / Пер. с англ. Н. Н. Сенченко. Киев: Серж. 290 с.
17. Гальчинский, А. (2013). Переосмысление Маркса – актуальность для Украины в современном контексте. *Зеркало недели*, № 7, 23 февраля.
18. Гидденс, Э. (1992). Теории революции. Революции и общественные движения. *Диалог*, № 6–7, с. 57–63.
19. Гидденс, Э. (2003). Устройство общества: очерк теории структуризации. Москва: Академический Проект. 528 с.
20. Гидденс, Энтони. (2005). Социология / При участии К. Бердсолл; пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. Москва: Едиториал УРСС. 632 с.
21. Дарендорф, Р. (2002а). Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 288 с.
22. Дарендорф, Р. (2002б). Карл Маркс и теория социального изменения. *Дарендорф, Ральф. Тропы из утопии* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова, В. Л. Близнекова. Москва: Практис. С. 376–400.
23. Дарендорф, Ральф. (2006). У пошуках нового устрою: лекції на тему політики свободи у ХХІ ст. / Пер. з нім. А. Орган. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія». 109 с.
24. Заседание Центрального комитета от 15 сентября 1850 года (1957) / *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*. Т. 8. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 581–585.
25. Ильенков, Э. В. (1984). Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. Москва: Политиздат. 320 с.
26. Ильенков, Э. В. (1991). Философия и культура. Москва: Политиздат. 464 с.
27. История марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века – 1871 г. (1986). / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; редкол.: В. Ю. Самедов и др. Москва: Политиздат. 734 с.
28. История социологии в Западной Европе и США: учебник для вузов (1999) / Ответственный редактор – академик РАН Г. В. Осипов. Москва: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М. 576 с.
29. Кагарлицкий, Б. Ю. (2007). Политология революции. Москва: Алгоритм. 576 с.
30. Казаков, В. (2015). Карл Маркс. *Теоретики світової соціології: життя та творчий спадок: Путівник портретною галереєю Інституту соціології НАН України*; за ред. акад. НАН України, проф., д.е.н. В. Ворони. Київ: Інститут соціології НАН України. С. 25–37.

31. Казаков, Валерій. (2018). Идеальный тип у творчості Карла Маркса та Макса Вебера. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, № 3, с. 74–95.
32. Камю, А. (1990). Бунтующий человек. *Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*: Пер. с фр. Москва: Политиздат. С. 119–356.
33. Кантор, К. М. (1992). История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики). Москва: Наука. 150 с.
34. Каутский, К. (1956). Экономическое учение Карла Маркса. Москва: Государственное издательство политической литературы. 232 с.
35. Ким, Г. Ф. (1982). От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 296 с.
36. Киселев, В. (1990). Социализм: катастрофа или возрождение. *Через тернии* / Сост. А. А. Проташик. Москва: Прогресс. С. 204–228.
37. Коваль, Б. И. (1987). Революционный опыт XX века. Москва: Мысль. 542 с.
38. Кожокин, Е. М. (1982). Пролетариат и утопический социализм 30–40 годов XIX в. во Франции. *Социальные движения и борьба идей. Проблемы истории и историографии*. Москва: Наука. С. 142–155.
39. Козер, Льюис. (2000). Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. А. Назаровой. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 208 с.
40. Коммунистическое движение и борьба за общественный прогресс: Учеб. пособие для ун-тов марксизма-ленинизма; под общ. ред. В. В. Загладина (1988). Москва: Политиздат. 302 с.
41. Кутуев, П. (2003а). Сравнительно-историческая социология национализма и модернизация: исследовательская программа Романа Шпорлюка. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 3, с. 57–73.
42. Кутуев, П. (2003б). Зависимость, недоразвитие и кризис в социологии развития недоразвития Андре Гундера Франка: критический анализ. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 110–129.
43. Кутуев, П. (2007). Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа Андре Гундера Франка. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 2, с. 17–25.
44. Кутуев, П. (2009). Проблематика современного социологического теоретизирования. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 2, с. 144–165.

45. Кутуев, П., Якубин, А., Макаренко, Д., Герчановский, Д. (2016). От евроцентричного модерна до плюралистических модернов: эволюция исторической социологии Ш. Эйзенштадта. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 3, с. 38–61.
46. Макеев, С. (2001). Классовый анализ в современной социологии. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 3, с. 5–22.
47. Макеев, С. (2006). Статус классового анализа в современной социологии. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 3, с. 81–91.
48. Макеев, С., Костенко Н. (2008). Место и время социологии. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 1, с. 11–32.
49. Макеев, С., Оксамитная С. (2011). Концепция институционально воспроизводимых социальных неравенств. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 32–49.
50. Макеев, С. (2016). Дифференциация солидарностей в экстраординарных обстоятельствах 2013–2015 годов в Украине. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 1, с. 3–25.
51. Макеев, С. (2018). Аналіз події: «Вісімнадцять брюмера Луї Бонапарта». *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, № 2, с. 11–28.
52. Малюк, А. (2012). Теоретико-методологические проблемы исследования современного глобального кризиса. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 22–50.
53. Малюк, А. (2013а). Формирование долгосрочной исторической конъюнктуры современного глобального кризиса. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 1, с. 27–45.
54. Малюк, А. (2013б). Смена социально-классовой стратегии правящих и господствующих групп Запада в условиях структурного кризиса капитализма. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 2, с. 36–51.
55. Малюк, А. (2013в). Неолиберальная трансформация послевоенной модели капиталистического развития как составная часть долговременной исторической конъюнктуры периода структурного кризиса капитализма. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 96–121.
56. Малюк, А. (2018). Концепція глобалізації К. Маркса: спроба теоретичної реконструкції. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, № 4, с. 157–178.
57. Малюк, А. (2019). Імперіалізм у Марксовій концепції глобалізації. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, № 3, с. 33–61.
58. Мао, Цзэ-Дун. (1957). К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. Москва: Правда. 48 с.

59. Марксизм-ленинизм и реалии конца XX столетия / Редкол.: Б. И. Коваль и др. (1988). Москва: Политиздат. 399 с.
60. Маркс, К. (1955). Коммунизм и аугсбургская «ALLGEMEINE ZEITUNG». *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 1. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 114–118.
61. Маркс, К. (1955). К критике гегелевской философии права. Введение. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 1. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 414–429.
62. Маркс, К. (1955). Немецкая идеология. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 3. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 7–544.
63. Маркс, К. и Энгельс, Ф. (1955). Манифест коммунистической партии. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 4. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 419–459.
64. Маркс, К. (1956). Июньская революция. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 5. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 138–142.
65. Маркс, К. (1957). Наемный труд и капитал. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 6. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 428–459.
66. Маркс, К. (1956). Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 7. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 5–110.
67. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1956). Обращение ЦК к Союзу коммунистов. Март 1850. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 7. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 257–267.
68. Маркс, К. (1957). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 8. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 115–217.
69. Маркс, К. (1960). Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 17. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 317–370.
70. Маркс, К. (1961а). Критика Готской программы. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 19. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 9–32.

71. Маркс, К. (1961б). Письмо в редакцию «Отечественных записок». *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 19. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 116–121.
72. Маркс, К. (1960). Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I. Процесс производства капитала. *Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 23. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. 908 с.
73. Маркс, К. (1961). Капитал. Критика политической экономии. Том второй. Книга II. Процесс обращения капитала. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 24. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. 649 с.
74. Маркс, К. (1962). Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая (главы I–VII). *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 26. Часть I. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 3–426.
75. Маркс К. – Энгельсу, 1856, 16 апреля. (1962). *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 29. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 34–38.
76. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1974). О социалистической революции. Москва: Политиздат. 515 с.
77. Маркс, К. (1988). Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные сочинения*: в 9, т. 9, ч. 2. Москва: Политиздат. 506 с.
78. Маркузе, Герберт. (1994). Одномерный человек. Москва: REFL – book. 368 с.
79. Международное коммунистическое движение: учебник для слушателей респ. и межобл. Высш. парт. школ / Ю. А. Красин, М. И. Басманов, А. Б. Вебер и др.; отв. ред. Ю. А. Красин. (1983). Москва: Мысль. 332 с.
80. Международное рабочее движение (Вопросы истории и теории): в семи томах. / Глав. ред. комиссия: Б. Н. Пономарев (пред.) и др. Т. I. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса (1976). Москва: Мысль. 668 с.
81. Мертон, Р. (1994). Явные и латентные функции. *Американская социологическая мысль*: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. Москва: Изд-во МГУ. С. 379–448.
82. Озеров, М. (2007). Через 30 лет мир охватит эпидемия марксизма. *Комсомольская правда в Украине*, 8 мая, с. 5.

83. Ойзерман, Т. И. (1986). Формирование философии марксизма. 3-е изд. Москва: Мысль. 462 с.
84. Павленко, Г. В. (1985). Вильгельм Вейтлинг. Москва: Мысль. 173 с.
85. Политические партии: справочник / Под общ. ред. Загладина В. В., Киселева Г. А. (1986). Москва: Политиздат. 382 с.
86. Розенберг, Д. И. (1983). Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. Москва: Экономика. 720 с.
87. Рокитянский, Я. Г. (1982). Деятельность Маркса и Энгельса в среде немецких рабочих в 1846 – начале 1848 г. *Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения* / редкол.: М. П. Мчедлов и др. Москва: Политиздат. С. 162–204.
88. Рокитянский, Я. Г., Баталов, Э. Я. (1989). В мире утопий. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. Москва.
89. Кирилюк, Ф. М. (1990). Социалистический идеал: до и после Маркса. Киев, 1989. *Новая и новейшая история*, № 4. С. 221–224.
90. Рокитянский, Я. Г. (1991). Историзм в подходе к «Манифесту Коммунистической партии». *Новая и новейшая история*, № 4. С. 28–43.
91. Симончук, Елена. (2010). Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 56–84.
92. Симончук, Елена. (2011). Классовое действие: тенденции формирования социальных классов в Украине. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 50–96.
93. Симончук, Елена. (2015). Концепт «класс» в современной социологии: классификация значений. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 3, с. 21–38.
94. Симончук, Елена. (2016а). Институционализация классового анализа в украинской социологии. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 19–39.
95. Симончук, Елена. (2016б). Состояние и перспективы изучения социальных классов: междисциплинарная конференция. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 4, с. 211–226.
96. Сироткин, В. (1990). Номенклатура в историческом разрезе. *Через тернии* / Сост. А. А. Проташик. Москва: Прогресс. С. 292–332.
97. Сколотяный, Ю. (2018, 12 мая). Анатолий Гальчинский: «Новое прочтение Маркса – одна из важнейших задач нашего времени». *Зеркало недели*, № 17, с. 7.
98. Старченков, Г. (2009). Без руля и без перил. *Правда*, 19 марта.

99. Степаненко, В. П. (2015). Громадянське суспільство: дискурси і практики. Київ: Інститут соціології НАН України. 420 с.
100. Степаненко, Віктор. (2018). Карл Маркс як соціолог: з нагоди 200-ліття від дня народження класика. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, № 2, с. 7–10.
101. Тоффлер, Э. (2001). Метаморфозы власти / Пер. с англ. Москва: ООО «Издательство АСТ». 669 с.
102. Уоддис, Д. (1975). «Новые» теории революции. Москва: Прогресс. 528 с.
103. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. 2-е изд. (1989). Москва: Сов. энциклопедия. 815 с.
104. Фромм, Э. (1992). Концепция человека у К. Маркса. *Фромм, Э. Душа человека* / Перевод. Москва: Республика. С. 375–414.
105. Хантингтон, С. (2003). Третья волна. Демократизация в конце XX века. / Пер. с англ. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 368 с.
106. Ципко, А. (1990). Противоречия учения Карла Маркса. *Через тернии* / Сост. А. А. Проташик. Москва: Прогресс. С. 60–83.
107. Эклунд, К. (1991). Эффективная экономика – шведская модель: (Экономика для начинающих и не только для них...) / Пер. со швед.; авт. предисл. В. В. Попов, Н. П. Шмелев; науч. ред. А. М. Волков. Москва: Экономика. 349 с.
108. Энгельс, Ф. (1957). Революция и контрреволюция в Германии. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 8. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 3–113.
109. Энгельс, Ф. (1961). К истории Союза коммунистов. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 21. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 214–232.
110. Энгельс Ф. – Иосифу Вейдемейеру, 1853, 12 апреля. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения*, т. 28. Издание второе. Москва: Государственное издательство политической литературы 1962. С. 485–493.

Наукове видання

**Валерій Сергійович Казаков
Валерій Євгенович Піліпенко
Юрій Олексійович Прівалов**

**ПОПУЛІЗМ: ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА,
ІСТОРІЯ І СУЧАСНІСТЬ**

**Книга перша
ТЕОРІЯ РЕВОЛЮЦІЇ КАРЛА МАРКСА:
ГЕНЕЗИС ПОПУЛІЗМУ**

**Відповідальна за випуск: Г. Чепурко
Редактор: О. Кузьміна
Комп'ютерна верстка: Л. Войтович**

Підписано до друку 26.10.2021.
Формат 60x86/16. Папір офсетний.
Гарнітура Times New Roman. Друк цифровий.
Умовн. друк. арк. 19.18. Наклад 150 прим. Зам. № 12/32.

Видавництво ТзОВ «Простір-М»
Свідоцтво ДК №5068 від 22.03.2016 р.
79000, м. Львів, вул. Чайковського, 8.
Тел.: (032) 261-09-05, e-mail: prostir.druk@gmail.com

